

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2018 Том 9 № 4

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор
филологических наук, профессор,
РУДН, Россия

E-mail:

denissenko_vn@rudn.university

Заместитель главного редактора

Н.В. Новоспасская, кандидат
филологических наук, доцент,
РУДН, Россия

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

Ответственный секретарь

О.В. Лазарева, кандидат
филологических наук,
РУДН, Россия

E-mail:

lazareva_ov@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Центр международного образования МГУ (Москва, Россия)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный Университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Тарасов Евгений Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory):

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* (*Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*) издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Авторы, желающие получить номер с опубликованной статьей, оформляют подписку на два выпуска журнала; подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.university

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.university

Подписано в печать 29.11.2018. Выход в свет 07.12.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,53. Тираж 500 экз. Заказ № 1667. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2018 VOLUME 9 No. 4

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denissenko

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: denissen-

ko_yn@rudn.university

DEPUTY-EDITOR-IN CHIEF

Natalia Novospasskaya

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya Lazareva

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

lazareva_ov@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russia)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russia)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russia)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russia)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Evgeniy Tarasov, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMiotics AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Authors are supposed to subscribe the Bulletin, if they'd like to have an issue with their article published.

E-mail: semioticj@rudn.university

Review Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dvoglevskaya*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Ненарокова М.Н. (Россия, Москва).** «Русские песни» Антона Дельвига: проблема сохранения национального колорита в английских переводах 795
- Вышенская Ю.П. (Россия, Санкт-Петербург).** Стилистические традиции и новшества эпохи поэтико-прозаического единства (на материале английской словесности XIV—XV-го веков) 812

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

- Evgrafova Yu. & Maksimenko O. (Russia, Moscow).** Simulacrum in static-dynamic scope of the screen (a case study of polycode-multimodal texts of the Internet) (**Евграфова Ю.А., Максименко О.И. (Россия, Москва).** Симулякр в статике и динамике экранного пространства текста (тематическое исследование поликодовых-мультимодальных текстов Интернета)) 831
- Фролова Н.М. (Россия, Саранск).** Особенности языковой репрезентации концепта «жизнь» в пьесе Л.Н. Андреева «Жизнь человека» 842
- Kadilina O. (Russia, Moscow) & Ryadchikova E. (Russia, Krasnodar).** Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspects (**Кадиллина О.А. (Россия, Москва), Рядчикова Е.Н. (Россия, Краснодар).** Сильная, слабая и усредненная языковая личность в коммуникативно-прагматическом и лингвокультурном аспектах) 859
- Нагзибекова М.Б., Хасанова Ш.Р. (Таджикистан, Душанбе).** Лексико-семантические группы качественных прилагательных таджикского и русского языков, выражающие общую оценку внешности человека 883
- Markova E. (Slovakia, Trnava).** Assimilation of borrowings in slavic languages (in the aspect of Russian-Czech-Slovak comparison) (**Маркова Е.А. (Словакия, Трнава).** Усвоение заимствований в славянских языках (в аспекте российско-чешско-словацкого сравнения)) 896
- Lunkova L.N. & Pavlova M.S. (Russia, Kolomna).** Cognitive aspect of English-Russian metaphor translation in Julian Barnes's *Talking it over* (**Лунькова Л.Н., Павлова М.С. (Россия, Коломна).** Когнитивный аспект перевода Метафоры на материале романа Дж. Барнса «Как все было») 904
- Денисенко В.Н., Чжан Кэ (Россия, Москва).** Заимствованное компьютерное и сетевое слово в русскоязычном и китайскоязычном коммуникативном пространстве Интернета 911

- Нелюбова Н.Ю., Сёмина П.С., Ершов В.И. (Россия, Москва).** Концепты «ЖЕНЩИНА», «МУЖЧИНА», «ЛЮБОВЬ» во французских пословицах (на материале французского языка Франции и Бельгии) 926

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- Красина Е.А., Васильева А.А. (Россия, Москва).** XVIII Международная научная конференция «Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты» г. Орехово-Зуево: ГГТУ, 16—18 мая 2018 года 944

РЕЦЕНЗИИ

- Налегач Н.В. (Россия, Кемерово).** Искусство понимания. Рецензия на учебное пособие: *Ненарокова М.Р.* Основы лингвостилистического анализа текста: учебное пособие. М.: РУДН, 2018. 186 с. 951

CONTENTS

LANGUAGE HISTORY

- Nenarokova M.R. (Russia, Moscow).** The Russian songs by Anton Delvig: the problem of preserving national specificity in English translations 795
- Vyshenskaya Yu.P. (Russia, St. Petersburg).** Syntactic Stylistic traditions and innovations of the epoch of poetic-prosaic inseparability (on the material of English belles-lettres of XIV—XV centuries) 812

LANGUAGE THEORY

- Evgrafova Yu. & Maksimenko O. (Russia, Moscow).** Simulacrum in static-dynamic scope of the screen (a case study of polycode-multimodal texts of the Internet) 831
- Frolova N.M. (Russia, Saransk).** Peculiarities of language representation of the concept “Life” in the play by L.N. Andreev’s “The life of man” 842
- Kadilina O. (Russia, Moscow) & Ryadchikova E. (Russia, Krasnodar).** Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspects 859
- Nagzibekova M.B. & Khassanova Sh.R. (Tajikistan, Dushanbe).** Lexical and semantic groups of qualitative adjectives conveying a common appraisal of human’s appearance in Tajik and Russian languages 883
- Markova E. (Slovakia, Trnava).** Assimilation of borrowings in slavic languages (in the aspect of Russian-Czech-Slovak comparison) 896
- Lunkova L.N. & Pavlova M.S. (Russia, Kolomna).** Cognitive aspect of English-Russian metaphor translation in Julian Barnes’s Talking it over 904
- Denisenko V.N. & Zhang Ke (Russia, Moscow).** Computer and network word in the Russian-language and Chinese-language communicative Internet space 911
- Nelyubova N.Yu., Syomina P.S. & Ershov V.I. (Russia, Moscow).** Concepts “Woman”, “Man”, “Love” in French proverbs (based on the French language of France and Belgium) 926

SCIENTIFIC CHRONICLE

Krasina E.A. & Vasilyeva A.A. (Russia, Moscow). XVIII International scientific conference “Language and mind: psychological and linguistics aspects” Orekhovo-Zuyevo: GGTU, 16—18 May, 2018 944

REVIEWS

Nalegach N.V. (Russia, Kemerovo). Art of understanding Review of the text-book: Nenarokova M.R. Basics of linguistic stylistic text analysis: a tutorial. Moscow: RUDN University, 2018. 186 p. 951

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

УДК: 81'255.4:82.03:811.111:821.161.1-1
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-795-811

«РУССКИЕ ПЕСНИ» АНТОНА ДЕЛЬВИГА: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ

М.Н. Ненарокова

Институт мировой литературы им. М. Горького РАН
ул. Поварская 25а, г. Москва, Россия, 121069

Статья посвящена проблеме передачи национальной специфики текста в переводе. Объектом изучения стали «русские песни» Антона Дельвига, стилизации под народные песни, созданные с использованием поэтических средств русского фольклора. Предметом изучения стали особенности передачи признаков национального колорита, отличающих стихотворения Дельвига, в английских переводах. Исследование выполнено на материале следующих текстов: семь переводов стихотворения «Соловей», два перевода стихотворения «Пела, пела пташечка...», один перевод стихотворения «Ах, ты, ночь...», один перевод стихотворения «Не осенний частый дождичек...», выполненных как русскоязычными, так и англоязычными переводчиками. Автор поставил себе цель определить, какими художественными средствами можно передать национальные особенности стилизации под русскую народную песню. В задачи исследователя входило: проанализировать и описать особенности передачи метрики стихотворений Дельвига; определить круг их ключевых лексем; выявить и описать расхождения в их переводах, объяснить, почему вариант, выбранный тем или иным переводчиком, возможен или невозможен в переводе текста Дельвига; указать, какими способами переводчики воспроизводят на английском языке художественные средства русской народной песни; определить, как назначение текста связано с ожидаемым результатом работы переводчика. Были использованы методы сплошной выборки, лингвистического наблюдения и описания, компонентного анализа, концептуального анализа, контекстуального анализа, анализа сочетаемости слов. Исследование показало, что переводчики, сохраняющие национальную специфику оригинала, создают перевод-стилизацию. Они повторяют средствами своего языка художественные средства оригинала. Арсенал художественных средств, позволяющий передать национальную специфику в случае «русских песен» Дельвига, складывался в течение полутора столетий. Он включает в себя использование архаизмов, передачу повторов и параллелизмов, воссоздание формул или создание аналогов в рамках своей культуры. Важным средством передачи национальной специфики текста является его ритм. Точное воспроизведение ритмического рисунка помогает читателю получить то же впечатление от перевода, что и от оригинала, и даже может замаскировать ошибки в передаче содержания.

Ключевые слова: перевод, национальная специфика, русская литература, фольклор, русская песня, Антон Дельвиг, стилизация, поэтические средства, «Соловей»

ВВЕДЕНИЕ

Одной из труднейших проблем, с которыми сталкивается в своей работе переводчик, является передача национальной специфики текста. Национальная специфика может проявляться в тексте заметно, в виде разнообразных реалий, не суще-

ствующим в принимающем языке, как языковых, так и культурных и исторических. Часто сложность возникает не только и не столько в том, чтобы в переводе были сохранены и правильно переданы имена, названия предметов домашнего обихода, одежды, национальных блюд, праздников, упоминания об исторических событиях, — мимо таких элементов текста переводчику трудно пройти, они представляют собой заметные препятствия, без преодоления каждого из которых невозможно продолжать работу и в конце концов достигнуть результата. Как кажется, гораздо более трудно передать стиль произведения, особенно если произведение написано с использованием лексики, отклоняющейся от литературных норм, например, диалектной, относится к устному народному творчеству или является стилизацией, воспроизводящей основные черты того или иного фольклорного жанра.

Говоря о стилях жанров устного народного творчества, например, о стиле народной песни, исследователи выделяют, с одной стороны, «языковую основу песни — диалект (разговорную речь)» [1. С. 8], с другой, «совокупность поэтических приемов» [1. С. 8], воспользовавшись которыми можно создать авторское литературное произведение. Выраженность национального колорита в нем зависит от умения автора грамотно использовать художественные средства народной поэзии.

Интересным примером подобных литературных произведений можно назвать «русские песни» Антона Дельвига (1798—1831). Антон Антонович Дельвиг, вошедший в историю русской литературы как лицейский друг Пушкина, «представитель „пушкинской плеяды“» [2. С. 5], «был одной из самых примечательных фигур в русской литературе пушкинской эпохи» [3. С. 3].

ДЕЛЬВИГ И ЕГО «РУССКИЕ ПЕСНИ»

Дельвиг начал писать в то время, когда в русском обществе были особенно сильны патриотические настроения, вызванные событиями 1812 г. Недаром первым его известным стихотворением является «патриотическая стилизация народной песни по случаю занятия Москвы Наполеоном» [3. С. 4—5].

Интерес к русскому фольклору сохранился у Дельвига на всю жизнь, поэтому значительную и, возможно, наиболее известную часть его наследия составляют так называемые «русские песни и романсы». Свое общее название эти стихотворения Дельвига получили недаром: многие современники в своих воспоминаниях отмечали, что на их тексты очень быстро стали писать музыку, иногда сразу по прочтении. Так, рассказывая в своих мемуарах о салоне Софьи Дмитриевны Пономаревой, частым посетителем которого был и Дельвиг, Д.Н. Свербеев отмечал: «Дельвиг приносил свои песни, которые тут же распевала хозяйка» [4. С. 30].

Как писал исследователь литературы пушкинского времени Б.В. Томашевский, «песни Дельвига, конечно, не реставрация крестьянской обрядовой или бытовой лирики. ... Они писаны в „народном стиле“, так, как он понимался в те годы и на потребу тогдашнего времени» [2. С. 50]. По наблюдениям Л. Плоткина, «в песнях Дельвига совершенно отсутствуют архаические слова и обороты, ... он смело вводит в свои стихи разговорные интонации, средства фольклорной поэ-

тики» [5. С. 41—42]. То же подтверждает и Л. Колер, американская исследовательница творчества Дельвига: «Он [Дельвиг — М.Н.] не использует каких-либо грубых, „вульгарных“ выражений и таким образом вполне соответствует классицистическим представлениям о подражаниях народной песне, предназначенных в первую очередь для литературного *салона*. <...> Язык в общем и целом проще, более разговорный [чем в „классических“ стихотворениях [6. Р. 177], М.Н.], но все еще в границах нейтрального стиля» [6. С. 176—177]. Она перечисляет поэтические средства, почерпнутые Дельвигом из народных песен: «широкое использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами» [6. Р. 177], «особые „жалобные“ выражения: кручинушка, сиротинушка...» [6. Р. 177], «формульные эпитеты из народной поэзии» [6. Р. 177], «использование деепричастий на *-учи*, *-ючи*, характерное для народной песни» [6. Р. 177], «слова с ударением, как в народных песнях» [6. Р. 177], «параллелизм, повтор, сравнения, символические образы» [6. Р. 178]

Тот факт, что дельвиговы «русские песни» «изначально имели установку на вокальное исполнение» [7. С. 22], определил их дальнейшую судьбу и в России, и за рубежом. Большинство песен и романсов на стихи Дельвига до сих пор входят в певческий репертуар, в том числе и «Пела, пела пташечка...» на музыку А.А. Алябьева, и «Не осенний мелкий дождичек...» на музыку М. Глинки, исполнявшийся еще Федором Шаляпиным, и «Ах, ты, ночь...» также на музыку М. Глинки, и, конечно, знаменитый «Соловей», наиболее известную музыку к которому написал А.А. Алябьев. Все четыре названные «русские песни» были переведены на английский язык.

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ «РУССКАЯ ПЕСНЯ» («СОЛОВЕЙ МОЙ, СОЛОВЕЙ...») (1826)

Настоящее заглавие стихотворения, которое весь мир знает на разных языках как «Соловей», было «Русская песня» [8. С. 31]. Имя автора самого раннего перевода, включенного в рецензию на сборники «славянской» поэзии, одним из которых была книга *Songs of the Polish and Russian People of Galicia, collected by Wenceslaus Olesky. Lemberg. 1833* («Песни польского и русского народа Галиции, собранные Венцеславом Олеским») [9. Р. 85], установить не удалось (возможно, это сам автор статьи). Дельвиг выводится в этой рецензии как фольклорист, «записавший песню из уст крестьянской девушки» [9. Р. 106]. Название стихотворения впервые изменено: *The Faithless Lover* [10. Р. 107; 6. Р. 177], «Неверный возлюбленный».

На сегодняшний день обнаружено еще шесть переводов этого стихотворения: авторами переводов являются Александр Шарковский (2011 г.) [11], Людмила Пургина¹ (2012 г.) [12], Алекс Дэвис (2014 г.) [13], Эдуард Лейтман (2014 г.) [14], английский литературовед и переводчик Питер Франс (2015 г.) [15] и Александр Ласкавцев (2016 г.) [16].

¹ В Интернете фамилия переводчицы приводится только по-английски — *Purgina*, отсюда наша транслитерация.

Необходимо отметить, что только половина авторов перевела текст Дельвига полностью или с небольшими купюрами (переводы Анонима, Шарковского, Пургиной, Франса).

Две первые строки стихотворения Дельвига «Соловей мой, соловей, / Голосистый соловей!» [8. С. 31] переданы по-английски почти одинаково всеми переводчиками. Главным камнем преткновения для переводчиков стал эпитет соловья — «голосистый». Русское прилагательное «голосистый» значит «обладающий богатым, сильным, звучным голосом». Стоит также уточнить, что понимается под богатством и звучностью голоса. Богатый голос отличается не только красивым тембром, но и наличием дополнительных звуков, обертонов. Чем больше обертонов, тем богаче голос. Звучность голоса предполагает «громкость, звонкость, чистое звучание». Соответственно, чистота голоса соотносится с отсутствием фальшивых нот, сипения, хрипоты. Такой голос приятен слушателям. Можно сказать, что у прилагательного «голосистый» есть признаки «громкость», «богатство», «чистота» и связанная с ними «красота/приятность». Это прилагательное разделило переводчиков на две группы.

Англоязычные переводчики передали один или несколько признаков голоса соловья, например, Дэвис подчеркнул громкость пения (*Loud-voiced nightingale* [13. P. 87] — «громкоголосый соловей»), а Франс — и громкость, и приятность (*Sweet-voiced, loud-voiced nightingale* [15] — «Сладкоголосый, громкоголосый соловей»). По этому же пути пошел и один из русскоязычных переводчиков, Лейтман: *Sweetly singing Nightingale* [14] — «сладко поющий соловей». Аноним прибегнул к описательному переводу: *Nightingale so full of song* [10. P. 107] — «соловей, столь полный песней».

Большинство русскоязычных переводчиков выбрало слово *vociferous* [11; 12; 16], и, как кажется, выбор этот малоудачен. Это прилагательное для английского читателя связано не с пением, а с защитой и пропагандой своих убеждений: «выражающий свое мнение или чувства громко и уверенно»; «выражающий чувства или мнения очень громко и убедительно»; «если вы описываете кого-то как *vociferous*, вы даете понять, что эти люди говорят очень энергично и решительно, так как они хотят, чтобы их мнение было услышано». Как кажется, более правы переводчики, передававшие признаки слова «голосистый». Они гораздо меньше погрешили против смысла слова.

Строки 3 и 4 в оригинале представляют собой одно вопросительное предложение. Фольклорный характер предложению придает повтор вопросительного слова «куда»: «Ты куда, куда летишь...» [8. С. 31]. Переводчик 19 в. постарался воссоздать повтор, но иными средствами. Он расширил текст перевода посредством добавления, но при этом нельзя сказать, что перевод неудачен: *Tell me, tell me, where thou fliest* [10. P. 107] — «Скажи мне, скажи мне, куда ты летишь...». В тексте появляется разговорная интонация, не противоречащая характеру народной песни. С другой стороны, аноним 19 в. употребляет архаичные формы *thou* — «ты» и *fliest* — «летишь», поскольку в переводах с русского языка, сделанных в 19 в., архаичные формы использовались для передачи народной, крестьянской речи.

Большинство переводчиков постаралось сохранить повтор, причем они делали это разными способами: *Where, where are you flying to* — «Куда, куда ты [сейчас] летишь...» [16]; *Where do you fly? Where to do you fly?* — «Куда ты летишь? Куда ты летишь?» [12]; *Where are you flying to, oh where?* — «Куда ты [сейчас] летишь, о, куда?» [15].

Как говорилось выше, строка 4 является второй частью сложносочиненного бессоюзного предложения, но некоторые переводчики изменяют его структуру, создавая два независимых вопросительных предложения, как, например, делает это Лейтман: *Where are you flying by alone? / Where you'll be singing all night long?* [14] — «Куда ты пролетаешь мимо в одиночестве? Где ты будешь петь ночь напролет?» Людмила Пургина делит дельвиговское предложение на три части: *Where do you fly? Where to do you fly? / Where do you sing your trills all over the night?* [12] — «Куда ты летишь? Куда ты летишь? Где ты поешь свои трели в течение всей ночи?» В других переводах первоначальная структура предложения сохраняется, например у Ласкавцева: *Where, where are you flying to, / Where will you be singing all night long?* [16] — «Куда, куда ты [сейчас] летишь, / Где ты будешь петь ночь напролёт?»

Если повтор «куда, куда» переводчикам воспроизвести удалось, то уменьшительное «ночка» можно отнести к неизбежным потерям. В английском языке уменьшительных суффиксов немного, и по объему значения они далеко не всегда совпадают с русскими суффиксами. Дельвиговское «ночка» во всех переводах теряет свой народный, фольклорный характер и передается нейтральным *night*.

Строки 5—8 стихотворения представляют собой вопросительное предложение, осложненное двумя деепричастными оборотами, причем параллелизм этих оборотов поддерживается еще и рифмой («смыкаючи» — «утопаючи»), в то время как в стихотворении рифма на концах строк отсутствует. Особенностью этих деепричастий является окончание «-ючи», придающее, как и параллелизм, фольклорный характер тексту Дельвига. В этих четырех строках переводчикам пришлось решать несколько проблем, и первой из них была передача пола лирической героини. Как писал в статье «Славянская народная поэзия» аноним, в качестве героинь русских народных песен выступают «крестьянские девушки» [9. P. 106], «дэвицы», поэтому в переводе, включенный в статью, аноним использует архаизм, вошедший в язык английской поэзии, *maiden* — «лит. дева, девушка или незамужняя молодая женщина»: *Will another maiden hear thee / Like to me...* [10. P. 107] — «Будет ли другая дева слушать тебя, / как я...». Это же существительное использует и Питер Франс в своем переводе: *Will some poor maiden just like me / Hear you...* [15] — «Будет ли какая-нибудь бедная дева так же, как и я, / Слушать тебя...». Поскольку использование архаизмов характерно для перевода русских фольклорных текстов, можно сказать, что здесь переводчикам удалось передать русский народный колорит.

Лирическая героиня говорит и о себе, и о возможной товарке по несчастью: «бедная». В русском языке «бедный» как характеристика душевного состояния может означать «несчастный, возбуждающий жалость, сострадание, несчастный, жалкий». Прилагательное «несчастный» можно объяснить как «испытывающий

или испытавший несчастье; выражающий горестное, скорбное состояние», но так же и как «жалкий», то есть «жалкий, ничтожный», если словом «несчастный» выражается неодобрительное, пренебрежительное отношение к человеку или предмету. Поскольку все эти слова используются в словарных дефинициях прилагательного «бедный», то, как кажется, его значение могут отличать такие компоненты, как «горе, страдание», «сострадание, сочувствие», «ощущение жалости к себе или другому», причем эта жалость имеет легкий негативный оттенок.

Только в одном случае, в тексте Людмилы Пургиной [12], эпитет опущен. Остальные переводчики передали его при помощи английских прилагательных. Англоязычные переводчики [10. Р. 107; 13. Р. 88—89; 15] были единодушны в выборе *poor* в значении «заслуживающий жалости и симпатии». Таким образом, значения слов *poor* и «бедный» почти совпадают, если не учитывать тонкую разницу между положительным *poor* и слегка презрительным «бедный». Что касается русскоязычных переводчиков, то выбор их был различен: как и его англоязычные коллеги, Лейтман использовал *poor* [14], в то время как Ласкавцев остановил свой выбор на *wretched* [16], а Шарковский отдал предпочтение *sorrowful* [11]. Английское прилагательное *wretched* может значить «крайне дурной или неприятный», а также «вызывающий симпатию и жалость». *Wretched* могло бы совпадать по значению с русским прилагательным «бедный», если бы не оттенок сильного раздражения: последнее, разговорное, значение слова *wretched* — «вызывающий очень сильное раздражение».

Прилагательное *sorrowful* — «очень печальный», выбранное Шарковским, отражает один из компонентов, входящих в значение прилагательного «бедный», а именно: «выражающий горестное, скорбное состояние». Как кажется, более нейтральное *poor* гораздо лучше соответствует замыслу Дельвига, создававшего «„русские песни“, сблизившиеся с народными песнями... особенностями художественного языка» [7. Р. 5].

Текст Дэвиса показывает, как опасен буквальный перевод. В то время как остальные переводчики передавали глагол «прослушать» («Кто-то бедная, как я, / Ночь прослушает тебя...» [8. С. 31]) английскими глаголами *hear* [10. Р. 107; 12; 15] и *listen* [11; 14; 16], Дэвис прибегнул к поморфемному переводу, создав сложное слово *failed-to-hear* [13. Р. 89] — букв. «не удалось услышать». Очевидно, в погоне за точностью возникла путаница между двумя омонимами: один из глаголов-омонимов «прослушать» означает «слушать в течение какого-то времени», другой — «отвлечись, не услышать».

Как уже было сказано выше, строки 5—8 отличает использование параллелизма, характерное для русской народной поэзии, в частности для песен. Передача русских грамматических форм и рифмы на английском языке невозможна, но один из переводчиков постарался передать сам принцип параллелизма: *Will another maiden hear thee / Like to me, poor me, all night / Sleepless, restless, comfortless, / Ever full of tears her eyes?* — «Будет ли другая дева внимать тебе, / Как я, бедная я, всю ночь / Без сна, без отдыха, без покоя, / С глазами, полными слез?» [10. Р. 107]. Здесь переводчик сохранил сам прием, используя прилагательные, построенные по одной словообразовательной модели с одним и тем же суффиксом *-less*:

Sleepless, restless, comfotless. Во всех остальных переводах отсутствие параллелизма можно отнести к переводческим потерям.

В строках 9—12 «Ты лети, мой соловей, / Хоть за тридевять земель, / Хоть за синие моря, / На чужие берега» [8. Р. 31] находим детали, типичные для устного народного творчества: «тридевять земель» и «синие моря».

Выражение «тридевять земель», по сути своей сказочная формула, не нашло себе равноценного аналога в переводах. У переводчиков было два пути — либо перевести формулу дословно и, таким образом, сохранить фольклорный колорит, либо искать какие-то словосочетания-заместители. Только англоязычные переводчики попытались сохранить сказочную формулу. Аноним создал аналог, также содержащий числительное — «сто». В английском фольклоре не приписывается особого значения числу «сто», хотя, конечно, есть значимые для фольклорной традиции числа больше ста [17. Р. 237], так что «сто морей» может быть вписано в собственную фольклорную традицию.

Питер Франс пошел по другому пути. У него дельвиговское «за тридевять земель» получило аналог *beyond the gates of earth* [15] — «за врата земли». Как кажется, это отсылка к германской мифологии, согласно которой Срединный Мир, земля людей, огорожен стеной, в которой были сделаны ворота. Здесь происходит замена русской сказочной формулы новосозданной формулой, источником которой является германская фольклорная традиция.

Другое выражение Дельвига — «синие моря» — соотносится с фольклорным «сине море», сохраняя народную окраску и в то же время принадлежа литературному языку. Известно, что в английском языке прилагательное *blue* может означать и «синий», и «голубой». Анониму *the blue sea* [10. Р. 107] — «синее море» показалось, видимо, достаточным, а те современные переводчики, которые сосредоточились на передаче фольклорного характера этой детали, старались подчеркнуть темный цвет морской воды: *the dark blue of the seas* [13. Р. 89] — «темная синь морей», *beyond the dark blue sea* [15] — «за темно-синее море». Двое других переводчиков, как кажется, решили передать именно цвет моря, не придавая значения фольклорной формульности. У Шарковского читаем: *over distant stormy seas* [11] — «за далекие бурные моря», а вода во время шторма в море темнеет, так что морская синева в его переводе все же не утеряна. Пургина использовала другое прилагательное, *azure* [12], — «ярко-голубой цвет, похожий на цвет неба», при помощи которого можно описать море, но этот эпитет относится скорее к области художественной, авторской литературы, а не фольклора.

Самым ярким словом строк 13—16 оказывается сравнительная степень прилагательного «горемышнее» [8. С. 31] (так написал сам Дельвиг). Прилагательное «горемычный» означает: «Постоянно преследуемый несчастьями, бедами; несчастный (*о человеке*); преисполненный горя; тяжелый, безрадостный; выражающий горе, печаль». Прилагательное «горемычный» дало в переводе шесть вариантов. Двое переводчиков использовали нейтральное *poor* [12] — «вызывающий жалость и симпатию» и *sorrowful* [11] — «очень печальный, выражающий горестное, скорбное состояние», причем в переводе Шарковского это прилагательное повторяется дважды.

Аноним понимает «горемычный» как *sad: Whether thou find'st any one, / Who so sad is, as I am!* [10. P. 107] — «Обретишь ли ты кого-нибудь, / Кто был бы столь несчастен, сколь я!».

В этом переводе акцент делается на ощущении несчастья, переживании горя, причиной которых было какое-то событие. У Дэвиса находим *unlucky: you will not find anywhere else one as / unlucky as me* [13. P. 90] — «ты нигде не найдешь никого, столь же невезучего, сколь я», поскольку *unlucky* указывает на несчастье, причиной которого являются не отсутствие способностей или трудолюбия, а случайность, невезение. Прилагательное *miserable* было выбрано двумя переводчиками — Ласкавцевым и Франсом: *You wouldn't have found anywhere / The more miserable one, than I am* [16] — «Ты бы не нашел никого нигде / более знающего с горем, чем я»; *you'll never find in any land, / in any village, any town, / a maiden as miserable as me* [15] — «ты никогда не найдешь в какой-либо стране / в какой-либо деревне, в каком-либо городе / деву, столь же знающую с горем, сколь я», при этом *miserable* означает «глубоко несчастный и при этом испытывающий чувство тревоги, страха, смущения», «вызывающий жалость тем, что находится в состоянии душевного страдания или несчастья, например, от нужды или стыда»; «глубоко несчастный». Как видим, прилагательное выражает довольно сложное чувство.

Наконец, последним вариантом перевода «горемычный» является прилагательное *hapless*, использованное Лейтманом: *Nowhere you will see / Girls that hapless more than me* [14] — «Нигде ты не увидишь / девушек, что неудачливы более меня» (пропущен глагол-связка). В значение прилагательного *hapless* входят такие компоненты, как «невезение», «неудачливость», «неуспешность» как причины «несчастья». Как кажется, вариант *miserable* подходит для перевода «горемычный» лучше всего.

В строках 17—20: «У меня ли у младой / Дорог жемчуг на груди, / У меня ли у младой / Жар-колечко на руке» [8. С. 31] аноним, и Шарковский правильно поняли «дорог жемчуг» как «дорогое жемчужное ожерелье». В таком значении слово «жемчуг» в русском языке употребляется. В переводах находим не только упоминание «ожерелья», но и попытку передать смысл краткой формы прилагательного «дорогой» — «дорог». Оба переводчика употребляют слово *necklace* [10. P. 107; 11]. Если Шарковский употребляет прилагательное *precious* — «редкий, ценный, стоящий много денег», что по силе значения несколько превосходит русское прилагательное «дорогой», то аноним передает ценность «дорогого жемчуга» описательно: *O, I bore a necklace once, / All of pearls like morning dew* [10. P. 107] — «О, некогда я носила ожерелье, / Все из жемчужин, похожих на утреннюю росу».

«Жар-колечко» является неологизмом, созданным Дельвигом. Первая часть сложного слова «жар-» восходит к выражению «гореть как жар», то есть «сиять, сверкать, блистать, искриться, переливаться». Таким образом, «жар-кольцо» может и блеснуть само по себе, если в нем нет камня, но может и иметь вставку. Аноним понял «жар-колечко» именно как «кольцо с камнем-вставкой»: *... I bore a finger-ring, / With a precious stone thereon* [10. P. 107] — «И я носила кольцо на пальце / С драгоценным камнем в нем».

Используя сложное слово *finger-ring*, аноним не только формально воссоздавал неологизм Дельвига (как правило, *finger-ring* пишется в два слова, без дефиса), но и усиливал ощущение трагичности происходящего, поскольку *finger ring* означает не просто подаренное украшение, а «знак брака или помолвки».

У Шарковского также находим перевод «жар-колечка» как «кольца со вставкой», но переводчик подчеркивает компоненты «сверкание» и «искристость», называя камень: *I am young and have the ring / With a diamond, on my hand...* [11] — «Я молода, и у меня кольцо / С бриллиантом на руке».

В случае «жар-колечка» Франс, как кажется, пошел по тому же пути, что и Дэвис, то есть перевел каждую часть сложного слова по отдельности и создал словосочетание, охватившее значение обеих частей: *a fiery ring* [15] — «огненное кольцо». При этом ясно, что переводчику известен синоним слова «жар», оно переводится буквально как «огонь» или «огненный». Английское *fiery* имеет значения «цвета огня»; «красный или оранжевый» и может передавать цвет так называемого «красного золота», сплава золота и меди, имеющего красноватый оттенок.

Шесть последних строк стихотворения построены на параллелизмах: это и схожесть и повторяемость событий («...Крупный жемчуг потускнел... Распаялося кольцо... Разлюбил меня милой» [8. С. 31]), и обозначение времени суток и времен года («В день осенний... В зимнюю ночь... весной» [8. С. 31]). Потускневший жемчуг и распаявшееся кольцо вряд ли обретали какое-то особое значение в англоязычной культуре, поэтому анониму пришлось добавить комментарий «оба этих происшествия являются дурными предзнаменованиями для русской девушки» [10. Р. 107], чтобы связь между тремя упомянутыми событиями стала понятна его читателям.

Строку «Крупный жемчуг потускнел» [8. С. 31] находим в трех вариантах. Глагол «тускнеть» в русском языке имеет довольно объемное значение: «утрачивать яркость красок, блеск, сияние, мутнеть, терять прозрачность». Хотя жемчуг не бывает прозрачным, именно на потерю прозрачности указывает аноним: *Were the pearls no longer clear* [10. Р. 107] — «Жемчуг не был больше прозрачен», так как *clear* в этом контексте имеет значение «прозрачный». В переводе Пургиной *The pearl beads got dim* [12] — «Жемчужные бусины утратили яркость», поскольку контекстным значением прилагательного *dim* становится «неяркий». Двое переводчиков выбрали глагол *fade* — «стать более блеклым, менее ярким»: *Pearls were fading on my chest* [11] — «жемчуга поблекли на моей груди»; *The fine pearl faded on my breast* [15] — «дорогой жемчуг поблек на моей груди». Можно сказать, что всем переводчикам удалось подобрать варианты, укладывающиеся в рамки значения русского глагола.

Гораздо труднее оказалось найти подходящие слова, чтобы описать несчастье, приключившееся с кольцом. Кольцо «распаялося», то есть разъединилось в том месте, где его спаяли, сплавляли. Это поистине необыкновенное происшествие, поскольку глагол «распаяться» подразумевает нагревание кольца до высокой температуры, когда место спайки расплавилось и кольцо распалось. Переводчики описали это реалистически: *And in winter burst my ring, / On my finger,*

of itself! [10. P. 107] — «И зимой лопнуло мое кольцо / на моем пальце само по себе»; ...*was broke my diamond ring* [11] — «...распалось на части мое кольцо с бриллиантом» (форма *broke* не очень удачна, поскольку первое значение этого слова «безденежный, бедный, без гроша»). Причастие II от этого же глагола *break* использует и Франс, но он выбирает форму *broken*: *The ring was broken on my hand* [15] — «Кольцо распалось на части на моей руке». Как кажется, выбор глагола *break* наиболее удачен: с одной стороны, он также описывает процесс размыкания кольца, с другой, не указывает на конкретный способ, которым кольцо было разъединено.

К переводческим потерям можно отнести опущение слова «ночка», ни один переводчик не воспроизвел его в своем тексте, однако и в народных песнях, и в стихотворении Дельвига ночь, «зимняя ночька», играет важную роль: она символизирует страдания, одиночество, душевные терзания. Исчезновение из переводов «зимней точки», упоминание лишь «дня» приводит к потере добавочных смыслов, например, *When the sad, sad autumn came, / Were the pearls no longer clear; / And in winter burst my ring, / On my finger, of itself! / Ah! and when the spring came on, / Had forgotten me my love* [10, p.107] — «Когда пришла печальная, печальная осень, / Жемчуга не были больше прозрачными, / А зимой лопнуло мое кольцо / на моем пальце само по себе, / Ах! и когда весна пришла, / Мой любимый забыл меня». Нужно отметить, что утратив такую важную фольклорную деталь, как противопоставление «дня» и «ночки», аноним все же пытается сохранить народный колорит, введя повтор *the sad, sad autumn* — «печальная, печальная осень».

Наиболее точно, с сохранением фольклорной окраски, выполнен перевод Питера Франса: *On a gloomy autumn day / The fine pearl faded on my breast, / On a frosty winter night / The ring was broken on my hand, / and now the spring is here, / My darling boy loves me no more* [15] — «Мрачным осенним днем / дорогой жемчуг поблек на моей груди, / Морозной зимней ночью / Кольцо распалось на части на моей руке, / И вот пришла весна, / Мой миленький дружок больше не любит меня». Надо сказать, что Франс усилил напряжение, нарастающее в заключительных строках стихотворения, используя прилагательные *gloomy* (*gloomy autumn day* — «мрачный осенний день») и *frosty* (*a frosty winter night* — «морозная зимняя ночь»).

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ «РУССКАЯ ПЕСНЯ» («ПЕЛА, ПЕЛА ПТАШЕЧКА...») (1825)

Второй «русской песней» Дельвига, привлечшей внимание переводчиков, причем только англоязычных, стало стихотворение «Русская песня» («Пела, пела пташечка...») [8. С. 32], опубликованное в 1825 г. Оно является подражанием народной песне «Цвели, цвели цветики...» [2. С. 245] и сохраняет ритмический рисунок этой песни.

Первый перевод этого стихотворения Дельвига, выполненный Ч.Т. Уилсоном (ум. ок. 1880 г.), англиканским священником-миссионером в Бомбее, вышел в 1881 г. Второй перевод появился почти через семьдесят лет, в 1948 г. Его автором стал известный английский литературовед Сесил Морис Боура (1898—1971), переведивший поэзию русского Серебряного Века.

Как говорилось выше, важным элементом переведенного текста становится название. В переводе Уилсона эпитет в названии опускается и вместо «Русской песни» перед читателем оказывается просто «Песня» без указания ее культурной отнесенности: *A Song* [18. P. 77] — «Песня». Боура переводит название полностью: *Russian song* [19. P. 14] — «Русская песня», подчеркивая принадлежность стихотворения к иной, русской, культуре.

Перевод названия сразу указывает на стратегии переводчиков: Уилсон безразличен к сохранению национального колорита стихотворения, тогда как Боура старается его сохранить. В первую очередь разница переводческих стратегий проявляется в ритмическом рисунке переводов. Первая строка оригинала состоит из двух хореев и дактиля, вторая — из двух хореев.

Если Боура передает ритм стихотворения Дельвига в переводе, сохраняя, таким образом, главную черту национальной окраски стихотворения, то у Уилсона получается зеркальная картина — ямбы и анапест, причем первая строка удлиняется на один слог.

Слово «пташечка» часто встречается в народных песнях. Уилсон не пытается передать форму слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом «-ечк-», в его переводе находим нейтральное *bird*, которое можем понять и как «птица», и как «птичка». Напротив, Боура находит способ передать и суффикс: *a little bird* [19. P. 14] — «маленькая птичка», то есть «небольшая, обычно певчая, птичка», «пташечка».

Перевод Боура по своему характеру приближается к буквальному. Так, в отличие от Уилсона, он прибегает к инверсии, чтобы передать даже порядок слов в первой строфе: *Sang a little bird, and sang, / Then was silent; / Knew the heart of happiness, / Then forgot it* [19. P. 14] — «Пела маленькая птичка и пела, / Затем замолчала; / Знала сердце счастье, / Затем забыло его». По сравнению с текстом Боура перевод Уилсона скорее похож на пересказ: *The bird that once trilled many a lay / Has lost its song; / The heart to joys, once pleasant, is / A stranger long* [18. P. 77] — «Птица, которая некогда выводила трели во многих песенках, / Потеряла свою песню; / Сердце с радостями, некогда приятными, уже давно не знакомо».

В строфе 3 Уилсон прибегает к конкретизации, заменяя абстрактную «пташечку», которая может быть любой певчей птичкой — коноплянкой, пеночкой, даже соловьем, на *lark* [18. P. 77] — «жаворонок». В этом есть свой смысл: жаворонок ассоциируется с весной, поэтому *force of snowy blast* [18. P. 77] — «сила сильного порыва ветра со снегом», то есть метели, для него, весенней птицы, особенно губительна. Однако, меняя образность строфы, переводчик удаляется от оригинала. Параллель между *force of snowy blast* [18. P. 77] и *calumny's / Most wicked breath* [18. P. 77] — «весьма губительное дыхание клеветы» — сохраняется только на уровне смысла текста. Боура смог сохранить дельвиговскую параллель и по смыслу, и по форме: *... fierce snow-storms... fierce gossip* [19. P. 15] — «жестокие вьюги... жестокие сплетни», причем *gossip* — «болтовня, сплетни, слухи» —

достаточно точно передает значение слова «толки» и, к тому же, имеет тот же ритмический рисунок.

Интересную проблему представляет собой слово «мóлодец», имеющее ярко выраженную фольклорную окраску. Для передачи этого слова Уилсон выбрал нейтральное *youth* [18. Р. 77] — «юноша», но и «юнец», с помощью которого можно отозваться о человеке неодобрительно. Боура предпочел словосочетание *young man* [19. Р. 15] — «молодой человек», при помощи которого в русско-английских словарях обычно переводится существительное «мóлодец» с пометкой «поэт.; фолк.».

У каждого из переводчиков в 4 строфе были потери. Боура, которому, как правило, удается сохранить фольклорный колорит текста, заменил формульное выражение «К синю морю» довольно неопределенными *blue waters* [19. Р. 15] — «синими водами», тогда как у Уилсона находим *deep blue seas* [18. Р. 77] — несомненно «синие моря». Заключительная строфа стихотворения «На море валы шумят, / А не вьюги, / В лесе звери лютые, / Да не люди!», как кажется, лучше удалась Уилсону. Он точнее передал мысль Дельвига, выразил ее более отчетливо: *Upon the seas rage waves, but not / Snowstorm severe; / Within the woods are fierce wild beasts — / Men fiercer here* [18. Р. 77] «На морях бушуют волны, но не / Жестокая метель; / В лесах свирепые дикие звери — / Люди более свирепы здесь». При том, что первая часть строфы у Боура переведена точно: *On the sea are roaring waves, / And not snow-storms* [19. Р. 15] — «На море ревущие волны, / Но не вьюги», при переводе двух последних строк стремление к точности подвело переводчика: *In the woods are untamed beasts, / And not people!* [19. Р. 15] — «В лесах неприрученные звери, / А не люди». Мысль о том, что подчас безопаснее находиться рядом с дикими зверями, чем с людьми, сменилась сообщением о том, что в лесах живут не люди, а животные.

АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ «РУССКАЯ ПЕСНЯ» («АХ ТЫ, НОЧЬ ЛИ...») И «НЕ ОСЕННИЙ ЧАСТЫЙ ДОЖДИЧЕК...»

«Русская песня» («Ах ты, ночь ли...» [8. Р. 51—52]), напечатанная в 1823 г., была переведена Сесилом Морисом Боура и опубликована в 1948 г. По выводам Д.Н. Жаткина, соответствием среди русских народных песен стихотворению Дельвига является песня «Ах ты, ноченька...» [7. С. 23]. Как и при переводе «Русской песни» («Пела, пела пташечка...»), Боура сохраняет ритмический рисунок оригинала — два хорея и дактиль.

Словарь стихотворения «Ах ты, ночь ли...» достаточно нейтрален. В дельвиговом тексте не так много слов, имеющих фольклорную окраску, но Боура очень внимателен к их переводу. В самом начале стихотворения встречаем слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом «ноченька», которое Боура переводит словосочетанием с прилагательным *little*: «Ах ты, ночь ли, / Ноченька!» — *Ah, you night, you / Little night!* [20. Р. 13] («Ах, ты, ночь, ты, / Маленькая ночь»).

В отличие от перевода стихотворения «Пела, пела пташечка...» в переводе этого стихотворения много отступлений от текста оригинала, которые сложно

объяснить. Так, например, отрывок текста, имеющий большое сходство с народной песней, сильно расходится с оригиналом:

И с тобой, знать,	'Tis with you, then,	Это же ведь происходит с тобой,
Ноченька,	Little night,	Маленькая ночь / ночка,
Как со мною,	As with me here	Как со мною здесь
Молодцем,	In my youth.	В моей юности.
Грусть-злодейка	Wicked sorrow	Злое горе
Сведалась! [8. P. 51]	Summons us! [20. P. 14]	Созывает нас!

Даже при столь больших расхождениях Боура постарался передать в переводе сложное слово «грусть-злодейка». Обычно в переводах русских фольклорных текстов, например, сказок, такие сложные слова упрощаются, но Боура выбрал другой путь: он создал словосочетание, каждая часть которого передает смысл части сложного слова, *wicked sorrow* [20. P. 14] — «злое горе».

Стихотворение «Не осенний частый дождик...» (опубликовано в 1829 г.) по форме своей скорее напоминает романс, чем народную песню, поэтому, видимо, оно и не имеет заголовка «Русская песня». Тем не менее, это стихотворение отличают те же формальные черты, что и дельвиговы «русские песни»: в основе его композиции лежит принцип параллелизма, причем осложненный антитезой, тема его «горе-тоска-кручина», при том, что словарь стихотворения достаточно нейтрален, в тексте встречаются слова, требующие особого внимания переводчика: «мóлодец» и «дéвица». Оно было переведено А.В. Покидовым и опубликовано в 2013 г. Ритм дельвигова стихотворения соблюдается не во всех строках, переводчик отдает предпочтение передаче смысла. Существительное «мóлодец», которое англоязычные переводчики переводили как *young man* [19. P. 14] или *youth* [18. P. 77], переводится Покидовым как *fellow* [21], одним из значений которого является «мужчина, мальчик», причем в таком значении это слово в английских толковых словарях идет с пометой *old-fashioned* — «устаревшее». Для перевода слова «дéвица» также выбран иной, чем у англоязычных переводчиков, вариант — *damsel*, которое отличается от более привычного *maiden* стилистической окраской: как и *fellow*, оно имеет помету «устаревшее» и стилистически принадлежит к тому же регистру, что и «дéвица».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пример «русских песен» Дельвига показывает, что перевод текстов, национальная специфика которых состоит не в наличии реалий, а в особенностях стиля, требует от переводчика не только знаний, но и умения творчески их применять. Перевод «русских песен» можно назвать переводом-стилизацией, поскольку переводчик должен передать не только смысл текста, но и повторить средствами своего языка художественные средства оригинала, что не всегда легко в силу разности языков. У переводчиков русской поэзии на английский язык, особенно поэзии пушкинской поры, уже выработался определенный набор приемов ее перевода, например, использование архаизмов для передачи поэтической лексики в стилизациях под народную поэзию, передача повторов, а если это невозможно,

то сохранение самого принципа повтора, подбор аналогов для передачи формульных выражений или же создание новых выражений средствами своего языка в рамках своей культуры, замена сложных слов словосочетаниями, в которых передается значение частей этих сложных слов. Анализ «русских песен» Дельвига показал, что еще одним средством передачи национальной специфики текста является его ритм. Точное воспроизведение ритмического рисунка помогает читателю получить то же впечатление от перевода, что и от оригинала, и даже может замаскировать ошибки в передаче содержания.

© Ненарокова М.Р.

Дата поступления: 24.08.2018

Дата приема в печать: 26.09.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Венгранович М.А. Стилистика фольклорного текста. Тольятти: ТГУ, 2011.
2. Томашевский Б.В. А.А. Дельвиг // Дельвиг, А.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1959. С. 5—58.
3. Вацуро В.Э. Антон Дельвиг — литератор // Дельвиг, А.А. Сочинения: Стихотворения; Статьи; Письма. Л.: Художественная литература, 1986.
4. Вацуро В.Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989. С. 3—20.
5. Плоткин Л. А.А. Дельвиг // А. Дельвиг. Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия. Л.: Советский писатель, 1951. С. 5—52.
6. Koehler L. Anton Antonovic Del'vig. A Classicist in the Time of Romanticism. The Hague-Paris: Mouton, 1970.
7. Жаткин Д.Н. Поэзия А.А. Дельвига в контексте литературного развития 1810—1830-х годов (традиции и новаторство). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2005.
8. Дельвиг А.А. Сочинения: Стихотворения; Статьи; Письма. Л.: Художественная литература, 1986.
9. The North American Review, 1836. pp. 85—120.
10. Delvig A.A. The Faithless Lover. In: Slavic Popular Poetry // The North American Review, 1836. pp. 85—120.
11. Delvig A.A. Nightingale. Пер. Александр Шарковский. 2011. Режим доступа: <http://www.obshelit.ru/works/207978> (дата обращения: 17.08.2018).
12. Delvig A.A. Nightingale Mine. Tr. Lyudmila Purgina. 2012. Режим доступа: <https://www.poemhunter.com/poem/a-delvig-nightingale-mine-the-romance-translation-rus/> (дата обращения: 17.08.2018).
13. Davis Alexis. Selected Russian Classical Romances and Traditional Songs for Young Singers: Introductory Materials with Teaching Strategies. Arizona State University December 2014. Режим доступа: https://repository.asu.edu/.../Davis_asu_0010E_14543.pdf (дата обращения: 17.08.2018).
14. Delvig A.A. Nightingale. Пер. Эдуарда Лейтмана. 2014. Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2014/01/20/8469> (дата обращения: 17.08.2018).
15. Delvig A.A. Russian song. Tr. Peter France. The Penguin Book of Russian Poetry. Robert Chandler, Irina Mashinski, Boris Dralyuk. 2015. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?isbn=0141972262> (дата обращения: 17.08.2018).
16. Delvig A.A. Nightingale. Tr. A. Laskavtsev. 2016. Режим доступа: <https://lyricstranslate.com/ru/%D1%81%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B9-%D0%BC%D0%BE%D0%B9-nightingale.html> (дата обращения: 17.08.2018).

17. *Simpson J., Roud S.* A Dictionary of English Folklore. Oxford: Oxford University Press, 2000.
18. *Delvig A.A.* Russian song (The song that once trilled many a lay...) // Wilson C.T. Russian Lyrics in English Verse. L.: Trübner & CO, 1881.
19. *Delvig A.A.* Russian song (Sang a little bird...) // A Second Book of Russian Verse. Tr. C.M. Bowra. L.: MacMillan &Co LTD, 1948. pp. 14—15.
20. *Delvig A.A.* Russian song (Ah, you night...) // A Second Book of Russian Verse. Tr. C.M. Bowra. L.: MacMillan &Co LTD, 1948. pp. 13—14.
21. *Delvig A.A.* 'Tis not autumn's drizzly rain... // The Luminaries of the Odd Pleiad (from D. Venevitinov till P. Vyazemsky). Tr., notes A. Pokidov. Moscow, 2013. Режим доступа: pokidov-poetry.ru>THE_LUMINARIES.pdf (дата обращения: 17.08.2018).

УДК: 81'255.4:82.03:811.111:821.161.1-1

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-795-811

THE RUSSIAN SONGS BY ANTON DELVIG: THE PROBLEM OF PRESERVING NATIONAL SPECIFICITY IN ENGLISH TRANSLATIONS

Maria R. Nenarokova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
25A, Povarskaya str., Moscow, Russia, 121069

Abstract. The article focuses on the problem of reproducing the national specificity of a text in translation. The object is the “Russian songs” by Anton Delvig, stylized as folk songs. They were created with the use of poetic means of Russian folklore. The subject is the peculiarities of reproducing national specificity, typical of Delvig’s poems, in English translations. The following texts were analyzed: translations of “Nightingale”, “Sang and sang a bird...”, “Ah, you, night...”, “Tis not autumn’s drizzly rain...”. The translations were carried out both by English and Russian native speakers. The main objective of the research is to determine what artistic means can convey the national features in a text. The tasks of the study were: to describe conveying metrics; to outline the key words of the poem, describe discrepancies in their translation, explain, why the variant, chosen by a certain translation, is possible or impossible in translating Delvig’s text; indicate how the translators reproduce the artistic means of Russian folk songs in English. The continuous sampling method, the descriptive one, the componential one, the conceptual one, the contextual one, that of collocation were used in the course of the study. The study showed that translators preserve the national specifics of the original by creating a stylization in their own language. In the case of Delvig’s “Russian songs” the palette of artistic means, conveying national specificity, was developed in the course of a century and a half. It includes archaisms, repetitions and parallelisms, re-creating formulas or creating analogues within the receiving culture. An important means of conveying the national specificity of the text is its rhythm. Accurate conveying of the rhythm pattern helps the reader to get the same impression from the translation as from the original, and can even mask errors in the reproduction of content.

Key words: translation, national specificity, Russian literature, folklore, Russian song, Anton Delvig, stylization, poetic means, “Nightingale”

REFERENCES

1. Vengranovich, M.A. (2011). The Stylistics of a Folclore Text. A Manual. Tolyatti: TGU. (In Russ.).
2. Tomashevsky, B.V. (1959). A.A. Delvig. In Delvig, A.A. The Complete Poetic Works. Leningrad, the Soviet Writer. pp. 5—58. (In Russ.).

3. Vatsuro, V.E. (1986). Anton Delvig as a man of letters. In Delvig, A.A. The works. Poems. Articles. Letters. Compilation, commentaries. Leningrad: Hudozhestvennaja literatura. pp. 3—20 (In Russ.).
4. Vatsuro, V.E. (1989). S.D.P. From the History of the Literary Daily Life of Pushkin's Time. Moscow: The Book. (In Russ.).
5. Plotkin, L. (1951). A.A. Delvig. In A. Delvig. Poems. A Poet's Library. The Little Series. Leningrad: The Soviet Writer. pp. 5—52. (In Russ.).
6. Koehler, L. (1970). Anton Antonovic Del'vig. A Classicist in the Time of Romanticism. The Hague-Paris, Mouton.
7. Zhatkin, D.N. (2005). A.A. Delvig's Poetry in the context of the literary evolution in 1810—1830 (traditions and innovations) [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
8. Delvig, A.A. (1986). The works. Poems. Articles. Letters. Compilation, commentaries, introduction by V.E. Vatsuro. Leningrad: Hudozhestvennaja literatura. (In Russ.).
9. The North American Review, 1836. pp. 85—120.
10. Delvig, A.A. (1836). The Faithless Lover. In: Slavic Popular Poetry. *The North American Review*, 1836. pp. 85—120.
11. Delvig, A.A. Nightingale. Tr. Alexander Sharkovsky. 2011 URL: <http://www.obshelit.ru/works/207978> (accessed: 17.08.2018).
12. Delvig, A.A. Nightingale Mine. Tr. Lyudmila Purgina. 2012. URL: <https://www.poemhunter.com/poem/a-delvig-nightingale-mine-the-romance-translation-rus/> (accessed: 17.08.2018).
13. Davis, Alexis. Selected Russian Classical Romances and Traditional Songs for Young Singers: Introductory Materials with Teaching Strategies. ARIZONA STATE UNIVERSITY December 2014. URL: https://repository.asu.edu/.../Davis_asu_0010E_14543.pdf (accessed: 17.08.2018).
14. Delvig, A.A. (2014). Nightingale. Tr. Edward Leitman. URL: <https://www.stihi.ru/2014/01/20/8469> (accessed: 17.08.2018).
15. Delvig, A.A. *Russian song*. Tr. Peter France. The Penguin Book of Russian Poetry. Robert Chandler, Irina Mashinski, Boris Dralyuk, 2015 URL: <https://books.google.ru/books?isbn=0141972262> (accessed: 17.08.2018).
16. Delvig, A.A. Nightingale. Tr. A. Laskavtsev. 2016. URL: <https://lyricstranslate.com/ru/%D1%81%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B9-%D0%BC%D0%BE%D0%B9-nightingale.html> (accessed: 17.08.2018).
17. Simpson, J, Roud, S. A Dictionary of English Folklore. Oxford University Press, 2000. P. 411.
18. Delvig, A.A. Russian song (The song that once trilled many a lay ...). *Wilson C.T. Russian Lyrics in English Verse*. L, Trübner & CO, 1881.
19. Delvig, A.A. Russian song (Sang a little bird...). *A Second Book of Russian Verse*. Tr. C.M. Bowra. L, MacMillan & Co LTD, 1948. pp. 14—15.
20. Delvig, A.A. Russian song (Ah, you night...). *A Second Book of Russian Verse*. Tr. C.M. Bowra. L, MacMillan & Co LTD, 1948. pp. 13—14.
21. Delvig, A.A. 'Tis not autumn's drizzly rain... *The Luminaries of the Odd Pleiad (from D. Venevitinov till P. Vyazemsky)*. Tr., notes A. Pokidov. Moscow, 2013. URL: pokidov-poetry.ru>THE_LUMINARIES.pdf (accessed: 17.08.2018).

Для цитирования:

Ненарокова М.П. «Русские песни» Антона Дельвига: проблема сохранения национального колорита в английских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 4. С. 795—811. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-795-811.

For citation:

Nenarokova, M.R. (2018). The *Russian Songs* by Anton Delvig: The Problem of Preserving National Specificity in English translations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 795—811. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-795-811.

Сведения об авторе:

Ненарокова Мария Равильевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН; *научные интересы*: история средневековой культуры, средневековой латинской литературы, богословия; жанры средневековой литературы, средневековая школа; английская, датская, русская литература эпохи романтизма; язык цветов; компаративные исследования, переводоведение, преподавание перевода; *e-mail*: maria.nenarokova@yandex.ru

Information about the author:

Maria R. Nenarokova, Doctor of Philology, Leading Researcher of A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; *Interests*: history of Medieval Culture, Medieval Latin literature, Medieval education; English, Danish, Russian Literature of Romanticism; Russian Orthodox Spirituality, Russian Culture of the 19th century; the language of flowers; comparative studies, translation and interpretation studies; *e-mail*: maria.nenarokova@yandex.ru

УДК: 821.111-1:821.111-3:82.081"13/14"
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-812-830

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И НОВШЕСТВА ЭПОХИ ПОЭТИКО-ПРОЗАИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА (на материале английской словесности XIV—XV-го веков)

Ю.П. Вышенская

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
наб. реки Мойки, 48, к. 14, Санкт-Петербург, 191186

Данная статья посвящена проблеме становления стиля английской художественной прозы XIV—XV-го веков, эпохи равновесия поэзии и прозы, их слитности. Процесс генерации художественного стиля изучается на основе корпуса примеров, зафиксированных в текстовом материале произведений, принадлежащих к жанру средневекового куртуазного рыцарского романа как наиболее раннего представителя нового литературного рода.

Решение проблемы осуществляется с учетом фрагментарности как одного из основных параметров средневекового словесного искусства, что предполагает комплексный подход изучения сохранившихся текстовых художественных документов.

В исследовании применяются сочетание принятых в исторической стилистике исследовательских методов, получивших развитие в современных работах по проблематике.

Феномен модуса формулирования художественного произведения рассматривается в общем социокультурном контексте как часть доминирующего в анализируемые хронологические рамки стиля интернациональной готики.

Процессы в области генерации стиля в английской литературе с присущим ей национальным колоритом анализируются в рамках общего процесса в развитии европейских литератур.

Сравнительно-сопоставительный анализ произведений искусства вербальной и невербальной природы периода заимствования стилистических средств одной сферой искусства у другой осуществляется с опорой на доминирующие научные представления и специфические черты мировоззрения эпохи смены средневековья Возрождением и повышает верификацию результатов исследования.

Методика сравнения путей развития порождения стиля периода выделения прозы в самостоятельный вид литературы путем трансформации стилистических предписаний и регламентаций, закрепленных в теоретической литературе, дает возможность проследить характерные особенности стилистического преобразования поэтической ткани произведения словесно-художественного творчества в прозаическую.

Ключевые слова: «интернациональная» готика; поэзия; проза; стиль; риторика; текст; фрагментарность

ВВЕДЕНИЕ

Специфику исторической стилистики определяет ряд присущих этой области дисциплин историко-лингвистического цикла некоторых особых характеристик.

Одной из наиболее значимых является выделяемая П. Зюмтором фрагментарность текста при понимании фрагмента как выразителя целого [1. С. 81].

Фрагментарностью обуславливается три подхода к его изучению. В рамках первого, внешнего, с точки зрения наблюдателя, текст предстает как документ. На семиотической природе этого феномена сосредоточивается внимание второго, или внутреннего, подхода. Третий, обстоятельно-исторический, обращен к условиям возникновения самого текста, социально-культурного дискурса [1. С. 75].

Методика П. Зюмтора получает отклик и дальнейшее развитие в работах британского исследователя С. Хэмилтона, в которых предлагается два направления для изучения текстов, значительно отстоящих от современности.

В рамках первого, контекстуального, собственно контекст, трактовка которого не ограничивается какой-либо интерпретацией, и производимый внутри него текст (литературный и нелитературный) равнозначны перед анализом, вектор которого направлен извне внутрь. Связь второго, риторического, с герменевтикой и поэтикой обуславливает интерес к кругу вопросов по изучению назначения текста и использованных в нем стилистических приемов. Стрелка вектора этого направления обращена в прямо противоположную сторону [2. С. 2].

Очевидно, что особое внимание в этом случае уделяется изучению различных проявлений в модусе формулирования художественного текста особенностей мировоззрения эпохи, иными словами, вводит этот комплекс в круг когнитивных исследований в области стилистики, в том числе исторической.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КНИГА ЭПОХИ «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ» ГОТИКИ

Особенность эпохи европейского Средневековья, в том числе и английского, в преддверии Ренессанса, обнимающего период XIV—XV-го веков, заключается в возрастании числа представителей грамотной публики. С этим связаны изменения литературных текстов как в формальном, так и модусно-формулируемом, то есть стилистическом, плане. В первую очередь это относится к увеличению произведений словесно-художественного творчества, наиболее яркими примерами которых являюся произведения “*Troy Book*”, “*Fall of Princes*”, авторства Дж. Лидгейта, очевидно предназначенных не для декламационного исполнения менестрелями, а скорее, для чтения про себя [3. С. 300]. Повсеместное распространение образования как следствие промышленного развития и роста дворянства подразумевало также и появление достаточного для интеллектуальных удовольствий времени. Этим, в свою очередь, определяется изменение характера взаимодействия прозы и поэзии. Удельный вес прозаических произведений на ранее использовавшиеся в поэзии темы и сюжеты увеличивается, что означает появление нового жанра, представленного зародившимся в недрах куртуазной литературы прозаическим романом.

Восприятие книги как источника эстетическо-интеллектуального наслаждения, сложившегося в результате влияния окрепшей гуманистической европейской тенденции, распространившейся из Италии, тесным образом взаимосвязана с процессом формирования ее внутренней семиотической природы.

Ренессансное отношение к книге означало гармоничное сбалансированное сочетание внешней стороны ее с содержанием, поэтому каллиграфии, как и каче-

ству материала и чернил для письма в комбинации с художественным оформлением, придавали большое значение. Так, Фр. Петрарка известен не только как выдающийся поэт, но также и мастер, в равной степени владеющий ремеслом сcribe и иллюстратора.

В молодости поэт посвящал часы досуга переписыванию книг, украшая свои копии изысканной оправой и миниатюрами [4. С. 28].

В том видится преемственность средневековой традиции, благодаря которой великолепные манускрипты, предназначенные для принцев XV-го в., обрели свойственную им роскошь. В основу организации визуальной (миниатюры, инициалы, маргиналии, цветные орнаменты иллюстраций) и вербальной стилистических составляющих, определяемых спецификой средневекового менталитета, как отмечает один из авторитетных современных медиевистов, Д. Пуарьон, положен общий принцип, реализуемый посредством ритма знаков и структуры символов [5. С. 15].

Следует отметить, что в области отечественной филологии подобные мысли много раньше высказывались Д.Н. Овсяннико-Куликовским [6. С. 10].

Дальнейшее изменение внешнего облика книги связано с изменением объема книжной продукции, во многом определяемом изменениями в условиях и месте ее производства, переместившегося из монастырских скрипториев в сферу городского ремесленного изготовления. В силу превращения книги в товар на письмо и художественный декор книги наиболее глубокое влияние оказывают материальные условия, содержание, целевое назначение, но в наибольшей степени — эстетические нормы большого искусства [7. С. 178].

ПРИЧИНЫ СТИЛИСТИЧЕСКИХ НОВОВВЕДЕНИЙ В ЭПОХУ ОБОСОБЛЕНИЯ ПРОЗЫ В САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВИД ЛИТЕРАТУРЫ

Изменение традиции проявляется, по наблюдениям Н.Л. Сухачёва, в присущей ей «практически ничем не ограниченной возможности сужения, расширения и полного переосмысления семантического объема слова», иными словами, его потенциала превратиться в стилистический прием [8. С. 10].

Отмеченная выше ориентация на эстетические нормы большого искусства находит проявление в условиях производства, распространения и восприятия текста, важным параметром которого является фрагментарность, следствия доминанты эстетического сознания выражения целого через частное.

В области научного знания это находит подкрепление в философских взглядах Фомы Аквинского, согласно которым «любая вещь индивидуализируется благодаря материи и определяется в род или вид благодаря форме» [9. С. 187], что также важно при изучении процесса порождения стиля.

Знаменующий рассматриваемый период времени переход от одного стиля мышления к другому характеризует сосуществование в искусстве различных тенденций и стилей, обозначаемое термином «интернациональная готика», известного также под термином «мягкий стиль», которое повсеместно господствовало как на островной, так и в континентальной Европе.

Интернациональная готика возникает на основе взаимодействия разнородных феноменов, следствие симптома появления перед искусством новых задач, для решения которых необходимо было преодоление ставших узкими рамок сформировавшейся ранее стилиевой системы. Тем, как указывает В.В. Стародубова, порождается «обращение одного вида искусства к выразительным средствам другого» [10. С. 82].

Интернациональность не исключает национального колорита тех или иных стилистических явлений, сопутствующих процессу их становления под влиянием тенденций того или иного культурного центра.

Так, французская разновидность готического книжного письма, формы которого обретают законченность много раньше прочих европейских разновидностей, впоследствии во многом повлияла на развитие его английского и немецкого вариантов. На отмеченное выше заимствование стилистических средств обращает внимание также и О.А. Добиаш-Рождественская, указывая на феномен параллелизма внутри визуального стилистического слоя, присущие готическим курсиву, храму и орнаменту, представленного «остролистными цветами и травами», вытянутость и остроту [11. С. 168]. Именно острый готический курсив чаще всего в жирном варианте встречается в Англии и впоследствии, главным образом в форме книжного минускула, получает закрепление печатным станком [11. С. 170].

В изобразительном искусстве и архитектуре ярким примером интернациональности готики является витраж готического собора и само архитектурное сооружение. В литературе, вербальном искусстве в частности, — использование многих рефренов в куртуазной поэзии XIII-го в. а также одновременно лирические интерполяции, практикуемые в нарративных и дидактических произведениях.

Фрагментарность средневековой литературы в данном случае возвращает исследователя к идее традиции [1. С. 81].

Развитие городов во многом способствовало формированию и утверждению новых прозаических жанров. Процесс «секуляризации сознания», со свойственным ему стремлением к более трезвому и практическому «освоению» реальности и взаимосвязанным с этим появлением «вполне осязаемой вещиности», также стимулировал тяготение к «прозаической форме изложения» [12. С. 310].

Поиски все увеличивающейся городской элиты в последнюю четверть XIII-го в. способов выразить свое мировоззрение увенчались появлением сборников небольших нравоучительных, религиозных и куртуазных повествований, хранящихся в личных антологиях или собраниях [13. С. 45].

Преобразований в области жанра было, тем не менее, недостаточно для создания стилистических новшеств. Характерные для интернациональной готики средневековые эстетические нормы в сочетании с языковой неразвитостью и неустановившейся языковой нормой тормозили процессы стилистических инноваций в сегменте английской художественной прозы XV-го в., представленном немногочисленными именами. Характерная для нее практическая направленность в языковом плане означает складывание делового языка до языка художественной литературы [12. С. 329].

В этом видится влияние отмечаемого Дж. Гордоном феномена ритмичности темпов развития внутреннего времени языка и внешнего (социального) времени, иначе, к опережению или отставанию собственно языковых темпов от темпов социального характера. Темпы убыстряются в переломные эпохи, примером которой может служить анализируемый период времени, когда вследствие изменения условий существования человека, «перехода на другой уровень рефлексии, усвоения новой суммы знаний» на фоне переосмысления картины мира появляются «качественные сдвиги».

Автономность процессов изменения форм фиксации устной речи, вызванные введением книгопечатания, не затронуло до определенного времени адресованности художественного произведения, поэтому существовавшие на тот момент жанры (драма, проповедь, памфлет эссе, роман) сохраняли присущие им акустические ее параметры, иными словами, связь с человеческим голосом [14. С. 9].

АНГЛИЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА XV-го ВЕКА

Отмеченная черта находит проявление в присущем устной речи ритме в прозаических произведениях, созданных на основе изучения и ассимиляции литературной прозы античных Рима и Греции.

Тем обуславливается выделение трех разновидностей английской прозы XV-го в., возникновение, становление и развитие которой шло самостоятельными путями.

Первая, для обозначения которой не существует какого-либо определенного термина, представлена прозаическими произведениями разнообразного содержания, непосредственно или тесным образом связанных с естественной речью.

Мощный массив собственно «письменной прозы», который возникает в результате перевода латинских и французских источников, лишенной сколь-нибудь художественной ценности, формирует вторую разновидность.

Незначительным интересом к английскому как к собственно языку и средству коммуникации, по наблюдениям Н. Блейка, объясняется отсутствие в Англии периода Средневековья грамматических руководств подобно “*First Grammatical Treatise*”, в котором излагались теоретические основы исландского языка XIII-го в.

Как отмечает Дж. Гордон, лучшие образцы английской прозы были созданы по лекалам латинских оригиналов. Необходимость придерживаться структуры французского оригинала, усложняемая некоторой близостью французского и английского синтаксиса в тот период времени, определяет специфику ситуации, складывающейся в области переводов с французского, иными словами, некоторую искусственность получаемого результата, его оторванность от идиоматического английского [14. С. 65].

Третья разновидность английской прозы образована собственно литературными произведениями, отмеченными печатью индивидуального стиля, авторства У. Кэктона, У. Пикока, Д. Фортескью, сэра Т. Мэлори. Понятия собственного стиля и стилистической виртуозности не являются всё же тождественными, поскольку уровень художественных достоинств этих произведений весьма разно-

образен. Тем не менее, посредством стилистических исканий в сфере письменной прозы формируется экспериментальная модель, характерная для более позднего периода XV-го в., когда в атмосфере ощущается дыхание приближающегося Ренессанса.

Характерная для раннего средневековья слитность жанров проявляется во взаимном перетекании прозы в поэзию и поэзии в прозу, что завершается возникновением у одного и того же содержания словесных оболочек, различных по «стилю, словарю, синтаксису... (например, поэма или прозаическое повествование)» [15. С. 187].

Возникновение жанра прозаического куртуазного рыцарского романа, объединяемого поэтическим стилистическими нитями в области лексики и синтаксиса, связано с процессом формирования прозаического стиля, примера трансформации стилистических находок, чему сопутствует также переложение стихотворной формы в прозаическую редакцию.

В целом языковая основа стиля прозаического куртуазного рыцарского романа, сюжетно-содержательно наследующего стихотворному оригиналу, мало соотносится как с языком более раннего периода, так и с языком XV-го в. Ему свойственны присущие новой среде бытования удачные решения, в число которых входят отмечаемые рядом исследователей ритмичность и сбалансированность, как и присущее поэзии движение [14. С. 66; 16. С. 76].

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЕДИНИЧНОЕ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ

На континенте период равновесия поэзии и прозы наступает в XIII-м в., которым датируется появление первых переложений поэтических и прозаических памятников и стихотворных аналогов прозы.

В Англии, в отличие от стран, расположенных по другую сторону Ла Манша, этот период наступает с некоторой задержкой. Появление самих терминов датируется XIV-м в., что на сто лет позже, чем в соседней Франции [17. С. 161].

Причины поэтико-прозаического баланса, очевидно, следует искать в бытовавших в античной риторике представлениях о своего рода «инвариантности содержания по отношению к форме», наследуемых средневековыми трактатами, в которых официально закреплён переход одной формы в другую. Иллюстративный материал, комбинируемый с положениями и рекомендациями, применимыми как для поэзии, так и прозы, представленный в риторических сочинениях универсального характера известных средневековых авторитетов: Гальфрида Винсальвского, Матвея Вандомского, Иоанна Гарландского, даёт возможность прийти к заключению о подобности прозы и поэзии как форм искусства, пригодных для выражения любых мыслей [18. С. 5].

Характерные содержательно-стилистические особенности поэзии и прозы, сформировавшиеся со временем, на французском материале получают описание в исследовании Л.В. Евдокимовой. Однако, как показывает практика, феномены подобного рода фиксируются также и в английском материале.

Основная характеристика заключается в том, что текстовый поэтический массив дробится на ряд составляющих, чем максимально сокращается дистанция

между автором (писцом или читателем) и объектом описания. Дробление осуществляется помещением в центр поэтического эпизода какой-либо «единичной, обособленной ситуации, одного или нескольких героев», которые действовали в «строго очерченных обстоятельствах». Отмеченное внимание к «частному, единичному» являет собой присущую поэтической традиции черту, закрепляемую «особенностями стихотворных форм и синтаксиса, присущих» языку стиха рассматриваемого периода.

В прозе, напротив, позиция повествователя максимально удалена от позиции объекта благодаря уменьшению числа эпизодов в прозаических редакциях стихотворных произведений повествовательных эпизодов, что обусловлено стремлением репрезентировать «множество событий, героев, обстоятельств», предложить видение более обобщенного плана.

Принцип дробления в повествовательных произведениях (романах) наблюдается при разделении на квазирамочные нарративные отрезки, во многом схожие со сценами мима, чем обуславливается возложение структурных функций на прямую речь персонажей. Эпизод выстраивается на основе одного или более высказываний, в том числе в сочетании с авторской коммуникацией, в которой предлагается описание условий произнесения высказывания, их пространственно-временные координаты. Выделенный прием композиции характерен для рукописных произведений в стихах и в прозаических рукописных произведениях практически не фиксируется. Такое постоянство дает основание выдвинуть предположение о предназначенности стихотворных текстов для драматической декламации, что предполагает принципиально иную манеру восприятия воспроизведения прозаических памятников.

В качестве иллюстрирующего примера можно рассмотреть предлагаемый ниже текстовый фрагмент из известной средневековой английской рыцарской поэмы “William of Palermo”:

whan þe [king] saw him com he sede to his knigtes,
 “defende we vs dougtilli or we degen sone;
 Per goþ non oþer griþ it geineþ nought to flene,
 & more mensk it is manliche to deie,
 Pan for to couwar[d]li for ought þat mai falle”.
 “certes, sire, þat [it] soþ seide his men alle,
 “þer-for now in-dede do we what we mowe” [26].

(Когда он [король] увидел, что тот приближается / то сказал своим рыцарям / «Мы должны принять бой / Многие мужественно примут смерть / Но это лучше, чем бесславно сдаться!» / «Конечно, сир!» ответили воины единогласно / «Мы сделаем, что можем!») (перевод наш — Ю.В.).

Предлагаемая цитата являет собой беседу короля и его верных рыцарей, призыв военачальника проявить храбрость и при необходимости принять смерть.

Авторская коммуникация согласно выделенной выше схеме предстает в предельно сжатом виде: субъект, выраженный личным местоимением he в препозиции, и вводящий глагол sede с прилагаемым к нему предложным дополнением-адресатом to his knigtes.

Ответная реплика выстраивается в той же тональности предельной компрессии авторской коммуникации с той лишь разницей, что собственно ответ-реплика разбивается на неравные части предикативным сочетанием в функции авторских вводных слов и субъекта, выраженным существительным, обрамленным определениями в пре- и постпозиции *seide his men alle*.

В речи короля сообразно коммуникативной задаче глагол используется в императиве *defende* в сочетании с личным местоимением *we*, чем создается стилистический эффект деструкции ожидаемого эффекта, присущего этому разряду местоимений *Pluralis Majestatis*, заменяемого на значение «говорящий вместе адресатом».

Набор используемых классов глаголов и их видо-временных форм довольно разнообразен и задействует практически весь стилистический потенциал формирующегося на момент создания поэмы их собственно грамматического спектра возможностей.

Прежде всего это касается эмфатического использования глагола *do*, которому сообщается эмфатический заряд посредством его инверсивного вынесения перед подлежащим *do we [what we mowe]*.

Другая немаловажная деталь заключается в использовании модальных глаголов в речи короля и воинов в сочетании с раскрытием стилистических возможностей инверсии, посредством которой модальному глаголу *ought* сообщается эмоциональный заряд.

Градус эмоционального заряда может также повышаться путем использования инверсии, однако не самого модального глагола, а привлечения глагола другого класса. Так, в ответной реплике воинов модальное значение возможности глагола *mowe* усиливается инверсивной диспозицией вспомогательного глагола *do*.

Синтаксические стилистические ходы реплицируются в лексических и акустических слоях, обнаруживаемые в завершающей цитатной строчке.

Аллитерацией как ведущим приемом стиля рыцарских саг не только украшается, но и уплотняется ткань текста. При этом, сообразно принципу симметрии, доминирующему в средневековом искусстве и телеологии, расположение однотипных согласных губно-зубных звуков в открывающей и закрывающей позициях придает этой части реплики особую четкость и стройность.

Дентальный [d] в середине строки в составе однокоренных слов *in-dede* и *do* создает эффект, сходный со стилистическим эффектом хиазматического повторения, благодаря которому возникающая пауза фокусирует внимание на смысле, заложенном во второй, более важной части высказывания.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ЯРУС СТИЛЯ АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Средневековое учение о стилях, наследующее античному учению, остается одним из главных инструментов, которые позволяют разместить предложение в иерархии высокого и низкого наряду с различением формы версий одного и того же сюжета.

В XV-м в. в европейских странах начинает формироваться также и некоторое представление о литературной норме как «языке общения привилегированных слоев общества», иначе другой языковой системы, «социолекта», идентифицирующегося как отклонения от нормы, либо высокого, либо низкого [19. С. 8]. [Ср., 20. С. 41; 21. С. 85].

Так, в качестве примера можно рассмотреть некоторые трудности, сопутствующие выстраиванию в средневековом английском сложных предложений со множеством подчинительных придаточных предложений [17. С. 144], что сопряжено с развитием системы подчинительных союзов.

Таково, например, использование сочинительной связи в прозаических произведениях, которые по сравнению с хрониками отличает большая изысканность стиля как основной принцип конструкции предложения. Стилистический эффект, производимый этими структурами принципиально различен: подчинение квалифицирует феномен, использованием сочинительной связи создается импульс для более прямолинейного, менее детального и психологического развития мысли, а также формирования набора определенных стилистических примет (повторение, параллелизмы, повествование) [17. С. 144].

С развитием синтаксиса связаны некоторые моменты из области морфологии, представленные видо-временными формами глагола. Их неразвитость приводит к утрате при переводе всех эмоционально-психологических оттенков французских рыцарских романов, например, авторства Кретьена де Труа. Сохраняется сюжетный остов, но не ядро чувства.

Простые времена в соответствии с присущим им значением используются в повествовании для констатации фактов, которые, в свою очередь, становятся частью повествования или сравнения, что, в конечном итоге, способствует созданию некоторой напряженности, оказывая некое психологическое воздействие на реципиента. Приоритет, отдаваемый этой группе времен, препятствовал раскрытию и развитию потенциала других грамматических категорий для выражения различных чувств и эмоций: вероятности, предположения, различных степеней сомнения, всего набора, могущего восприниматься *desiderata* в длинном повествовании, в особенности о сильных чувствах.

Категория времени английского глагола способствовала стилистической схожести многих литературных произведений, датируемых примерно одним и тем же периодом времени. Примеров стилистических экспериментов в области варьирования темпа и ритма повествования насчитывается немного [17. С. 150].

Ниже предлагается сравнительно-сопоставительный анализ стилистических решений идентичных сцен военного совета, на котором решается дальнейший план действий в стихотворном произведении “Le Morte D’Artru” и его прозаического варианта сэра Т. Мэлори:

But in the clere dawing the dere king himselven
Commaunded Sir Cador, with his dere knightes,
Sir Cleremus, Sir Cleremond, with clene men of armes,
Sir Clowdmur, Sir Cleges, to convey these lordes;
Sir Bois and Sir Berille, with banners displayed,

Sir Bawdwin, Sir Brian, Sir Bedvere the rich,
 Sir Raynald and Sir Richer, Rowlaunde childer,
 To ride with Romanes in route with their feres:
 “Prikes now privily to Paris the rich;
 With Peter the prisoner and his pris knightes;
 Beteche them the provost in presens of lordes
 O pain and o peril that pendes there-to
 That they be wisely watched and in ward holden,
 Warded of warantises with worshipful knightes;
 Wage him with men and wonde for no silver;
 I have warned that wye; beware yif him likes!” [24].

(Однако на заре сам возлюбленный король / Отдал приказ сэру Кадору и его верным рыцарям, / сэру Клеремусу, сэру Клеремонду, и рыцарям под их началом, / сэру Клоудмуру, сэру Клегесу сопровождать этих сеньоров / сэру Буа и сэру Бериллу, с развернутыми знаменами / сэру Бодвину, сэру Бриану, сэру Бедверу, знатному / Сэру Рейнальду и сэру Ришеру, детям Роландовым / Собираться в путь вместе с пленными римлянами / «Отправляйтесь в Париж благоденствующий; / Сопровождайте Петра, узника, и других пленных, / Доставьте их к прево в присутствии благородных господ, / Оберегайте их от грозящих опасностей / Не поддавайтесь искушению, не соблазняйте серебром / Я предупредил вас» (перевод наш — Ю.В.).

В представленном текстовом фрагменте наличествуют все характерные приметы стиля жанра рыцарского романа, рассмотренные выше, прежде всего, основанных на принципе повторения. На фонетическом уровне этот прием представлен аллитерационным повтором имен рыцарей: **Sir Cador**, **Cleremus**, **Sir Cleremond**, **Sir Clowdmur**, **Sir Cleges**; **Sir Bois** — **Sir Berille** — **Sir Bawdwin**, **Sir Brian** — **Sir Bedvere**; **Sir Raynald** — **Sir Richer** [выделено мною — Ю.В.], которые объединены в группы сообразно доминированию того или иного согласного, что соответствует древнегерманской традиции имянаречения, согласно которой представители благородных фамилий носили созвучные имена.

Аллитерации наряду со словосложением и повтором отдавался приоритет в области расширения древнегерманского ономастикона. Личные онимы, как собственно лексические единицы, являют собой некий код, в котором заключена информация о реалиях, относящихся к сфере возвышенного [22. С. 110].

Ситуация, описание которой представлено в отрывке для анализа, имеет обособленный характер, одно из самостоятельных звеньев, соединенных в цепь событий поэмы. В данном случае, сообразно специфике сюжета — военном походе войска рыцарей. Персонажей, задействованных в данном эпизоде, достаточно много: практически половину этого отрывка занимает перечисление имен воинов, внимающих указаниям своего начальника препроводить пленных в Париж при соблюдении всех мер предосторожности и правил рыцарского кодекса чести.

Эту деталь, очевидно, следует рассматривать признаком проявления национального колорита. Известно, что в XIV-м в. в Англии наблюдается повсеместное пробуждение интереса к англо-саксонским законам конструирования поэтического текста, что привело к творческим экспериментам и позволяет говорить о феномене аллитеративного Возрождения.

В данном текстовом фрагменте четко прослеживаются отмеченные Л.В. Евдокимовой способы сокращения расстояния между автором и реципиентом, что подтверждает мысль об универсальности законов композиционной структуры стихотворного произведения либо вторичного характера англоязычных произведений, ориентацию британских авторов на уже сложившиеся по другую сторону Ла Манша образцы куртуазного жанра.

Квазирамочная природа поэзии раскрывается в способах размещения прямой речи в повествовании. Неразделенность слова и воспроизводящей его ситуации видится в композиционном обособлении прямой речи, то есть максимально редуцированной авторской коммуникации.

На синтаксическом уровне повторение структуры сочинительным образом соединенных подлежащих, группы которых расширяются конструкцией с предложением *with*: *with his dere knightes; with his dere knightes; with clene men of armes; with banners displayed*, а также инфинитивными определениями *to convey these lordes*.

Эпизодическое употребление сочинительного соединителя *and* тормозит ритм повествования созданием некоторой паузы, что напоминает о генетическом родстве поэм и песен, предназначенных для исполнения в сопровождении музыкального инструмента.

Обращает на себя внимание и характерный для средневековой поэзии синтаксический способ эмфатического выделения, нарушения порядка слов, путем вынесения в начало предложения обстоятельств времени и цели: *to ride with Romanes in route with their feres*, а также дополнения *beware yif him likes*.

Констатирующий характер, сосредоточенность на собственно действии, присутствующие этому фрагменту, формируются путем привлечения складывающегося стилистического потенциала глагольных категорий вида, времени и склонения.

Благодаря глаголам в повелительном наклонении *prikes, betече, wage, wonde*, как и в изъявительном, представленном настоящим неопределенным и единичным случаем настоящего совершенного *have warned*, текстовая ситуация обретает статичность и четкость форм.

Отмеченная эмфаза усиливается отсутствием вводящего прямую речь глагола, чем стилю сообщается некоторая упрямость.

Своего рода репликой можно воспринимать создание эмфазы сложной стилистической природы, представленной звуко-семантическим подхватом *ward — warded — warrantises*.

Нерегулярность повтора корневого *war* также способствует формированию ритмичности композиции, помещение его в завершающую часть анализируемого фрагмента придает всему отрывку целостность и завершенность: *beware yif him likes!*

Предлагаемый ниже сходный сюжетный эпизод из прозаической редакции поэмы выстроен сообразно сложившейся схеме, детали которой были рассмотрены выше:

Thenne the kynge dyd do ranfakе his woundes and comforted hym / And thus was the begynnyngе of the fyrst journey of the brytons and Romayns / and ther were flayne of the Romayns moo than ten thousand / and grete ioye and myrthe was made that

nyghte in the hoof of kynge Arthur / And on the morne he fente alle the prisoners in to parys vnder the garde of syre launcelaut with many knyghtes & of syr Cador [<https://archive.org/details/lemortarhuror00malouft>].

(Затем излечил король его раны и успокоил его, / Так начиналось первое пришествие бриттов и римлян / Воинство римское насчитывало более десяти тысяч солдат, / И великое веселье и радость царили в стане короля Артура, / А утром отправил он всех пленных в Париж в сопровождении сэра Ланселота во главе множества рыцарей, и сэра Кадора (перевод наш — Ю.В.).

Прежде всего следует отметить краткость анализируемого эпизода по сравнению с его поэтическим аналогом, значительное сокращение его объема, тем достигается отмеченное ранее типичное для прозы увеличение расстояния между автором и читателем.

Согласно принятому в среде представителей сознательных стилистов следованию законам англо-саксонского стихосложения, в основу ритмической организации данного эпизода положены стилистические приемы с опорой на принцип повторения, наблюдаемого на всех уровнях.

Национальная английская специфика и в данном случае вновь находит проявление в аллитерации, сообщающей свой неповторимый ритм повествованию, придает ему архаичный флер и вызывает ассоциации с англо-саксонскими поэмами. Создаваемая стилизация, неизбежно возникающая вследствие обращения к артуровскому материалу, укрепляется использованием сочинительной связи посредством соединителя-скрепы *and*. Собственных имен, по сравнению со стихотворным аналогом, немного, вместо них используются нарицательные *the brytons and Romayns*. Группа антропонимов образована именами самого короля Arthur, а также *Syr Launcelaut* и *Syr Cador*, расположенных не блоком, а дистантно, в пропорции один персонаж на один присоединяемый блок повествовательной цепи.

По аналогии со стихотворной версией используются инверсивные инкорпорирования, чем создается аллюзия на поэтические рыцарские саги: *thus was the; ther were flayne of the Romayns; grete ioye and myrthe was made that nyghte; on the morne he fente*.

Та же ситуация наблюдается в смещении на несвойственные им позиции подлежащего и сказуемого, а также обстоятельств времени: *that nyghte; on the morne*. Помимо эпических клише, роль временных указателей возлагается на порядковое числительное в комбинации с существительным *the fyrst journey*, что демонстрирует регулярность действия, в тексте — военных походов.

По модели стихотворных текстов в прозаической редакции для очерчивания пространственно-временных границ используются разных видов онимы: реальный топоним *Parys*, названия национальностей *the brytons and Romayns*, что в целом способствует созданию иллюзии достоверности мифических событий.

Подобно стихотворному тексту в прозаическом анализе фиксируется стилистическое использование глагольных категорий, сужаемых до превалирования глагола *to be* в прошедшем неопределенном, что лишает текст какой-либо эмоциональности, однако компенсируется немногочисленными глаголами семантического поля «эмоции» *comforted*, в сочетании с субстантивным словосочетанием *grete ioye and myrthe*, полярным по своему значению.

Монотонность повествования нарушается эмфатическим употреблением вспомогательного глагола *dyd*: *thenne the kynge dyd do ranfakc his woundes*, что также можно считать примером усиления эмоциональности.

Случаи использования прямой речи в стилистических целях можно рассмотреть на материале еще одной рыцарской куртуазной поэмы “*Parys and Vienne*”.

Представленная цитата очевидно обладает английской спецификой при сохранении ядра принципа использования прямой речи. Внимание уделяется довольно типичной ситуации, предопределенной правилами сюжетодвижения анализируемого жанра.

Главный герой *Parys* в компании своего друга *Edward* приходит под окна замка своей возлюбленной *Vienne* и еженощно исполняет серенады. Прекрасное пение в сочетании с искусным музыкальным сопровождением услышали также и родители благородной девушки. Отец *Vienne*, влиятельный сеньор, частично излечился от снедавших его грусти и тоски благодаря этим ночным концертам и пожелал узнать имя своего лекаря. Среди собравшихся в замке менестрелей королевства, тем не менее, он не услышал дивного голоса, но истина открывается проницательной *Vienne*.

And whan vyenne herde alle the mynstrelles of the londe that fownd at þt seste she sayd to ysabel hyr damoyse & preuy felowe / by my faith swete syster these mynstrellys playen nought to the regarde of them that were wonte to come before our chamber / & me dysplayeth moche that I may not knowe them / for certeynly they come not hyther for nought / for they loue outhur you or me [25].

(И когда *Вьенна* услышала всех этих менестрелей королевства, которые собрались в зале, она сказала *Изабелле*, своей служанке и наперснице: / «Поверь мне, милая сестрица, эти музыканты играют не по своему желанию, / Жаль мне, что невозможно узнать правду, / Однако определенно пришли они сюда / не из любви к тебе или ко мне» (перевод наш — *Ю.В.*).

Нетрудно заметить неторопливость, медлительность, тягучесть действия, монотонность, сообщаемые ему сочинительной связью, представленной уже знакомым соединителем-скрепой *and*, вводящим новый иллюзорный виток квазиразвития ситуации, который являет собой по сути повторение фрагмента предшествующего предложения. Введением наречием времени *whan*, как и противительным союзом *but*, достигается дополнительное торможение, узкий спектр используемых глаголов усиливает ощущение, что действие не движется, застыло. Слова *Vienne*, которые появляются совершенно неожиданно после очередного сочетания *and whan*, нарушают едва заметное течение действия, рывкообразно перенося его на новую ступень повествования. В самой прямой речи слышатся нотки разговорного языка, но также и элементов искусственного куртуазного социолекта. *Vienne* изъясняется сообразно правилам куртуазного ведения беседы, чем обусловлено включение в прямую речь восклицания *by my faith*.

Между тем в словах главной героини проглядываются попытки создания психологического портрета персонажа. Модальный глагол *may* вносит некоторое разнообразие в эмоциональное равновесие этого фрагмента. Отрицательный префикс *dys[playeth]* выделяет некоторое раздражение благородной девицы,

очевидно втайне лелеющей надежду, что еженощное, услаждающее слух пение предназначено именно ей.

Тем, думается, обусловлено сочетание, могущее быть обозначенным как грамматический оксиморон модального глагола *may* в значении неуверенности в сочетании с модальным словом *certeynly* с прямо противоположным значением, как и ложным выбором между нею самой и дамой *Ysabel*.

Полисиндетон, безусловно, как подтверждают наблюдения, не является единственно возможным средством связи, используемом в куртуазном средневековом романе. Нередко в повествовании встречаются также примеры полярного приема асиндетона, один из которых представлен в приводимой ниже цитате из романа “*The Lyf of the noble and Crysten Prince, Charles the Grete*” (XV-й в.), знакомящего с деяниями легендарного героя императора Шарлеманя:

And of the residue of gold and syluer, that he brought oute od spayne, he dyd doo edefye these chyrches foowyng.

First, at Acon, almayne, where as he is buryed, he dyd doo make a chirche of our lady; and though it be lytel, yet is it moche rychely made. The chyrche of Saynt Iames in the toun of vyterbe; also the chyrche of saynt Iames in the cytee of Toulose: The chyrche of Saynt Iames in gascoyne; also the chyrche of saynt Iames in parys, between the sayne & the mounte of martres. & above the chyrches aforesaid, he founded, rented, & releued many & dyuers chyrches, monasteryes, & other abbeys in the world, in many and dyuers places [27].

(И на все золото и серебро, привезенное им из Испании, воздвиг он эти церкви повсюду. Сначала в Ахене, в Германии, где он похоронен, воздвиг он церковь, посвященную Деве Марии, и хотя церковь была небольшая, но богато украшенная. Церковь, посвященную святому Иакову, — в городе Витербо, еще одну — в городе Тулузе, церковь, посвященную святому Иакову, — в Гаскони, еще одну — в городе Париже, между рекой Сеной и холмом Монмартр; а помимо уже сказанных церквей он построил и заботился о многих других церквях, монастырях и аббатствах по всему миру, во многих и многих других местах (перевод наш — Ю.В.).

В анализируемом фрагменте рассказывается о повсеместном строительстве церквей в городах европейских стран, объединенных в империю Карла Великого, на которое пошло золото и серебро, привезенные из испанского похода. Объемность эпизода достигается путем использования приема повторения, однако, в изъятие из общего правила, при внимательном прочтении становится очевидна синкопа глагола сказуемого. Каждый вновь появляющийся в цепи элемент имеет совершенно идентичную структуру комбинируемого с подлежащим обстоятельства места. Прием повторения представлен в данном фрагменте в чистом виде, поскольку повторяется не только неполноценная структура, но также и первая ее часть, выраженная подлежащим. Меняются лишь топонимы, названия стран и городов, с превалированием городов, завершаемое расширением обстоятельства с указанием более точного расположения сакрального здания с использованием урбанонимов *the sayne & the mounte of martres*.

Следует отметить, что посвящение большинства храмов святому Иакову не случайно. Известно, личность этого святого в средневековье пользовалась большим авторитетом, потому на дорогах средневековой Европы можно было

встретить множество странников в плащах и шляпах пилигримов, которые шли поклониться в Сантьяго-де-Компостела, где хранились святые мощи.

Подобное анафорическое повторение, характерное для англосаксонского стихосложения прием, создает свой особый ритм, привычный для слуха британцев.

Фрагмент завершает новый виток с использованием уже привычной полисиндетической связи посредством союза *and*, сочетаемого с инверсионной позицией предложного дополнения, чем нарушается некоторая монотонность повествования. Расширение обстоятельства места, заключительный аккорд, можно рассматривать как своего рода ступень этой асиндетической части фрагмента о благочестивых деяниях доблестного и добродетельного императора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ теоретического и практического материала на основе трехмерного подхода, предложенного П. Зюмтором, позволяет прийти к заключению о несомненной необходимости использования комплексной методики изучения феноменов, являющих собой очевидную ценность для исторической стилистики, в частности, такого сложного и разнопланового, какой являет собой художественный стиль. Процесс генерирования стиля (модуса формулирования) художественного произведения эпохи смены средневековых эстетических установок ренессансными гуманистическими тенденциями находится под глубоким влиянием мировоззрения эпохи общего социокультурного контекста. При этом ясно прослеживается сочетание универсальных характеристик с этническими.

Собственно стилистические пути развития тесным образом взаимосвязаны с развитием жанров и видов литературы на становящемся национальном языке. На начальном этапе ступени слитности поэзии и прозы в эпоху господства в европейском искусстве «интернациональной» готики («мягкого» стиля), известной как период заимствования стилистических приемов одной сферой искусства другой, наблюдается также и их стилистическое единство. Различие находит свое проявление в организации текстового целого в поэтическом или прозаическом варианте, объемности образующих их эпизодов.

На этапе гармонии поэзии и прозы, во многом обусловленной спецификой сложившейся в сфере научной мысли ситуации, в частности, ориентации на предписания, изложенные в античных риторических трактатах, получивших развитие и распространение в эпоху средневековья.

Синтаксический ярус художественного стиля в английской прозе проявляет зависимость от влияния латыни и французского языка, лишь со временем и исчезновением давления структур предложения этих романских языков, обретая возможность развития по своему, национальному, пути.

Стилистические решения, принимаемые в том или ином случае, во многом определяются принадлежностью прозаического произведения к той или иной литературной разновидности.

В лучших образцах авторских произведений, отмеченных печатью индивидуального стиля, отличающегося от современного понимания этого феномена,

представленного, в частности, жанром куртуазного рыцарского романа, ранее других жанров обретшего законченность прозаических форм, наблюдается стилизация под стиль англо-саксонской литературы. Эта черта роднит их с произведениями в других германских языках, что и составляет специфическую особенность стиля островной прозы эпохи своего формирования.

© **Вышенская Ю.П.**

Дата поступления: 22.08.2018

Дата приема в печать: 26.09.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Zumthor P.* Le Texte-Fragment // *Langue Française. Grammaires du Texte Médiéval.* Paris: Larousse, 1978. Issue 40. pp. 75—83.
2. *Hamilton C.* Conceptual integration in Christine de Pisan's *City of Ladies* // *Cognitive Stylistics: Language and cognition in text.* Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. pp. 1—23.
3. *Baugh A.* *Literary History of England.* N-Y & London: Appleton-Century — Crofts, Inc., 1967.
4. *Девятайкина Н.И.* Начало формирования гуманистического культа книги в эпоху Петрарки // *Книга в культуре Возрождения.* М.: Наука, 2002. С. 24—34.
5. *Poirion D.* *Le Miroir Magique // Le Cœur d'Amour Epris.* Paris: Filippe Lebaud Editeur, 1981. pp. 13—81.
6. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Теория поэзии и прозы (типы словесности). Петроград, 1917.
7. *Романова В.Л.* Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. По материалам рукописных книг Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. М.: Наука, 1975.
8. *Сухачёв Н.Л.* Перспектива истории в индоевропеистике. К проблеме «индоевропейских древностей». СПб.: Центр Петербургское Востоковедение, 1978.
9. *Аквинский Фома.* Сочинения. М.: Едиториал УРСС, 2002.
10. *Стародубова В.В.* Искусство Франции // *Искусство Возрождения в Нидерландах, Франции и Англии.* М.: Искусство, 1994. С. 127—144.
11. *Добиаш-Рождественская О.А.* История письма в Средние века. М.: Книга, 1987.
12. *Алексеев М.П.* Литература средневековой Англии и Шотландии. М.: Высшая школа, 1984.
13. *Ahern J.* Dionco's repertory: Performance and writing in Boccaccio's "Decameron" // *Performing Medieval Narrative.* N-Y: Boydell & Brewer Ltd., 2005. pp. 41—61.
14. *Gordon J.A.* *The Movement of the English Prose.* London: Longmans, 1966.
15. *Ненарокова М.Р.* Каролингская эклога: текст и история жанра. М.: ИМЛИ РАН, 2012.
16. *Kazumi M.* *Syntax and Style in Early English. Finite and Non-Finite Clauses c. 900—1600.* Tokyo: Kaibunsha Ltd., 1979.
17. *Blake N.F.* *The English language in medieval literature.* London, Melbourne and Toronto: J.M. Dent & Sons Ltd; Rowman and Littlefield, Totowa, N-Y, 1977.
18. *Евдокимова Л.В.* У истоков французской прозы. Прозаическая и стихотворная форма во французской литературе: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999.
19. *Евдокимова Л.В.* Стиль и система стилей в средневековых европейских литературах // *Стили в литературах средневековой Европы.* М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. С. 4—29.
20. *Берков В.П.* Несколько соображений о языковой норме // *Работы по языкознанию.* СПб.: филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 41—50.
21. *Лобачёв Б.З.* О понятии стиля во французском и русском языках // *Синтаксис и стилистика.* М.: Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1982. С. 83—107.
22. *Егорова Т.П.* О поэтике древнегерманских личных имен // *Структура и функционирование поэтического текста.* М.: Наука, 1985. С. 107—115.

23. Le Morthe d'Arthur. Режим доступа: <https://archive.org/details/lemortarhuror00malouft>. Дата обращения: 10.07. 2018.
24. Le Morthe d'Arthur. Режим доступа: <http://www.d.lib.rochester.edu/teams/text/benson-and-foster-king-arthurs-death-alliterative-morte-arthur-part-ii>. Дата обращения: 10.07.2018.
25. Parys and Vienne. Режим доступа: <https://archive.org/details/parisandviennenet00hazlgoog>. (Дата обращения: 14.07.2018).
26. William of Palerne. Режим доступа: <https://archive.org/details/romanceofwilliam00guilouft>. (Дата обращения: 1.07.2018).
27. The Lyf of the noble and Crysten Prince, Charles the Grete. Режим доступа: <https://archive.org/details/stream/lyfofnoblecryste00сахтофт#page/200>. (Дата обращения: 17.07.2018).

УДК: 821.111-1:821.111-3:82.081"13/14"

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-812-830

SYNTACTIC STYLISTIC TRADITIONS AND INNOVATIONS OF THE EPOCH OF POETIC-PROSAIC INSEPARABILITY (on the material of english belles-lettres of XIV—XV centuries)

Yuliya P. Vyshenskaya

Herzen State Pedagogical University

48, block 14, the Moika Embankment, St.-Petersburg, Russia, 191186

Abstract. The article concerns the matter of English prose belles-lettres style the XIV—XV century known as an epoch of poetic-prosaic balance. The process of the artistic style generating is studied on the basis of the exemplary corpus fixed in the textual material of literary works belonging to the genre of the medieval romances as the earliest representative of a new literary genre.

When considered fragmentary as one of basic parameters of verbal medieval art is taken into account. That means a complex approach in the sphere of study of the medieval textual documents.

The style phenomenon is researched within the scope of a universal socio-cultural context as a part of the “international Gothic” dominating during the period under study.

Style generating processes in English literature marked by its national properties are analysed as part of the universal process of the European literary process.

Comparative analysis of works of verbal as well as of non-verbal art of the period of stylistic borrowing from one art sphere to another is considered as based on the dominating stylistic ideas and specific features of world-vision proper the transfer from Middle Ages to the Renaissance.

Comparative method gives an opportunity to trace peculiarities of transforming poetic material form into prosaic one.

Key words: fragmentary; “international” gothic; poetry; prose; style; rhetoric; text

REFERENCES

1. Zumthor, P. (1978). *Le Texte-Fragment In Langue Française. Grammaires du Texte Médiéval*. Paris: Larousse, 40, pp.75—83.
2. Hamilton, C. (2002). Conceptual integration in Christine de Pisan's *In City of Ladies*. *Cognitive Stylistics: Language and cognition in text*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. 1—23.
3. Baugh, A. (1967). *Literary History of England*. NY & London: Appleton-Century — Crofts, Inc.

4. Devyataykina, N.I. (2002). The origin of the Book Humanistic Cult in Petrarca's Epoch. In *The Book Within the Scope of the Renaissance Culture*. Moscow: Nauka Publ., pp. 24—34. (In Russ.).
5. Poirion, D. (1981). Le Miroir Magique In *Le Cœur d'Amour Epris*. Paris: Filippe Lebaud Editeur.
6. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1917). Prose and Poetry Theory. Petrograd. (In Russ.).
7. Romanova, V.L. (1975). The Manuscript Book and Gothic Writing in France (c. XIII—XIV). On the materials of manuscript books of National State Library. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
8. Sukhachyov, N.L. (1978). The History Perspective in Indo-European Science. SPb: The Centre of St.-Petersburg Oriental Studies. (In Russ.).
9. Akvinskij, Foma (2002). Works. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
10. Starodubova, V.V. (1994). French Art In *Renaissance Art in Netherlands, France and England*. Moscow: Iskustvo. pp. 127—144. (In Russ.).
11. Dobiash-Rozhdestvenskaya, O.A. (1987). History of writing in the Middle Ages. Moscow: Kniga. (In Russ.).
12. Alexeev, M.P. (1984). Literature of Medieval England and Scotland. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
13. Ahern, J. (2005). Dionco's repertory: Performance and writing in Boccaccio's "Decameron". In *Performing Medieval Narrative*. N-Y: Boydell & Brewer Ltd. pp. 41—61.
14. Gordon, J.A. (1966). The Movement of the English Prose. London: Longmans.
15. Nenarokova, M.R. (2012). Carolingian Eclogue: Text and Genre History. M.: IMLI RAN. (In Russ.).
16. Kazumi, M. (1979). Syntax and Style in Early English. Finite and Non-Finite Clauses c. 900—1600. Tokyo: Kaibunsha Ltd.
17. Blake, N.F. (1977). The English language in medieval literature. London, Melbourne and Toronto: J.M. Dent & Sons Ltd; Rowman and Littlefield, Totowa, N-Y.
18. Yevdokimova, L.V. (1999). At the Beginnings of the French Prose. Prose and Verse Form in French Literature: [abstract of dissertation]. Moscow. (In Russ.).
19. Yevdokimova, L.V. (2016). Style and Style System in Medieval European Literatures. In *Styles in Medieval European Literatures*. Moscow: Nauka publ. pp. 4—29. (In Russ.).
20. Berkov, V.P. (2011). Some ideas of the Language Norm In *Works in General Linguistics*. SPb.: S-Petersburg State University. Faculty of Philology. pp. 41—50. (In Russ.).
21. Lobachyov, B.Z. (1982). Style Notion in French and Russian Languages In *Syntax and Stylistics*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia publ. pp. 83—107. (In Russ.).
22. Yegorova, T.P. (1985). About Old German Personal Proper names Poetics In *Poetical Text Structure and Functioning*. Moscow: Nauka publ. pp. 107—115. (In Russ.).
23. Le Morthe d'Arthur. URL: <https://archive.org/details/lemortarthuror00malouft>. (accessed: 10.07.2018).
24. Le Morthe d'Arthur. URL: <http://www.d.lib.rochester.edu/teams/text/benson-and-foster-king-arthurs-death-alliterative-morte-arthur-part-ii>. (accessed: 10.07. 2018).
25. Parys and Vienne. URL: <https://archive.org/details/parisandviennenet00hazlgoog>. (accessed: 14.07.2018).
26. The Lyf of the noble and Crysten Prince, Charles the Grete. URL: <https://archive.org/details/stream/lyfofnoblecryste00caxtoft#page/200>. (accessed: 17.07. 2018).
27. William of Palerne. URL: <https://archive.org/details/romanceofwilliam00guilouft>. (accessed: 1.07. 2018).

Для цитирования:

Вышенская Ю.П. Стилистические традиции и новшества эпохи поэтико-прозаического единства (на материале английской словесности XIV—XV-го веков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 4. С. 812—830. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-812-830.

For citation:

Vyshenskaya, Y.P. (2018). Syntactic Stylistic traditions and innovations of the epoch of poetic-prosaic inseparability (on the material of English belles-lettres of XIV—XV centuries). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 812—830. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-812-830.

Сведения об авторе:

Вышенская Юлия Павловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения РГПУ им. А.И. Герцена; *научные интересы*: историческая стилистика, история литературы, история языка, литературоведение; стилистика, лингвистика текста, *e-mail*: clemence_isaure@rambler.ru; SPIN-код 7067-9940.

Information about the author:

Yuliya P. Vyshenskaya, Ph.D, Associate Professor of the Department of English Language and British Studies of Herzen State Pedagogical University; *Scientific Interests*: Historical Stylistics, History of Literature, History of Language, Literature studies, Stylistics, Text Linguistics, *e-mail*: clemence_isaure@rambler.ru.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК: 003:004.738.5

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-831-841

SIMULACRUM IN STATIC-DYNAMIC SCOPE OF THE SCREEN (a case study of polycode-multimodal texts of the Internet)

Yulia A. Evgrafova, Olga I. Maksimenko

Moscow regional state university
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. With onset of the computer and electronic revolution, with the expansion of the Internet the modern world culture is based not on the bookish, but on the screen form of the text existence. Heterogeneous texts have replace homogeneous texts. The most formed representatives of which are the movies and the television, that initiated the appearance of text with the unique structure, contaminating oral and written linguistic sense medium with the non-linguistic and which, having been digitized, are predominating in the Internet today. The spectator expects from these texts such stylistic features as authenticity and factual accuracy. These particular expectations are employed by the authors of such videos in order to manipulate the viewer and to create the impression, that the objects and phenomena on the screen possess the denotation in the real world, thus making the recipient believe into the modelled pattern of a real life and generating simulacra. This article is devoted to the analysis of peculiarities of the simulacra design in polycode-multimodal texts representing complex semiotic unity of verbal, iconic and acoustic components. Also it is examined how a real-life simulation is created in the case of three polycode-multimodal texts that describe the military actions in Syria. The analysis is carried out in the static and dynamic scope of the screen% at the visual (screenshots), verbal and acoustic levels. During the research lingual-semiotic peculiarities of the simulacra generation in the static scope of the screen are singled out and the instruments used to construct simulacra in the dynamic scope of the screen.

Key words: the screen, polycode-multimodal text, simulacrum, verbal, iconic, sign, sign behavior, semiosis

1. INTRODUCTION

New means of communication, globalization and progressing expansion of the Internet lead to the situation, in which a homogeneous printed text is not the main data migration facility anymore. The volume and quality of the information circulating in the noosphere is increasing which asks for the usage of more succinct means of its processing, recording and transmission involving less effort in decoding and perception. New communicative situation in the modern world has asked for appearance of different contaminated types of information representation often with the minimal amount of a verbal text, intelligible for the majority of the people, the same as, formerly, the invention of the printing-press accelerated and “blew up” the concise manuscript, having split

it into more simple fragments [1]. In the modern “networked world” the leading role is played by the visualized texts, located on the digital medium and reproduced on the screen in the form of digital production. As a result, we are transforming out of an epistolary into screen civilization — “image-oriented”, as U. Eco once mentioned [2]. Traditional, linear way of thinking intrinsic to the writing is replaced by the perception through electronic software — hyperception — utterly processed by the patched TV-image [1].

Proportions of verbal and visual (iconic) is one of the most important questions the answer to which is being searched for by the modern linguists. Scientific community did not come to the common point of view on what term to utilize to nominate such kind of a text, in which there are signs of a natural language along with the signs of a different nature — *creolized* [3—5], *polycode* [6—11], *videoverbal* [12] etc. In this article the heterogeneous text is understood as techno-sensorial unity, able to be perceptually embraced with the help of different modalities (channels of information perceiving), contaminating audial and visual semiotic means and transferred by a projection on the screen. In such type of the text one can find the syncretic unity of several components: moving image, phonetic elements (speech, noise, music) and verbal elements (credits, subtitles etc.).

The first and the most simple print media enclosing verbal and iconic components are thought to be a purpose novel and a pictorial magazine characterized by the fact that they are different in their semiotic nature but are designed to be perceived visually alone. The foregoing development of the means of communication utilizing the principle of contaminated texts, “comprising apart from verbal and iconic an audio component, led to the appearance of such type of the texts, firstly, on the motion pictures and television screen, mostly in the commercials, and then, in the Internet” (*here and forth the translation is ours* — Yu.E.) [8. С. 96].

The Internet as multimodal hypertext structure is being enriched with polycode-multimodal texts (video reports play-by-play), that belong to the genre of documentary filmmaking, which are expected to possess such features of the style as authenticity and factual accuracy by the viewer. This particular expectancy is aggressively being used by the authors of such type of the videos with the aim to manipulate the viewer in order to create an impression that the demonstrated objects and phenomena have denotation in the real world making the recipient believe in created model of reality, thus generating simulacrum.

The first mention of simulacrum is referred to the works of Plato, according to which eidos (the ideal original) can have copies either identical with it (so called true imitations) or different from it (false imitations). In the period of medieval and modern times simulacrum was understood as an image of the thing far from resemblance and bearing inextricable connection with the original. In the 20th century post-modern representatives [13—17] demarcated the original, its copy and simulacrum thinking that the simulation of a reality was grounded on the generating of formless impressions and images, not on the depicting of something particular, external. In the theory of post-modernism the notion “simulacrum” is filled with different meaning. The principle of natural bond between the image and what is the depicted, the image and the meaning,

the sign and the referent is not the main anymore. The connection is terminated, *eidós* (the original) disappears but its copy continues to exist.

By and large the modern linguists understand simulacrum as the following: 1) as sign with an “empty” signified, which lost the reference with the reality, 2) as artificially designed reality which engages into connection with the real space, 3) as something without original, 4) as the secondary copy of the original, self-referential sign (the image of non-existent reality), substituting the symbol which is transmitted by the word and its conventional meanings. Thus, simulacrum is the mask which is hiding the absence of reality and at the same time creating the apparition of its presence. In the process of simulation something which does not exist is being represented as really existing, creating the patterns which are in the complete accord with the reality.

This work has the aim to characterize lingual-semiotic peculiarities of constructing simulacrum in the aspect of the static-dynamic organization of the scope of the screen of a polycode-multimodal text.

2. SIMULACRUM CONSTRUCTION IN A POLYCODE-MULTIMODAL TEXT

2.1. Summary of the material and the methods of research

The polycode-multimodal texts, created in genre of video report from the “flash points”, especially in Syria, can serve as an example of conscious generating and usage of simulacrum. The material filmed and presented to the wide audience by the organization “White Helmets” is particularly interesting because the most of the spectators automatically consider them to be a real life story line, i.e. visible reality of the screenshot is identified with the real world. This piece of writing studies how a verisimilar pattern of reality is constructed as in the case of three polycode-multimodal texts depicting military actions in Syria and their consequences. All three texts are taken from YouTube, channels United States Holocaust Memorial Museum and Guardian News.

For internal organization and regulation of the process of the research and interpretation of the received results the following methods were utilized: philosophical-logical, general scientific, and disciplinary. Philosophical-logical methods and techniques used in this work are abduction, idealization, abstraction analysis, synthesis, argumentation, empirical evidence, objectivation and verification, induction, generalization, and explanation. General empirical methods used in the research are description and examination. Among the disciplinary methods employed are paralinguistic techniques in order to identify the type of information brought by paralinguistic means and the ways of their contamination and correlation with the verbal component; also descriptive techniques were utilized such as: examination, generalization, interpretation of the results, classification, analysis, synthesis, comparison, contrast, contextual analysis in order to expose verbally unexpressed implicit meanings.

2.2. Lingual-semiotic analysis of the static-dynamic organization of the scope of the screen

Video report “White Helmets Rescue Mission — February 2018”, published on March 23rd this year, and “Aftermath of suspected chemical attack in rebel-held Douma in Syria”, published April the 9th this year, demonstrate the rescue mission of White

helmets. Throughout the research we are going to analyze the following levels of these polycode-multimodal texts: visual (shots), verbal and acoustic.

“White Helmets Rescue Mission — February 2018” is the train of shots which fuse at the demonstration into iconic picture of wrecks, dust and backs of running people. The space is limited by the part of the ruined building in which several people in non-military garment and in the white helmets are clearing the rubbles of the bomb attack and saving children. The camera is twitching, jumping and shaking but there are some close up shots [18].

The setting in the second polycode text “Aftermath of suspected chemical attack in rebel-held Douma in Syria” is located in the building of inexplicable function, outside which it is supposed to be the town of Douma after the chemical attack (this information the spectator receives out of the title). Shots are going one by one on the background of unstoppable noise, boom and fuss, and fix what is happening inside the building: among the crowd of grown-ups there are small children which are being showered out of the hose pipe and pulverized with the unknown liquid into the mouth. The rest of the shots fix the same actions. In the last short a child appears again who is being showered out of the hose pipe and who is put onto the coach next to the other children. This particular screenshot is very interesting because these particular children have been already sitting at this very coach at the beginning of the video but at that time another child has been put onto it, i.e. the events are demonstrated not in the chronological order which makes us think that they are put together they together not on the principle of natural order. Probably, this video was edited which allows us not to take its authenticity for granted [19].

At the verbal level “White Helmets Rescue Mission — February 2018” contains the introduction to the video:

WARNING: This video contains graphic content. This video footage was provided by the Syria Civil Defense (White Helmets) / It was filmed in the Douma area of Eastern Ghouta after Syrian government and Russian air strikes in February 2018 / The footage was captured by a camera on the helmet of a rescuer [18],

the same as “Aftermath of suspected chemical attack in rebel-held Douma in Syria”:

“Warning. Some viewers may find the following footage distressing. Children are treated after a suspected chemical attack in rebel-held Douma, Syria” [18].

In the video reports the incomprehensible emotional Arabian speech is heard, it is possible to distinguish anxiety and fear, the firsts video contains the cries: “Allah Akbar!”.

Acoustic level of these two texts is not fractured, it fully corresponds to the demonstrated screenshots and is represented by audio signs: rambling, booming, general background noise.

Verbal and acoustic levels of these two texts do not play any role but are the elements that follow the natural flow of the shots, all the sense tension is concentrated at the visual level. The viewfield of the described above polycode-multimodal texts is not constant: the filming is made out of fragments and is demonstrated not as a united shot. They are taken out of the flow of the events and it is not clear whether they were added into the narration in the chronological order or were edited in order to be organized

on the aesthetic principle. Both texts contain, intrinsically, the same content — rescue of the children (taking them out of the rubbles, showering them out of the hose pipe, pulverization with the medicine into the mouth. Apart from actions, the screenshots contain iconic signs, fixing the objects of the real world: the children, and in the second text the hosepipe and the inhaler. Visually, they are semiotically marked; some qualities of the objects are utilized to highlight them with the help of the surroundings: the children on the background of the crowd of the adults are small; the hose pipe on the background of the grey walls and dark clothes is red and inhaler is blue. Thus, the spectators' attention is artificially fixed on the these actions and objects of the demonstrated reality, and the bomb attacks, rubbles and people in non-military garment, the space of the screenshot itself are just the background employed to more protruding allocation of the necessary meanings to speculate with the children and the statement: “children are our future that we are saving”.

The third polycode-multimodal text “Syria's White Helmets: Saving Humanity”, published on YouTube December 13th in 2016, is the edited screenshots filmed by the amateur camera and is an especially interesting video report as it is comprised by the documentary shots in which the representatives of the White helmets describe their mission, themselves and the operations accomplished. We also focus on three levels of this video report: visual (screenshots), verbal and acoustic.

“Syria’s White Helmets: Saving Humanity” opens with the shots of the town, the quite morning is disturbed by the bombs, then the running people are shown and sporadic fire. The camera is twitching and jumping, the shot are going at a very high speed. The rest of the screen shots demonstrate people in the white helmets and in the non-military garment, they are performing the same actions of rescuing others throughout the whole video. In the middle of the text there are screenshots with the first speaker (Farouq Habib, Program Director, Mayday Rescue), and the second one (Raed Saleh, Head of the Syrian defence force (White helmets), both are depicted on the black background, in the black suits [19].

The viewfield in the third test is not constant, the visual level is fully constructed out of the train of screenshots which are quickly and abruptly follow each other. They contain the signs, depicting real life objects with the help of visual (icons) and indicative (index) and associative techniques. At the beginning of the video report cityscape is changed with the screenshots of what is happening inside the town without any transition. We see different people in white helmets and in non-military garment, putting the bodies in blood onto the stretcher. The shots are obviously arranged on the principle of aesthetic co-occurrence (in order to demonstrate the viewer the whole palette of the good deeds of the White helmets).

The verbal level of the video report “Syria’s White Helmets: Saving Humanity” is represented by the initial screen shots that contain the following warning:

“WARNING: This video contains graphic content / The Syrian government has waged a brutal campaign of atrocities against its own people for more than five years. More than 11 million Syrians have been driven from their homes. More than 400,000 Syrians have died.”

This text state the already performed action as a fact and contains the statistic figures, and to intensify and support the information it is given on the background of the ruined town. Then the speech of speaker the begins and it is accompanied by the subtitles:

*“Our motto is, ‘To save one life is to save all of mankind / The White helmets or rescue workers / who are committed to / help areas who suffer / *** of Syria / And can’t stop / because killing do not stop in Syria, bombing do not stop in Syria” [19].*

Then the second speaker starts to talk, he is giving the speech in Arabian, his words are given with the subtitles:

“These words give us hope and inspiration, to fight back and continue our work / Life is tragedy in Syria / People sacrifice in times of crisis / as each person has his own or her own different reasons / And the only thing we have in common is humanity / and the love of helping others / This great work, the saving of human life, is the same as saving all of mankind” [19].

As it is demonstrated in the above examples, the verbal level of this text is filled with such sign-symbols as: *save, be committed to, help, suffer, killing/bombing don’t stop, fight back, continue, mankind, hope, inspiration, life, tragedy, sacrifice, crisis, humanity, love*. These words focus the spectators’ attention on what the White helmets do, and then on what they are, what moral values they are oriented to during their work.

Acoustic level “Syria's White Helmets: Saving Humanity” is represented with the audial signs, moved towards their source, which gives the polycode-multimodal text the volume: straight after the sound of the bombs the spectator hear the story of the speaker, accompanied by the music (tragic melody).

The contamination of the visual, verbal and acoustic levels constructs the image of the White helmets. In both parts of this video report the screenshots of the ruined town, rubbles, anxiety and pain are accompanied by the melancholic melody — the tragedy is shown (*Life is tragedy in Syria*). The speakers words are sown into the image and music, accompanied by the subtitles, and thus the every shot acquires new conceptual strain. It is not the screenshot of the chaos, caused by the military actions, unstoppable bombing and killings, anymore (*killing do not stop in Syria, bombing do not stop in Syria*), it is a battlefield of the White helmets, where they are acting, rescuing (*to save all of mankind*), struggling (*fight back and continue our work*), helping (*help areas who suffer*). Each shot of the rescue, in which the main characters are people wearing white helmets, is accompanied by the spoken words and subtitles explaining why these acts of good deeds are performed. The White helmets are true friends (*are committed to*), ready to sacrifice (*sacrifice in times of crisis*) and above all they value the one thing — humanity (*And the only thing we have in common is humanity, saving all of mankind*). Melancholic and the tragic melody also transmits the information, initiating the semantic tension, influencing the depth of the unconscious. The spectator believes that the screen shots of this polycode-multimodal text is the compilation of the shots of a documentary film. The image created by the means of contaminating the components of different semantic levels is identified with the image of the real life.

In today’s global situation polycode-multimodal text “Syria's White Helmets: Saving Humanity” acquires the new meaning and accumulates different sense. Now,

it is not the simple story of the charity organization and its aims and values, but a dynamic narration, authenticity of which may be doubted. The constructed image and its components become the pattern, simulation of the reality and the phrase “Saving Humanity” itself, given in the title, is transformed into an “empty” sign, simulacrum.

2.3. Interpretation of the results

Basing on the examples presented above, it is possible to single out the following lingual-semiotic peculiarities of the construction of the simulacrum in the **static** scope of the screen of a polycode-multimodal text:

- 1) conceptual displacement, the sign loses its original meaning;
- 2) division of the objects from the manifold of a real life is performed not with the verbal, but with the visual means, which are the specific system of codes;
- 3) the content of the sign stays the same, but it is highly polysemantic.

The instruments employed to generate simulacrum in the **dynamic** scope of the screen of a polycode-multimodal text are:

1. The viewfield is not constant. The size of the image is changing, despite the fact that the shots of all of the three texts were taken under the conditions of a military actions. Such technique is peculiar to the fiction filmmaking and is used to denote nonspatial meanings. In these video reports close-ups of wounded or of the children are used to demonstrate the fear, anxiety and despair. Thus, in the process of transferring the concentrated information in the form of intellectual and emotional structures, that fill the polycode-multimodal text (in this case it is the transforming the space of the ruined area and military actions into the screenshot), the objects and phenomena of a real life from its print, having been re-thought and “recycled” in order to manipulate the spectator, become the thing which never was — simulacrum.

2. The screenshots are organized on the principle not of the inherent, but a artistic co-occurrence, i.e. in order, which is necessary to the authors to make the viewer believe into the constructed non-existent image of White helmets.

3. The audial volume of the tact. The sound is taken away from its source, there is a music accompaniment, which is the technique of a fiction filmmaking not the documentary one and is employed to create complex in its content structure polycode-multimodal text which is unacceptable in the documentary video reports.

The spectator being sure that what is depicted on the screen is the real life actions perceive the shots as the train of the signs of the real world in which it is not possible to distinguish any meaningful elements — for the spectators perceptions the whole text is a meaningful unity of screenshots contaminated on the principle of inherent co-occurrence. The spectator believes into what is happening on the screen as if it were a real life. Although, it, while being not the reality but its pattern, contains all the features of artistic emphasis of the shots, which, correlating with each other on the laws of fiction, manipulate the viewers consciousness.

3. CONCLUSION

In the texts that are transmitted through the screen the verbal component gives place to the non-verbal, which, from the subordinate transforms into an equal component, playing the same role as the words, due to which the information being transferred is

featured with the easiness of perception and with almost concrete interpretation for a common brain.

In the scope of the screen of a polycode-multimodal text the reality becomes a construct and, acquiring the “effect of the screen”, is massively reproduced. Now, having actualized this or that text on the screen, it is possible to find out not only what is happening in the world, but also to get information on any topic in any necessary form, aural, visual, audiovisual. However, the quality of the gained knowledge, its correctness, completeness, objectivity и accuracy cannot be guaranteed. In other words the problem of authenticity of the transferring information appears. Such feature of the polycode-multimodal texts of the Internet gives them the possibility to create a “copy”, isomorphic to the reality, modelling it, what is more the reproduced reality is the object and the pattern of that object at the same time. Multimodality of these texts enhances different channels of perception which initiates in the spectator apart from “engagement” also “participation effect”. The ocular reality is identified with the real world, while being what the collective author of the text wants to show — the viewer can understand the unreality of the events but not the mediated nature of the text itself. In this situation it is very easy to manipulate and control the recipient, which has been done by the Internet for many years as it has come into almost each house and become an essential part of life of the society.

Talking about the videotext filmed by the White helmets it is possible to speak about the usage of the “illusion of the reality” effect. The spectators being sure that they are watching a video report from a real life events automatically consider things happening on the screen to be authentic shots which intricate real emotions. The semiotic situation is being created which aim is to perplex the viewers, to make them believe into what he sees and interpret the text in the sense which is needed to the authors and have “fake” emotions — perceive the objects and phenomena on the screen as the signs of the reality, which are empty and do not correspond to the real life, being, intrinsically, an imagination, — simulacrum.

© Yulia A. Yevgrafova, Olga I. Maksimenko.

Article history:

Received: 25.09.2018

Accepted: 12.10.2018

REFERENCES

1. McLuhan, G.M. (2003). *Understanding Media: External Human Extensions* Moscow: Zhukovsky: CANON-press C., Kuchkovopol. (In Russ.).
2. Eco, U. (1998). *From the Internet to Gutenberg: text and hypertext: excerpts from a public lecture by Umberto Eco at the economic faculty of Moscow State University on May 20, 1998.* URL: <http://vzms.org/umberto.html> (accessed: 08/10/2018). (In Russ.).
3. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990). *Creolized texts and their communicative function In Speech Optimization.* Moscow: Nauka. pp. 180—186. (In Russ.).
4. Anisimova, E.E. (2003). *Text linguistics and intercultural communication: on the basis of creolized texts.* Moscow: Academia. (In Russ.).
5. Bernatskaya, A.A. (2000). *To the problem of “creolization” of the text: history and current state, Speech communication: Specialized Herald. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. state Univ., 3(11).* (In Russ.).

6. Bolshakova, L.S. (2008). On the content of the concept of “polycode text”, *Bulletin of Novgorod State University*, 49, 48—51. (In Russ.).
7. Sonin, A.G. (2006). Modeling mechanisms for understanding polycode texts: [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
8. Maksimenko, O.I. (2012). Polycode vs. Creolized text: problem of terminology. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2, 93—102. (In Russ.).
9. Kobzeva, E.V. (2017). Polycode text as an object of philological analysis, *News of the Volgograd State Pedagogical University*, 10(123), 58—62. (In Russ.).
10. Kostomarov, V.G. (2011). Screen Texts and Dialogue of Cultures In Dialogue of Cultures in the Context of Globalization: XI International Likhachev Scientific Readings. St. Petersburg, May 12—13, 2011. St. Petersburg: SPbGUP. pp. 88—92. (In Russ.).
11. Chernyavskaya, V.E. (2009). Text linguistics: polycodularity, intertextuality, interdiscursiveness. Moscow: LIBROCOM, 2009. (In Russ.).
12. Poymanova, O.V. (1997). Semantic space of video verbal text: [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
13. Bataille, J. (1997). Internal experience. St. Petersburg: Axiom, Mithril. (In Russ.).
14. Deleuze, J. (1998). The logic of meaning. Moscow — Ekaterinburg. (In Russ.).
15. Derrida, J. (1996). Positions. Kiev. (In Russ.).
16. Baudrillard, J. (2017). Simulacra and Simulations. Moscow: Publishing House “POSTUM”. (In Russ.).
17. Klossovski, P. (1994). Simulakrakra Georges Bataille In *Eros tanatography*. St. Petersburg. pp. 79—91. (In Russ.).
18. White Helmets Rescue Mission — February 2018, United States Holocaust Memorial Museum, 03/23/2018, Access Mode: <https://www.youtube.com/watch?v=5D2bW9XsdjI> (access date: 05.23.2018).
19. Syria's White Helmets: Saving Humanity, 12/13/2016, Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=qqXzaYeKaxQ> (access date: 05.23.2018).
20. Aftermath of suspected chemical attack in rebel-held Douma in Syria, Guardian News, 04/09/2018, Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=jN1p11ZwJts> (appeal date: 05.23.2018).

УДК: 003:004.738.5

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-831-841

СИМУЛЯКР В В СТАТИКЕ И ДИНАМИКЕ ЭКРАННОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА (тематическое исследование поликодовых- мультимодальных текстов Интернета)

Ю.А. Евграфова, О.И. Максименко

Московский государственный областной университет
ул. Радио, д.10А, Москва, Россия, 105005

С наступлением компьютерной, электронной революции, с распространением сети Интернет современная мировая культура имеет в своей основе уже не книжную, а экранную форму существования текста. На смену гомогенному печатному тексту пришли тексты гетерогенные, или аудиовизуальные, к наиболее сложившимся представителям которых можно отнести кино и телевидение, на базе которых сформировались тексты своеобразной структуры, принципиально совмещающей языковые устные и письменные носители смысла с неязыковыми, и которые, превратившись в «цифру», доминируют на сегодняшний день в сети Интернет, от которых зритель ожидает наличия

таких стилистических черт, как достоверность и фактологическая точность. Именно данное ожидание активно эксплуатируется авторами подобных видео с целью манипуляции зрителем для создания впечатления, что демонстрируемые объекты и явления имеют денотаты в реальном мире, заставляя реципиента поверить в созданную модель действительности, порождая, таким образом, симулякры. Данная статья посвящена анализу особенностей конструирования симулякров в поликодовых-полимодальных текстах как семиотически осложненных и представляющих собой сложный семиотический комплекс вербальных, иконических и акустических компонентов. Также рассматривается, каким образом создается правдоподобная модель действительности на примере трех поликодовых-полимодальных текстов, описывающих боевые действия в Сирии. Анализ производится в статике и динамике экранного пространства текста: на визуальном (кадры), вербальном и акустическом уровнях. В ходе исследования выделяются лингвoseмиотические особенности порождения симулякров в статике экрана, а также перечисляются инструменты, используемые для конструирования симулякров в динамике экрана.

Ключевые слова: экран, поликодовый-полимодальный текст, симулякр, вербальный, иконический, знак, знаковое поведение, семиозис

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер.с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: КАНОН-пресс Ц., Кучково поле, 2003.
2. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст: отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vzms.org/umberto.html> (Дата обращения: 10.08.2018).
3. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180—186.
4. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация: на материале креолизованных текстов. М.: Academia, 2003.
5. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. Вып. 3 (11).
6. Большакова Л.С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 48—51.
7. Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... докт. филол. наук. М., 2006.
8. Максименко О.И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93—102.
9. Кобзева Е.В. Поликодовый текст как объект филологического анализа // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 10 (123). С. 58—62.
10. Костомаров В.Г. Экранные тексты и диалог культур // Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения. Санкт-Петербург, 12—13 мая 2011 г. СПб.: СПбГУП, 2011. Т. 1. С. 88—92.
11. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
12. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеoverбального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
13. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997.
14. Делёз Ж. Логика смысла. М. — Екатеринбург, 1998.
15. Деррида Ж. Позиции. Киев, 1996.
16. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ИД «ПОСТУМ», 2017.
17. Клоссовски П. Симулякры Жоржа Батая // Танатография эроса. СПб., 1994. С. 79—91.

18. White Helmets Rescue Mission — February 2018, United States Holocaust Memorial Museum, 23.03.2018. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=5D2bW9XsdjI> (дата обращения: 23.05.2018).
19. Syria's White Helmets: Saving Humanity, 13.12.2016, Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=qqXzaYeKaxQ> (дата обращения: 23.05.2018).
20. Aftermath of suspected chemical attack in rebel-held Douma in Syria, Guardian News, 09.04.2018. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=jNp1lZwJts> (дата обращения: 23.05.2018).

Для цитирования:

Евграфова Ю.А., Максименко О.И. Симулякр в статике и динамике экранного пространства текста (тематическое исследование поликодовых-мультимодальных текстов Интернета) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 4. С. 831—841. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-831-841.

For citation:

Evgrafova, Yu. & Maksimenko, O. (2018). Simulacrum in static-dynamic scope of the screen (a case study of polycode-multimodal texts of the Internet). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 831—841. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-831-841.

Сведения об авторах:

Евграфова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков, лингвистический факультет, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет; *контактная информация*: e-mail: 212.155.04@mail.ru; идентификатор ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4201-5281>; eLibrary SPIN-код 9494-6751.

Максименко Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, лингвистический факультет, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет; *контактная информация*: e-mail: maxbel7@yandex.ru; eLibrary SPIN-код 7708-5901.

Information about authors:

Yulia A. Evgrafova, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor, Department of Indo-European and Oriental Languages, Faculty of Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State Regional University; *contact information*: e-mail: 212.155.04@mail.ru; ORCID identifier <https://orcid.org/0000-0002-4201-5281>; eLibrary SPIN code 9494-6751.

Olga I. Maksimenko, Doctor of Philology, Professor, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State Regional University; *contact information*: e-mail: maxbel7@yandex.ru; eLibrary SPIN code 7708-5901.

УДК: 811.161.1'33:821.161.1-2
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-842-858

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» В ПЬЕСЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА»

Н.М. Фролова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева»
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

В статье предпринимается попытка разноаспектного рассмотрения понятия «концепт» как объекта междисциплинарных исследований, определяются области функционирования и исследовательской фиксации концептов, указываются различия между узуальными и художественными концептами, служащими продуктивным способом проникновения в тайны поэтического мастерства и творческой лаборатории художников слова. Работа посвящена изучению концептуальных основ творчества Л.Н. Андреева и выявлению специфики его языковой личности через исследование языковой репрезентации концепта «Жизнь», связанного с общими социально-философскими и религиозно-философскими исканиями автора. В работе описываются параметры художественного концепта и способы его языкового выражения, основным из которых выступает ассоциативно-семантическое поле; анализируется структура ассоциативно-семантического поля «Жизнь» на материале текста пьесы Л.Н. Андреева «Жизнь человека»; указываются его ядерные и периферийные компоненты, соотношение которых позволяет приблизиться к общему пониманию писателем феномена человеческой жизни, сопряженному с представлениями о Судьбе, Роке и художественными образами свечи, лестницы на основе ассоциативных связей. Перечисляются дополнительные средства языкового выражения концепта «Жизнь», подчеркивающие, с одной стороны, ценностную сущность жизни, а, с другой стороны, ее хрупкость, непредсказуемость, безжалостность по отношению к Человеку. Особое внимание уделяется художественным приемам, задействованным в репрезентации концепта «Жизнь» в авторском художественном дискурсе. Ценность научного подхода, обозначенного в работе, заключается не в контрастном сопоставлении наиболее интересных и значительных точек зрения отечественных и зарубежных ученых, высказанных относительно природы и содержания концепта как феномена языка, мышления, сознания и речи, а в их органичном взаимном дополнении, что позволяет представить максимально целостное и исчерпывающее понимание данного явления в свете различных парадигм современного научного знания.

Ключевые слова: концепт, художественный концепт, языковая картина мира, текстовое поле, ассоциативно-семантическое поле, сема, символ

ВВЕДЕНИЕ

Интеграция различных частных областей научного знания, связанная с популяризацией мнения о том, что изучать любое явление, равно как и более сложные, объемные феномены (например, *жизнь человека, процесс развития социума, философские категории*), эффективно и продуктивно лишь с опорой на достижения самых разных наук (точных, естественных, гуманитарных), в сумме позволяющих сформировать максимально полные о них представления, выдвигает

на передний план соответствующие объекты, располагающие возможностями для всестороннего их осмысления. Среди них необходимо указать «концепт», содержание которого идентично слову «понятие» (на что указывает, например, В.Н. Сурина [1]). Значение каждого концепта предельно обобщено и раскрывается в целом пучке более мелких смыслов, обозначенных словами, рядами слов и выражениями, объединенными различными семантическими связями (это отмечают в своих работах В.А. Пищальникова [2], Е.И. Шейгал [3] и др.).

Обычно к концептам возводят прежде всего те понятия, которые имеют первостепенную значимость для языковой картины мира носителей языка, нередко схожие в разных языках, но по-новому, по-особенному в них раскрывающиеся ввиду их ментальной и этнокультурной обусловленности (что неоднократно подчеркивалось такими учеными, как Л.О. Чернейко [4], Н.Р. Суродина [5], Г.В. Приходько [6], О.Г. Почепцов [7], В.И. Карасик [8], С.Г. Воркачев [9] и др.). Сферами функционирования и фиксации концептов выступают: 1) язык, отраженный в словаре; 2) устная/письменная речь; 3) языковое сознание и т.п., что объясняет внушительный потенциал их разноаспектного изучения. Как отмечает Е.И. Кузнецова, «новейшие исследования соотношения языка и мышления позволяют рассматривать концепты не только в философском, но и в лингвистическом, культурологическом и других аспектах, предлагается большое количество их интерпретаций, классификаций и методов исследования» [10. С. 3].

На необходимость разноаспектного научного осмысления концептов и применения интегративного подхода к их исследованию указывает также Е.В. Образцова [11]. «Причиной такого разностороннего взгляда на данный феномен является то обстоятельство, что информация, заключенная в концепте, чрезвычайно многогранна: она дает сведения об обозначаемом объекте со всех сторон, во всем многообразии его проявлений и связей с другими объектами», — поясняет Е.И. Кузнецова далее [10. С. 3].

Наша работа находится в русле лингвистических и лингвокультурологических исследований национальной концептосферы на материале художественной речи. «Введение термина „концепт“ в категориальный аппарат лингвистической науки было обусловлено сменой научной парадигмы гуманитарного знания на антропоцентрическую, возвратившую человеку статус „меры всех вещей“ и вернувшую его в центр мироздания», — пишет Е.И. Кузнецова [10. С. 3].

Концептологические исследования в отечественной лингвистике в последние десятилетия пользуются большой популярностью, поскольку позволяют изучать семантическую основу языка как когнитивной системы, выявлять специфику отражения им особенностей мировосприятия и мироощущения его носителей, на мыслительном уровне определяющих национальные константы мышления, на языковом — складывающихся в языковую картину мира. По определению А.Р. Габбасовой, языковая картина мира — это «действительность, отраженная в языке, языковое членение мира, информация о мире, передаваемая с помощью единиц языка разных уровней» [12]. Однако сами по себе единицы языка не являются фрагментами, материально выраженными частицами языковой картины мира: такой статус приобретают либо наиболее значимые с культурологической

точки зрения элементы, метафорически усложненные и переосмысленные (культурные символы), либо элементы, участвующие в выражении базовых понятий — концептов («Любовь», «Мудрость», «Вера» и др.), репрезентирующие определенную понятийную область — участок языковой картины мира.

Основным структурным компонентом языковой картины мира является концепт — «содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие, относящееся к умственной, духовной или материальной сфере существования человека, закрепленное в общественном опыте народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и — через ступень такого осмысления — соотносимое с другими понятиями, с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми» [13]. Содержание концепта, как мы уже подчеркивали выше, может быть отмечено лингвокультурной спецификой, однако ее первостепенная значимость в нем, а также удаленность его семантики от базового значения идентификатора превращает его уже в культурный символ, также бесспорно важный в освоении языковой картины мира. Таким образом, концепт является ведущим средством и орудием познания языковой картины мира, главным образом в лингвофилософском и лингвокультурологическом аспектах.

На сегодняшний день ученые не пришли к единой точке зрения относительно материального выражения концептов. В статье Л.В. Поповой [14], развивающей классификацию концептов, описанную в свое время Г.В. Воркачевым [9], говорится, на первый взгляд, о совершенно разных подходах к пониманию материального выражения концептов в языке и речи.

Во-первых, это «лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют „наивную картину мира“ носителей языка. Совокупность таких концептов образует концептосферу языка, в которой концентрируется культура нации. ...В число подобных концептов попадает любая лексическая единица, в значении которой просматривается способ (форма) семантического представления» [14. С. 311]. Подобный подход продемонстрирован, например, в работах И.П. Михальчука «Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие „закон“)» [15], В.П. Нерознака «От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма» [16] и др.

Во-вторых, в более узком понимании к числу концептов относят «семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры» [14. С. 311] (в исследованиях Ю.С. Степанова [17], Д.С. Лихачева [18], В. Зусмана [19; 20], З.Д. Поповой [21; 22], В.И. Карасика [8]). Совокупность таких концептов не образует концептосферы как некоего целостного и структурированного семантического пространства, но занимает в ней определенную часть — концептуальную область.

В-третьих, к числу концептов относят лишь «семантические образования, список которых в достаточной мере ограничен и которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей» [14. С. 311] (работы Л.В. Басовой [23], Л. Буяновой [24], В.А. Лукина [25], Г.В. Приходько [6]). Метафизические концепты (*душа, истина, жизнь, свобода, счастье, любовь* и пр.) — это в большинстве своем «ментальные

сущности высокой либо предельной степени абстрактности, они отправляют к „невидимому миру“ духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ — знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения содержания абстрактного» [14. С. 311].

Однако, несмотря на бесспорную значимость последних двух групп концептов для понимания этнокультурной специфики и уникальности любой национальной концептосферы, мы не считаем все описанные выше средства выражения/фиксации концептов или их типы взаимоисключающими; скорее, они взаимно дополняют друг друга, плотно перекрывая всю понятийную область языка и — шире — языкового сознания, демонстрируя его полевою структуру, предусматривающую наличие более характерных и менее характерных, более значимых и менее значимых, более информативных и менее информативных в нем элементов для репрезентации широчайшего спектра этнокультурно маркированных смыслов.

Созвучной данным утверждениям выступает мысль о том, что изучение языкового выражения концептов в художественной речи определенного автора является продуктивным и весьма интересным способом обнаружения своеобразия его языковой личности и, соответственно, уникальной языковой картины мира, отражающей свойственное ему одному мировосприятие, пропущенное сквозь призму поэтического дарования, идиостилевых особенностей. Более того, изучение концептов в художественном произведении, их репрезентации с помощью различных языковых средств, их взаимодействия в структуре художественного целого помогает понять мировоззрение не только самого автора, но иногда и целой эпохи и даже менталитет целого народа, что определяет одно из наиболее активно разрабатываемых сегодня направлений концептологических исследований. На важность и перспективность аналитического рассмотрения художественных концептов указывали в свое время такие авторы, как В.В. Красных [26], Л.В. Миллер [27; 28], И.Ю. Иванюшина [29], И.А. Тарасова [30], О.В. Евтушенко [31], М.Н. Зырянова [32], Ю.Е. Прохоров [33], М.С. Рыбина [34], Г.Г. Слышкин [35] и др. Обращение с этой точки зрения к концепту «Жизнь» в творчестве Л.Н. Андреева, главным образом в его пьесе «Жизнь человека», находится в русле таких работ.

Таким образом, объектом данного исследования является концепт «Жизнь» в пьесе Л.Н. Андреева «Жизнь человека», а его предметом — специфика его авторского понимания и связанного с этим языкового выражения.

В качестве ведущей целевой установки нашей статьи обозначим выявление уникально-авторского, лингвофилософского понимания феномена человеческой жизни через исследование концептологических систем художественной речи Л.Н. Андреева (на материале пьесы «Жизнь человека»).

Подчеркнем, что интерес к концепту «Жизнь» продиктован общей направленностью творчества писателя, его болью о человеке, современнике, оказавшемся очевидцем ужасной, кровавой эпохи, события которой зачастую не укладывались в рамки обыденного восприятия действительности. Переосмысление привычных понятий, отношения к самой жизни сопрягались у него с пристальным вниманием к внутренним переживаниям человека, к процессу внутренней жизни, по-своему «перерабатывающей» и отражающей внешние события.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Метафизический концепт «Жизнь» представляет собой ментальную сущность высокой степени абстрактности, связанную с языковой картиной мира этноса и представленную соответствующей лексемой *жизнь* — «физиологическое существование человека, животного, всего живого; время такого существования от его возникновения до конца, а также в какой-нибудь его период» [36. С. 488]. Он входит в состав семиосферы лингвокультурологического кода картины мира и является одним из наиболее значимых, имея длительную историю и вбирая в себя большой объем знаний. Применительно к литературному материалу речь будет идти о художественном концепте «Жизнь», лишь в определенной мере соотносящемся с языковым понятием, но не совпадающем с ним, поскольку несет на себе отпечаток творческой уникальности автора, исключительно его понимание жизни в определенном социокультурном и философском контексте. Согласно типологии художественных концептов, предложенной и описанной Л.В. Чернец [37], художественный концепт «Жизнь» относится к числу концептов-представлений в литературном произведении, являясь по своей когнитивной и содержательной природе более сложным образованием, нежели микроконцепты, восходящие к стилистическим приемам и участвующие в образном выражении концептов-представлений. Художественный концепт понимается Л.В. Миллер как «свернутый текст, культурно-семиотический феномен, в котором сочетаются архетипические и мифопоэтические параметры, а также религиозно-философское и культурно-историческое знание о мире» [28. С. 42].

Содержание художественных концептов, свойственных тому или иному писателю или поэту, определяется особенностями его мировоззрения, художественно-образного мировосприятия и индивидуально-авторской картины мира. «Продуктивным способом описания индивидуально-авторской картины мира является концептуальный анализ, который заключается в выведении из содержания всего текста базового концепта, а также знаний о концепте, составляющих его концептосферу», — пишет по этому поводу исследователь [28. С. 42].

Художественный концепт является как бы «заместителем образа, в силу чего природа художественного освоения мира отличается эмоционально-экспрессивной маркированностью, особым словесным рисунком, в котором красками выступают эксплицируемые вербальными знаками образы и ассоциативно-символьные констелляции» [24. С. 28]. В.В. Красных, излагая свое понимание процессов порождения и восприятия текста, под «художественным концептом» понимает «глубинный смысл, свернутую смысловую структуру текста, являющуюся воплощением мотива деятельности автора» [26. С. 57]. Так, у Л.Н. Андреева основным мотивом, послужившим толчком для создания «новой» драмы, стала потребность широких обобщений, пережитого, передуманного и пережитого. По словам писателя, «сама жизнь, в ее наиболее драматических и трагических коллизиях, все дальше отходит от внешнего действия, все больше уходит в глубину души, в тишину и внешнюю неподвижность интеллектуальных переживаний» [38. С. 311]. В философской драме «Жизнь человека» Л.Н. Андреев раскрывает смысл слова «жизнь» в соответствии с индивидуальным восприятием мира и человека, используя при этом разные способы выражения внутреннего содержания данного концепта.

Из сопоставления писательского понимания концепта «Жизнь» с узуальным значением данного слова становится очевидным, что в философской драме Л.Н. Андреев расширяет и углубляет значение слова *жизнь*, дает свое понимание жизни человека, что позволяет говорить о появлении авторского концепта. Поставив целью своего творчества освещение «проблем бытия», Л.Н. Андреев не отступает от нее ни на шаг, последовательно обозначая в своих произведениях проблемы человеческого существования.

Ассоциативно-семантическое поле «Жизнь», являющееся языковым выражением соответствующего концепта в пьесе Л.Н. Андреева «Жизнь человека», не просто передает его объективное содержание, присутствующее в языке, но и собственно авторскую интерпретацию данного понятия, связанную с идеей и проблематикой произведения. Анализ лексем, репрезентирующих данный концепт в художественном тексте в виде текстового поля, показал, что он представляет собой сложное ментальное образование, в содержании которого выделяется узуальная когнитивная составляющая, а также индивидуально-авторские концептуальные признаки. Концепт «Жизнь» является одним из основных, ключевых в творческой рецепции писателя, реализуясь в пьесе, согласно классификации Е.И. Кузнецовой, в качестве гиперконцепта, вбирающего в себя и обуславливающего другие встречающиеся в тексте микроконцепты и ключевые концепты. В совокупности это нацелено на воспроизведение во всей сложности, переменчивости и нюансах трагического мироощущения современника, буквально «раздавленного» ужасающей реальностью, эпохой слома и социального катаклизма, так кардинально пережившего не только саму жизнь, но и восприятие людей того времени. В результате концепт «Жизнь» ориентирован на воссоздание «образа человека как существа слабого, ничтожного, безобразного, страдающего, подверженного всевозможным бедствиям и порокам, но, несмотря ни на что, борющегося за свое жалкое существование» [10. С. 11], не являющегося таким по своей сути, но таким явившегося перед художественным взглядом автора в определенном социально-историческом контексте.

Языковые средства, принадлежащие ассоциативно-семантическому полю «Жизнь», дифференцируются в пределах структуры на единицы, связанные с именем концепта семантическими отношениями («ядерная» и «околоядерная» зоны полевой структуры), и на единицы, связанные ассоциативно-семантическими отношениями («периферийная зона» полевой структуры). Ядерная и околоядерная зоны поля, содержащие языковые единицы, которые связаны между собой семантическим сходством, отражают объективное содержание концепта «Жизнь»; зона периферии, включающая единицы на основе собственно авторских ассоциаций, — субъективное содержание концепта, а также основную проблему пьесы «Жизнь человека» — интерпретацию жизни как образной и ценностной сущности, подчиненность ее власти Судьбы, Рока и в то же время конечность, быстротечность.

Ядерную зону ассоциативно-семантического поля занимает его «имя», совпадающее с «именем» концепта, — «жизнь», а также однокоренные с ним слова.

Данное слово, являясь частью названия драмы, достаточно часто встречается в тексте, выступая в его пространстве в качестве «ключевого», «стержневого», например:

«— Смотрите и слушайте, пришедшие сюда для забавы и смеха. Вот пройдет перед вами вся **жизнь** Человека, с ее темным началом и темным концом. Доселе небывший, таинственно схороненный в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем, — он таинственно нарушит затворы небытия и криком возвестит о начале своей короткой **жизни**. В ночи небытия вспыхнет светильник, зажженный неведомой рукою, — это **жизнь** Человека. Смотрите на пламень его — это **жизнь** Человека» [38. С. 153];

«Родившись, он примет образ и имя человека и во всем станет подобен другим людям, уже **живущим** на земле. И их жестокая судьба станет его судьбою, и его жестокая судьба станет судьбою всех людей. Неудержимо влекомый временем, он непреложно пройдет все ступени человеческой **жизни**, от низу к верху, от верху к низу» [38. С. 153];

«Вот он — старик, больной и слабый. Уже кончились ступени **жизни**, и черный провал на месте их, — но все еще тянется вперед дрожащая нога» [38. С. 154];

«Я бы желала, чтобы это было простое и солидное имя. Люди с красивыми именами всегда очень легкомысленны и редко успевают в **жизни**» [38. С. 159];

«Пожилая дама. Это наполняет **жизнь**» [38. С. 159];

«Пожилой господин. Это ставит прекрасную цель для **жизни**. Воспитывая ребенка, устраняя от него те ошибки, жертвой которых мы были, укрепляя его ум нашим собственным богатым опытом, мы таким образом создаем лучшего человека и медленно, но верно движемся к конечной цели существования — к совершенству» [38. С. 159].

Околоядерная зона ассоциативно-семантического поля «Жизнь» представлена единицей, имеющей переkreщивающуюся с «именем поля» семантику — *судьба* «1. Стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход *жизненных* событий» [36. С. 832]. Сема «*жизненный*» является в данном случае интегральной, сближающей значения слов *жизнь* и *судьба*. Обратимся к примерам употребления данного слова в тексте драмы Л.Н. Андреева «Жизнь человека»:

«Родившись, он примет образ и имя человека и во всем станет подобен другим людям, уже *живущим* на земле. И их жестокая *судьба* станет его *судьбою*, и его жестокая *судьба* станет *судьбою* всех людей» [38. С. 153];

«— Я проклинаю все, данное тобою. Проклинаю день, в который я родился, проклинаю день, в который я умру. Проклинаю всю *жизнь* мою, ее радости и горе. Проклинаю себя! Проклинаю мои глаза, мой слух, мой язык. Проклинаю мое сердце, мою голову и все бросаю назад, в твое жестокое лицо, безумная **Судьба**. Будь проклята, будь проклята вовеки! И проклятием я побеждаю тебя. Что можешь еще сделать ты со мною? Вали меня наземь, вали — я буду смеяться и кричать: будь проклята!» [38. С. 225].

Как правило, слово *судьба* используется в одном и том же контексте, что и *жизнь*. Так образуется смысловая целостность произведения.

В периферийной зоне ассоциативно-семантического поля «Жизнь» можно выделить несколько рядов понятий, соотносящихся на ассоциативной основе с «именем поля».

Во-первых, данной зоне принадлежат слова типа *родиться* — «1. Появиться на свет» [36. С. 712], *рождение* и т.п. Несомненно, данные слова связаны с «именем поля», однако их общность на семантическом уровне не обнаруживается:

«— Хотелось бы мне знать, что **родится** у нашей приятельницы: сын или дочь?» [38. С. 157];

«— Я бы желала, чтобы оно умерло, не **родившись**» [38. С. 157];

«— Не спорьте! Не спорьте! Всякой будет свое: одна обмоет, когда **родится**, другая — когда умрет» [38. С. 158];

«Некто в сером (говорит звучно и властно). Тише! Человек **родился**» [38. С. 162];

«Доктор. Вы еще позовете меня, когда **родится** у вас следующий» [38. С. 164];

«Пожилая дама. Позволь, дорогой брат, поздравить тебя с **рождением** сына. (Целует его.)» [38. С. 167];

«Отец. Да, мы с женой уже думали об этом, но не могли решить. Вообще с **рождением** ребенка приходит столько новых мыслей и забот!» [38. С. 173].

Во-вторых, образная суть концепта создается автором при помощи символических средств. Например, «Некто в сером с горящей свечой», не участвующий в общих сценах и появляющийся в ремарках в начале и в конце каждой картины, олицетворяет собой два символических образа:

1) Некто в сером — Судьба или Рок, которому известно все о Человеке и который иллюстрирует ограниченность знаний Человека о своей будущей жизни;

2) горящая свеча — это жизнь Человека от рождения до смерти, пылающая ярким огнем в период молодости и счастья, горящая сильно желтым огнем, когда человек богат и известен; колеблющееся пламя — это уходящая жизнь, полная разочарований и несбывшихся надежд. Горящая свеча отмеряет промежуток времени, который называется жизнью человека, и указывает на ее быстротечность. В ремарках автор постоянно возвращается к этому образу:

«Почти одновременно с Его словами проносится крик ребенка, и **вспыхивает свеча в Его руке**. Высокая, она горит неуверенно и слабо, но постепенно огонь становится сильнее... Он несколько выше обычного человеческого роста. Свеча длинная, толстая, вправлена в подсвечник старинной работы» [38. С. 153];

«В углу, который темнее других, **стоит Некто в сером**. Свеча в Его руке убыла на одну треть, но пламя еще очень ярко, высоко и бело и бросает сильные блики на каменное лицо Его...» [38. С. 160];

«Вот он — счастливый муж и отец. Но посмотрите, как **тускло и странно мерцает свеча: точно морщится желтеющее пламя, точно от холода дрожит и прячется оно**. Ибо тает воск, съедаемый огнем. Ибо тает воск» [38. С. 156].

«В ближнем углу, более темном, чем другие, неподвижно стоит Некто в сером, именуемый Он. Свеча в Его руке убыла ни две трети и горит сильно желтым огнем, бросая желтые блики на каменное лицо и подбородок Его» [38. С. 187];

«Свеча в Его руке не больше как толстый, слегка оплывший огарок, горящий красноватым колеблющимся огнем» [38. С. 192].

«В углу неподвижно стоит Некто в сером с догорающей свечой. Узкое синее пламя колеблется, то ложась на край, то острым язычком устремляясь вверх. И могильно-синие блики на каменном лице и бородке Его» [38. С. 203].

Как отмечает О.В. Гадышева, «в первой картине вспыхнувшая свеча, — это жизнь родившегося человека, находящаяся в руках Некто, который держит ее твердо, с суровым безразличием. Господствующий над всеми Некто в сером всегда находится рядом с Человеком, возвышается над ним и знает наперед все, что случится с Человеком» [39].

Таким образом, с помощью ассоциации «жизнь — свеча» автор показывает этапы жизни Человека от его рождения до смерти, используя символический образ «Некто в сером с горящей свечой».

Другой ассоциацией выступает в тексте драмы ассоциация «жизнь — лестница», например:

«Неудержимо влекомый временем, он непреложно пройдет все ступени человеческой жизни, от низу к верху, от верху к низу. Ограниченный зрением, он никогда не будет видеть следующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая нога его» [38. С. 153];

«Вот он — старик, больной и слабый. Уже кончились ступени жизни, и черный провал на месте их, — но все еще тянется вперед дрожащая нога. Пригибаясь к земле, бессильно стелется синеющее пламя, дрожит и падает, дрожит и падает — и гаснет тихо» [38. С. 156].

Ощущение ступеней жизни, которые проходит каждый человек, реализуется с помощью определенной организации повествования — членения его на абзацы, каждый из которых рассказывает об определенном этапе в человеческой жизни, судьбе. Структурность этих «ступеней» подчеркивается анафорой и синтаксическим параллелизмом; ср.: «Вот он... Но убывает воск»; «Вот он... Ибо тает воск»; «Вот он... и гаснет тихо».

Ценностная сущность жизни акцентируется автором цветовой символикой. Мысль писателя о непознаваемости жизни и смерти, о непредсказуемости будущего, об одиночестве и душевной пустоте сконцентрирована в сером цвете. Розовый и зеленый символизируют недолговечное счастье в жизни Человека, желтый — богатство и вместе с тем недолговечность всего земного, а черный — духовную и физическую смерть Человека. Доминирующим в пьесе является серый цвет, который сопутствует Человеку всю жизнь, хотя определенному периоду жизни человека соответствует дополнительно свой цвет. Перед каждой картиной в ремарках при помощи цветовой символики автор как бы оценивает данный период жизни человека:

«Некто в сером, именуемый Он, говорит о жизни Человека. Подобие большой, правильно четырехугольной, совершенно пустой комнаты, не имеющей ни двери, ни окон. Все в ней серое, дымчатое, одноцветное: серые стены, серый потолок, серый пол. Из невидимого источника льется ровный, слабый свет — и он так же сер, однообразен, одноцветен, прозрачен и не дает ни теней, ни светлых бликов. Неслышно отделяется от стены прильнувший к ней Некто в сером. На Нем широкий, бесформенный серый балахон, смутно обрисовывающий контуры большого тела; на голове Его такое же серое покрывало, густую тенью кроющее верхнюю часть лица. Глаз Его не видно. То, что видимо: скулы, нос, крутой подбородок, — крупно и тяжело, точно высечено из серого камня» [38. С. 153];

«Уже кончились ступени жизни, и **черный** провал на месте их, — но все еще тянется вперед дрожащая нога. Пригибаясь к земле, бессильно стелется синее пламя, дрожит и падает, дрожит и падает — и гаснет тихо» [38. С. 159];

«— А у него был красивый **черный** сюртук, в котором он венчался, и он продал его» [38. С. 177];

«Танцующие только в **белых** платьях, мужчины в **черном**. Среди гостей **черный, белый и ярко-желтый** цвета» [38. С. 203];

«В ближнем углу, более темном, чем другие, неподвижно стоит Некто в **сером**, именуемый Он. Свеча в его руке убыла на две трети и горит сильно **желтым** огнем, бросая **желтые** блики на каменное лицо и подбородок Его» [38. С. 208];

«У окна направо рабочий стол Человека, очень простой, бедный: на нем тускло горящая лампа под темным колпаком, **желтое** пятно разложенного чертежа и детские игрушки: маленький кивер, деревянная лошадка без хвоста и **красный** длинноносый паук с бубенцами» [38. С. 209];

«— А помнишь ли ты нашу бедную **розовую** комнатку? Добрые соседи набросали дубовых листьев, и ты сделала из них венки на мою голову и говорила, что я гениален» [38. С. 209];

«— А вы помните **розовенькое** платьице и голенькую шейку?» [38. С. 254];

«— А я **розовую** ленточку. Если повязать ею волосы, то становишься такой нарядной и красивой. Мне подарил ее возлюбленный, но у меня так много лент, а у нее ни одной» [38. С. 255];

«— А я видела сад, и он очаровал меня, я должна в этом сознаться. Представьте себе: **изумрудно-зеленые** газоны, подстриженные с изумительной правильностью. Посередине проходят две дорожки, усыпанные мелким **красным** песком. Цветы — даже пальмы» [38. С. 279];

«— И цветы. Ландыши, с которых не высохла роса, фиалки и **зеленую** травку» [38. С. 279].

Отличительная черта творческой манеры Л.Н. Андреева — насыщенные, темные и резкие цвета, без полутонов, без плавных переходов. Такой четкий рисунок хорошо гармонирует с основной задачей писателя — показать основные вехи жизни обычного человека.

Повтор, являясь стилистическим приемом, способствует акцентированию определенного смысла и выполняет не только экспрессивную функцию, но и информативную. Повторяющиеся слова, конструкции, фразы подчеркивают ценностную суть жизни. Так, в монологах Некто в сером конструктивный прием повтора на синтаксическом, лексическом уровне создает философский план драмы:

«Смотрите и слушайте, пришедшие сюда для забавы, и смеха. Вот пройдет перед вами вся жизнь Человека, с ее **темным** началом и **темным** концом. Доселе не бывший, таинственно схороненный, в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем, — он таинственно нарушит затворы небытия и криком возвестит о начале своей короткой жизни. В ночи небытия вспыхнет светильник, зажженный неведомой рукою, — это жизнь Человека. Родившись, он примет образ и имя человека и во всем станет подобен другим людям, уже живущим на земле. И их **жестокая судьба** станет его **судьбою**, и его **жестокая судьба** станет **судьбою** всех людей. Неудержимо влекомый временем, он непреложно пройдет все ступени человеческой жизни, **от низа к верху, от верха к низу**.

Ограниченный зрением, он никогда не будет видеть следующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая нога его; ограниченный знанием, он никогда не будет знать, что несет ему грядущий день, грядущий час — минута. И в слепом неведении своем, томимый предчувствием, волнуемый надеждами и страхом, он покорно совершит круг, железного предначертания» [38. С. 155].

Повтор эпитета (*темным* началом и *темным* концом) передает мысль писателя о непредсказуемости начала и конца жизни человека. Метафорические выражения (*вспыхнет светильник... — это жизнь Человека; но убывает воск, съдаемый огнем*) подчеркивают мысль автора о быстротечности, о ценности жизни человека, так как тот свет, который зажигается в момент рождения человека и который гаснет после его смерти, освещает путь другим.

Синтаксический параллелизм, акцентируемый повтором лексического состава целого предложения (*и их жестокая судьба..., и его жестокая судьба...*), подчеркивает понимание автором жесткости и безжалостности судьбы, которая уготована человеку.

Для философской драмы «Жизнь человека» характерно употребление лейтмотивных реплик, которые усиливают смысл, свойственный той или иной картине. Во второй картине лейтмотивом является фраза «*Как они бедны. Как они счастливы*». В третьей картине «Бал у Человека»: «*Как богато. Как пышно. Как светло. Какая честь*». Специфической особенностью лейтмотивов в философской драме Л.Н. Андреева является то, что они оказываются не лейтмотивами характера, а лейтмотивами определенной мысли, проходящей через данную картину. Например, в монологе Старухи, в котором повествуется об определенном этапе жизни человека, отражается авторская оценка конца жизни человека. Л.Н. Андреев так объяснял картину «Несчастье Человека»: «Здесь хор в полном соответствии с одиночеством, болезнью и старостью Человека; здесь хор должен выразить отношение мира к старому и одинокому человеку. Отношение это — безразличие; „Мне все равно“ — так отражает мир факт существования человека, к которому он повернулся уже спиной. И здесь хор выражается одинокой, усталой старухой, которой все равно» [38. С. 379]. Данная мысль раскрывает ценностную структуру концепта, и повтор в данном случае углубляет смысл художественного образа.

Определенный смысл уточняется дополнительными художественными средствами. Выразительность каждой детали создается при помощи символики цвета, сравнения, контраста, преувеличения, уточнения. Например, описание определенных предметов, деталей быта показывает тот путь, который изберет Человек и который приведет его к гибели, потому что смысл жизни для Человека заключается в мещанском потребительстве, которое уводит его от борьбы «с непреложным», разрывающей «круг железного предначертания».

«Жена. Но у нас нет земли!

Человек. Я куплю. Мне давно хочется иметь свой кусочек земли. Кстати, я построю там дом по своему рисунку. Пусть посмотрят, какой я архитектор!

Жена. Мне хотелось бы в Италии, у самого моря. Мраморная вилла в роще лимонов и кипарисов. И чтобы белые мраморные ступени опускались прямо в голубые волны.

Человек. *Понимаю. Это хорошо. Но я рассчитываю, кроме того, построить замок в Норвегии, в горах. Внизу фиорд, а сверху, на острой горе, замок. Бумаги у нас нет? Ну, смотри на стену, я беду показывать. Вот это фиорд, видишь?*

Жена. *Да. Как красиво!*

Человек. *Блестящая, глубокая вода, здесь — она отражает нежно-зеленую траву, здесь — красный, черный, коричневый камень. А вот здесь в прорыве — где вот это пятно — клочок голубого неба и белое тихое облачко...*

Жена. *Белая лодка, смотри, отразилась в воде, как будто грудь с грудью два белых лебедя.*

Человек. *А вот тут идет кверху гора. Веселая, зеленая снизу, кверху она все мрачнее, все строже. Острые скалы, черные тени, обрывки и лохмотья туч...*

Жена. *Похоже на разрушенный замок.*

Человек. *И вот на том, на среднем пятне, построю я царственный замок.*

Жена. *Там холодно! Там ветер!*

Человек. *У меня будут толстые каменные стены и огромные стекла из целого стекла. Ночью, когда забушует зимняя вьюга и заревет внизу фиорд, мы завесим окна и затопим огромный камин. Это будут такие огромные очаги, в которых будут гореть целые бревна, целые леса смолистых сосен!*

Жена. *Как тепло!*

Человек. *И тихо так, заметь. Везде ковры и много-много книг, от которых бывает такая живая и теплая тишина. А мы вдвоем, перед камином, на шкуре белого медведя. „Не взглянуть ли, что делается там?“ — скажешь ты. „Хорошо“, — отвечу я, и мы подойдем к самому большому окну и отдернем занавес. Боже, что там!*

Жена. *Клубится снег!*

Человек. *Точно белые кони несутся, точно мириады испуганных маленьких духов, бледных от страха, ищут спасения у ночи. И визг, и вой...» [38. С. 171].*

В данном диалоге автор изображает будущую картину жизни человека, которая должна показать, по какому пути пойдет Человек, что он изберет: борьбу или наживу. Акцептирование внимания читателей на ряде предметов материальной жизни человека позволяет говорить о том, что для него важно и ценно в данной жизни.

Как видим, реформируя драму, Л.Н. Андреев добивался того, чтобы зрители осмыслили ценность жизни. Абстрактные фигуры необходимы писателю для обобщения философских и нравственных начал жизни. Художник показывает только обобщенные картины жизни Человека, по-своему осознанные автором и заставляющие задуматься каждого над смыслом существования.

ВЫВОДЫ И ОБОБЩЕНИЯ

По итогам наблюдений над художественным концептом «Жизнь» в пьесе Л.Н. Андреева «Жизнь человека» можно проследить, как в художественном тексте через язык раскрывается содержание ментально-когнитивных структур, являющихся теперь результатом индивидуального познания и обобщения и имеющих образную и ценностную сущность. Концепт «Жизнь», значимый для художественного мироощущения Л.Н. Андреева, нашел достаточно разнообразное языковое выражение в тексте пьесы «Жизнь человека».

Языковые средства, прямо или косвенно (ассоциативно) выражающие понятие «жизнь», объединяются на основе семантических или ассоциативных связей в ассоциативно-семантическое текстовое поле с соответствующим «именем». Ядерная и околядерная зоны поля, содержащие языковые единицы, которые связаны между собой семантическим сходством, отражают объективное содержание концепта «Жизнь»; зона периферии, включающая единицы на основе собственно авторских ассоциаций, — субъективное содержание концепта, а также основную проблему пьесы «Жизнь человека» — интерпретацию жизни как образной и ценностной сущности, подчиненность ее власти Судьбы, Рока и в то же время конечность, быстротечность.

Максимально полному и точному раскрытию основной идеи пьесы и ее центрального понятия-концепта «Жизнь» способствует богатая палитра художественных приемов, повышающих выразительность повествования (повторов, в том числе анафорических, эпитетов, метафор, сравнений и т.д.), выступающих в качестве микроконцептов по отношению к гиперконцепту «Жизнь (человека)» в художественном мировосприятии автора. Все это в совокупности помогает Л.Н. Андрееву подчеркнуть подлинную ценность человеческой жизни и необходимость ее прожить каждому Человеку достойно, гордо.

Сказанное определяет важность и необходимость осуществления концептологических исследований на художественном материале с целью расширения знаний о потенциальной семантике языковых единиц, реализующейся лишь в определенном контексте, о самой художественной речи как о необходимой среде для обогащения семантических возможностей лексем, о языковой личности того или иного автора и содержании, концепции его творчества в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сурина В.Н. Понятие концепта и концептосферы // Молодой ученый. 2010. № 5. Т. 2. С. 43—46.
2. Пищальникова В.А. Значение и концепт // Русский язык в школе. 2007. № 4. С. 45—51.
3. Шейгал Е.И. Тезаурусные связи и структура концепта // Язык, коммуникация и социальная среда. М.: Изд-во МГУ, 2002. Вып. 2. С. 34—39.
4. Чернейко Л.О. Концепты «жизнь» и «смерть» как фрагменты русской языковой картины мира // Филологические науки. 2001. № 5. С. 13—18.
5. Суродина Н.Р. Лингвокультурологическое поле концепта «пустота» (на материале поэтического языка московских концептуалистов). Волгоград: Изд-во ВГУ, 1999.
6. Приходько Г.В. Концепт «огонь» в картине мира русского народа // Наука. Университет. 2005: матер. VI науч. конф. Новосибирск, 2005. С. 86—89.
7. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110—122.
8. Карасик В.И. Языковые концепты как измерения культуры // Изучение и преподавание русского языка. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2001. С. 34—57.
9. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72.
10. Кузнецова Е.И. Экзистенциальная концептосфера в рассказах Л. Андреева 1900—1910 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
11. Образцова Е.В. Понятие лингвокультурного концепта в аспекте междисциплинарных исследований // Филологические науки. 2007. № 5. С. 45—48.

12. *Габбасова А.Р.* Языковая картина мира: основные признаки, типология и функции // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. no 4 <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9954> (Дата обращения: 18.09.2018).
13. *Демьянков В.З.* Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // *Язык как материя смысла: сб. ст. в честь академика Н.Ю. Шведовой*. М.: Азбуковник, 2007. С. 606—622.
14. *Попова Л.В.* Подходы к определению концепта // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2013. № 1. С. 309—316.
15. *Михальчук И.П.* Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») // *Вопросы языкознания*. 1997. № 4. С. 29—32.
16. *Нерозник В.П.* От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // *Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков*. Омск, 1998. С. 81—88.
17. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М: Академия, 1997.
18. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // *Вопросы языкознания*. 1983. № 1. С. 3—9.
19. *Зусман В.Г.* Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001.
20. *Зусман В.Г.* Концепт в системе гуманитарного знания // *Вопросы литературы*. 2003. № 2. С. 3—29.
21. *Попова З.Д.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 2000.
22. *Попова З.Д.* Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1: Гуманитарные науки*. 1996. С. 64—68.
23. *Басова Л.В.* Концепт *труд* в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004.
24. *Буянова Л.* Концепт «душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации // *Гуманитарные науки*. 2002. № 24. Вып. 5. С. 23—28.
25. *Лукин В.А.* Концепт истины и слово «истина» в русском языке (опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // *Вопросы языкознания*. 1993. № 4. С. 63—69.
26. *Красных В.В.* От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) // *Вестник Московского государственного университета. Сер. 9: Филология*. 1998. № 1. С. 53—70.
27. *Миллер Л.В.* Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы): дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2004.
28. *Миллер Л.В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // *Вопросы языкознания*. 2000. № 4. С. 42—44.
29. *Иванюшина И.Ю.* Континуальные и дискретные модели представления художественного смысла: образ и концепт // «Образ мира, в слове явленный...»: сб. в честь 70-летия профессора Ежи Фарино. Siedlce, 2011. С. 91—99.
30. *Тарасова И.А.* Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2010. № 4 (2). С. 742—745.
31. *Евтушенко О.В.* Эволюция концептов в художественной речи как отражение ее когнитивного потенциала: дис. ... докт. филол. наук. М., 2011.
32. *Зырянова М.Н.* Особенности лингвокогнитивного исследования мегаконцепта «Творчество» в художественной речи // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. № 11 (192). Вып. 42. С. 58—61.
33. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2008.
34. *Рыбина М.С.* Понятие «концепт», его сущность, границы и целесообразность применения при анализе художественного произведения // *Вопросы философии*. 2008. № 3. С. 33—37.
35. *Слышкин Г.Г.* Текстовая концептосфера и ее единицы // *Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики*. Волгоград, 1999.

36. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ТЕМП, 2016.
37. Чернец Л.В. Виды образа в литературном произведении // Филологические науки. 2003. № 4. С. 10.
38. Андреев Л.Н. Жизнь человека: пьесы. М.: ЕВРОЗНАК, 2006.
39. Гадышева О.В. Концепт «жизнь» в драме Л. Андреева «Жизнь человека» // Предложение и слово: парадигматический, коммуникативный, методический аспекты: межвуз. сб. науч. тр. Второй Междунар. науч. конф., Саратов, 25—27 сентября 2002 г. С. 91—96.

УДК: 811.161.1'33:821.161.1-2

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-842-858

PECULIARITIES OF LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT “LIFE” IN THE PLAY BY L.N. ANDREEV’S “THE LIFE OF MAN”

Natalia M. Frolova

Federal state budgetary educational institution of higher education
“National research Mordovia state University named after N.P. Ogareva”
Republic Of Mordovia, Saransk, street Bolshevist, 68, 430005

Abstract. The article attempts to consider the concept of “concept” as an object of interdisciplinary research, defines the areas of functioning and research fixation of concepts, identifies differences between the usual and artistic concepts that serve as a productive way of penetrating into the secrets of poetic skill and creative laboratory of artists of the word. The work is devoted to the study of the conceptual foundations of L. N. Andreeva and identification of the specificity of his linguistic personality through the study of linguistic representation of the concept of “Life” associated with the General socio-philosophical and religious-philosophical quest of the author. The paper describes the parameters of the artistic concept and the ways of its linguistic expression, the main of which is the associative-semantic field; the structure of the associative-semantic field “Life” is analyzed on the material of the text of the play by L.N. Andreeva “human Life”; its nuclear and peripheral components are indicated, the ratio of which allows to approach the General understanding of the phenomenon of human life by the writer, coupled with the concepts of Fate, rock and artistic images of candles, stairs based on associative connections. Additional means of linguistic expression of the concept “Life” are listed, which emphasize, on the one hand, the value essence of life, and, on the other hand, its fragility, unpredictability, ruthlessness towards a Person. Particular attention is paid to the artistic techniques involved in the representation of the concept of “Life” in the author’s artistic discourse. The value of the scientific approach outlined in the work is not in the contrast comparison of the most interesting and significant points of view of domestic and foreign scientists, expressed regarding the nature and content of the concept as a phenomenon of language, thinking, consciousness and speech, and in their organic mutual addition, which allows us to present the most complete and comprehensive understanding of this phenomenon in the light of the various paradigms of modern scientific knowledge.

Key words: concept, artistic concept, language picture of the world, text field, associative-semantic field, SEMA, symbol

REFERENCES

1. Surina, V.N. (2010). Concept and conceptosphere. *Young scientist*, 5(2), 43—46.
2. Pishchalnikova, V.A. (2007). The Value and concept. *Russian language in school*, 4, 45—51.
3. Sheigal, E.I. (2002). Thesaurus connections and concept structure In *Language, communication and social environment*. Moscow: Moscow State University Publ. Issue 2. pp. 34—39.

4. Cherneyko, L.O. (2001). Concepts “life” and “death” as fragments of the Russian language picture of the world. *Philological Sciences*, 5, 13—18.
5. Surodina, N.R. (1999). Linguistic and cultural field of the concept “emptiness” (by the material of the poetic language of Moscow conceptualists). Volgograd: Publishing house of Voronezh state University.
6. Prikhodko, G.V. (2005). Concept “fire” in the picture of the world of the Russian people In *Science*. University. 2005: mater. VI nauch. Conf. Novosibirsk. pp. 86—89.
7. Pocheptsov, O.G. (1990). Language mentality: a way of representing the world. *Problems of linguistics*, 6, 110—122.
8. Karasik, V.I. (2001). Language concepts as cultural measurements In *Study and teaching of Russian language*. Volgograd: Publishing house of Voronezh State University. pp. 34—57.
9. Vorkachev, S.G. (2001). Linguoculturology, linguistic personality, concept. *Philological Sciences*, 1, 64—72.
10. Kuznetsova, E.I. (2009). Existential conceptsphere in the stories of L. Andreev 1900—1910: [dissertation]. Rostov-on-Don.
11. Obraztsova, E.V. (2007). The Concept of linguistic and cultural concept in the aspect of interdisciplinary research. *Philological Sciences*, 5, 45—48.
12. Gabbasova, A.R. (2013). Language picture of the world: the main features, typology and functions. *Modern problems of science and education*, 4. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9954> (accessed: 18.09.2018).
13. Demyankov, V.Z. (2007). The Term “concept” as an element of terminological culture In *Language as a matter of meaning: collection of articles in honor of academician N.Yu. Swedish*, M.V. Lapan (Ed.). Moscow: Azbukovnik. pp. 606—622.
14. Popova, L.V. (2013). Approaches to the definition of the concept. *Bulletin of the Chelyabinsk state pedagogical University*, 1, 309—316.
15. Mikhalechuk, I.P. (1997). Conceptual models in semantic reconstruction (Indo-European concept “law”). *Problems of linguistics*, 4, 29—32.
16. Neroznak, V.P. (1998). From concept to word: to the problem of philological conceptualism In *Problems of Philology and methods of teaching foreign languages*. Omsk. pp. 81—88.
17. Stepanov, Y.S. (1997). Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience. Moscow: Academy.
18. Likhachev, D.S. (1983). Conceptsphere of the Russian language. *Problems of linguistics*, 1, 7—9.
19. Zusman, V.G. (2001). Dialogue and concept in literature. In *Literature and music*. N. Novgorod: DEKOM.
20. Zusman, V.G. (2003). Concept in the system of humanitarian knowledge. *Questions of literature*, 2, 3—29.
21. Popova, Z.D. (2000). The Concept of “concept” in linguistic research. Voronezh.
22. Popova, Z.D. (1996). The Semantic space of language as a category of cognitive linguistics In *Herald of the Voronezh state University. Ser. 1: Humanities*. pp. 64—68.
23. Basova, L.V. (2004). Concept work in Russian (by the material of Proverbs and sayings: [dissertation]. Tyumen.
24. Buyanova, L. (2002). The Concept of “soul” as the basis of the Russian mentality: the peculiarities of the speech of realization. *The Humanities*, 24(5), 23—28.
25. Lukin, V.A. (1993). The concept of truth and the word “truth” in the Russian language (experience of conceptual analysis of rational and irrational in the language). *Problems of linguistics*, 4, 63—69.
26. Krasnykh, V.V. (1998). From concept to text and back (to the question of psycholinguistics of the text). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 9, Philology*, 1, 53—70.
27. Miller, L.V. (2004). Linguocognitive mechanisms of formation of the artistic picture of the world (on the material of Russian literature [dissertation]. SPb.

28. Miller, L.V. (2000). Artistic concept as semantic and aesthetic category. *Problems of linguistics*, 4, 42—44.
29. Ivanyushina I.Yu. (2011). Continuum and discrete models of representation of artistic sense: image and concept In “*The Image of the world, in the word manifested...* ”: collection in honor of the 70th anniversary of Professor Jerzy Farino. Siedlce. pp. 91—99.
30. Tarasova, I.A. (2010). Artistic concept: dialogue of linguistics and literary studies. *Bulletin of Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 4(2), 742—745.
31. Yevtushenko, O.V. (2011). Evolution of concepts in artistic speech as a reflection of its cognitive potential: [dissertation]. Moscow.
32. Zyryanova, M.N. (2010). Features of linguistic and cognitive research megaconcert “art” in the art of speech. *Bulletin of the Chelyabinsk state University*, 11(192), Issue. 42, 58—61.
33. Prokhorov, Yu.E. (2008). In search of the concept. Moscow: Flinta: Science.
34. Rybina, M.S. (2008). Concept “concept”, its essence, borders and expediency of application in the analysis of a work of art. *Questions of philosophy*, 3, 33—37.
35. Slyshkin, G.G. (1999). Text conceptosphere and its units In *Linguistic personality: aspects of linguistics and linguistic didactics*. Volgograd.
36. Ozhegov, S.I. (2016). Dictionary of the Russian language: about 80 000 words and phraseological expressions. Moscow: PACE.
37. Chernets, L.V. (2003). Types of the image in a literary work. *Philological Sciences*, 4.
38. Andreev, L.N. (2006). The life of a man: the play. Moscow: EVROZNAK.
39. Kadyshcheva, O.V. (2002). The Concept “life” in a drama by L. Andreyev’s “Life of man” In *Sentence and word: paradigmatic, communicative, methodological aspects: interuniversity collection. collection of scientific works of the Second international. scientific*. Saratov. pp. 91—96.

Для цитирования:

Фролова Н.М. Особенности языковой репрезентации концепта «жизнь» в пьесе Л.Н. Андреева «Жизнь человека» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 4. С. 842—858. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-842-858.

For citation:

Frolova, N.M. (2018). Peculiarities of language representation of the concept “Life” in the play by L.N. Andreev’s “The life of man”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 842—858. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-842-858.

Сведения об авторе:

Фролова Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева»; *научные интересы*: социолингвистика, лингвокультурология, теория дискурса, рекламная коммуникация, диалог; e-mail: dep-general@adm.mrsu.ru; dep-mail@adm.mrsu.ru iD 0000-0002-5541-7159 (SPIN-код): 9673-6336

Information about the author:

Frolova Natalia, candidate of social Sciences, associate Professor, associate Professor of journalism Department of philological faculty of Federal state budgetary educational institution of higher education “Mordovia state University named after N.P. Ogareva”; *research interests*: sociolinguistics, linguoculturology, theory of discourse, advertising communication, dialogue; e-mail: dep-general@adm.mrsu.ru; dep-mail@adm.mrsu.ru; iD 0000-0002-5541-7159 (SPIN-код): 9673-6336

УДК: 81'42:81'27

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882

STRONG, WEAK AND AVERAGE LINGUISTIC PERSONALITY IN COMMUNICATIVE-PRAGMATIC AND LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECTS

Olga A. Kadilina¹, Elena N. Ryadchikova²

¹RUDN University

6, Miklouho-Maclay st., Moscow, 117198

²Kuban State University

149, Stavropol st., Krasnodar, 350040

Abstract. The goal of this research is to elicit the list of linguistic, pragmatic and cultural parameters that characterize strong linguistic personality and on the other hand week linguistic personality along with generalized average linguistic personality and to define their verbal behavior during verbal communication. In this regard, it is necessary to define individual stylistic characteristics for a strong linguistic personality; to determine skills and knowledge for a strong linguistic personality taking into consideration unique interpersonal and intercultural communication; to review the national, cultural specifics for the strong linguistic personality who belongs to English-American speech culture; to reveal the motives leading to formation of the English-speaking strong linguistic personality; to analyze the communicative problems of the weak linguistic personality. The aspects mentioned above have determined the fact that in our study we refer to such issues as parameterization and linguistic personality behavior in the field of interpersonal and intercultural communication, the search for the people's talk exchange optimum alternatives. The contexts from D. Carnegie books are the illustrative material of our article.

Key words: communicative personality; strong linguistic personality, week linguistic personality, average linguistic personality, communicative competence, interpersonal communication, influence, idiosyncrastic parameters, communicative leadership, national and cultural specifics

INTRODUCTION

Linguistic personality study is one of the most relevant issues in modern linguistics. The reason to address to this topic is that “linguistic personality issues are — “eternal” [1. P. 9].

As E.A. Dryangina notes, “the ideas that cover this notion were presented in the works of V.V. Vinogradov [“On fictional prose”], Slavcho Petkov [“Language and personality”], and R.A. Budagov [“Man and his language”]. However, there is no performance of a substantial integral linguistic personality as a communicative entity in any of the works given below” [2. P. 219].

Many scientists place a particular focus on the fact that these problems need extensive analysis. V. Von Humboldt also spoke about the enormous influence of language on a person: “A man is a man only because of the language... there are no thoughts without language, human thinking becomes possible only thanks to language” [quoted in: 3. P. 97]. Currently, linguists pay significant attention to the study of this

influence. At the end of the twentieth century, scientists ascertained the fact that we are witnessing a transition from language linguistics to communication linguistics. Therefore, there was an urgent need to study “the linguistic ability of the ideal speaker/listener, his language skills, his competence” [4. P. 18].

The linguistic personality is the study focus for many linguists. This term is considered to be “the core system-forming philological concept, nowadays evaluated as integrative, which set the stage for the new milestone in linguistics development — anthropological linguistics. A linguistic personality is a cross-cutting idea that strikes all the language learning aspects” [5. P. 439].

The activity principle of understanding and explaining linguistic phenomena put forward the personality idea as the center of linguistic paradigm, significantly changing the accents alignment in its description: along with the creation of native speakers’ theoretical models, the communicative activity aspect of the linguistic personality study is becoming increasingly important.

This should be done in both theoretical and applied aspects. As far as in the recent past the emphasis in our country was placed on the *universal, mass, average*, so “the prospects of modern society development suggest that personality traits of each person are becoming essential. Availability of highly skilled specialists in any field becomes vital, and the emphasis is put on the requirements to raise intellectual level for every member of the society. Apart from this, as things go nowadays a high command of the speech art is directly related to the level of income for representatives of many professions: it greatly depends on the ability to attract and retain customers, make deals, reach agreements. It goes without saying, professional knowledge is not the only thing needed here, a common speech culture, personal charm are also required [which is fashionably called charisma], a certain image” [6. P. 19]. Along with that, we must not forget that the cultural, scientific and economic contacts of different countries and their peoples, which have sharply increased in our time, inevitably put a premium on the communicative approach to learning, because it contributes a lot to the understanding and cooperation of people from different cultures.

In recent years, linguists have been actively solving the problem of studying a language personality in general and a strong language personality in particular. However, there are very few studies devoted to the parameterization of a weak linguistic personality: firstly, in everyday life, a weak linguistic personality seems to be generalized — this is the one who “speaks poorly”, “makes mistakes”; secondly, in the scientific understanding of a weak linguistic personality a priori, it is considered to be simply the one who does not possess signs of a strong linguistic personality. Nevertheless, it is widely known, that in order to successfully fight an enemy, you need to know him well, therefore it is necessary to study the main characteristics of a weak linguistic personality more clearly, specifically and in detail. This is significant because, unfortunately, those who can be called a “weak linguistic personality” are now, much more observed than in previous centuries. “With the scientific and technological progress, the media, when the person’s speaking functions become less in demand compared to all the previous centuries of human civilization, especially as a result of the narrow range of people’s

direct communication, the linguistic personality in developed countries takes more passive, comfortable observer's position. Even creative human activity now does not require the involvement of all personal qualities on such a scale as it was necessary before. Apparently, this tendency is an ambiguous notion "double-edged sword": on the one hand, there are more opportunities for the development of highly specialized knowledge and skills, but on the other hand, an eloquent expression of Kozma Prutkov that a narrowly focused specialist is like a flux has not lost its relevance. Focusing on the cultivation of one thing, a person ceases to be self-sufficient, loses the harmony of development and appearance aesthetics. The most important thing is that the ease and simplicity of communicating with people of another specialty, is lost, because these skills simply do not develop, and, as you know, everything that does not develop begins to degrade over time and can atrophy at all" [6. P. 19].

G.G. Infantova put forward the following assumption. Due to the fact that "strong linguistic personality" concept has "come into official scientific use, and ... this concept in modern linguistic methods has a practical aspect which is important for all its levels, its scientific understanding is necessary as much as the definition of its parameters and introduction to the general linguistic context, correlation with other concepts of speech character" [7. P. 64]. So much more it is important "since the problem has just been adumbrated on general issues concerning the anthropocentric approach to the language study and on private issues; speech portraits of the different cultures native speakers has not been published yet, there is still no complete clarity in the very typology of speech cultures, many concepts related to the problem "language and personality" are not clearly defined. This could be applied, in particular, to the concept of "strong linguistic personality" [ibid. P. 64]. Moreover, although Dale Carnegie said, "personality is something vague and elusive, not amenable to analysis, like the smell of violet" [8. P. 384] because of its complexity and multiformity, it is necessary to take steps in this direction.

For modern science, the interest is no longer just a person in general, but a personality, i.e. a specific person, a carrier of consciousness and language, possessing a complex inner world and a definite attitude towards fate, material world and other people.

At this point, a global, interdisciplinary approach to the interpretation of the language essence has been formed as a specific human phenomenon, through which one can understand the nature of a person, its place in the society and ethnicity, its intellectual and creative potential, i.e. think deeper what a person is [9. P. 103].

1. THE HISTORY OF THE "LANGUAGE PERSONALITY" PHENOMENON STUDY

The term "linguistic personality" was first used by V.V. Vinogradov in 1930. "The word personality, which has a bright coloring of the Russian national-language cogitative system, contains elements of international and, above all, European understanding of the corresponding volume of ideas and concepts about man and society, about social individuality in its relation to the collective and the state" [10. P. 271].

G.I. Bogin suggests a **linguistic personality**¹ should be displayed as a person with idiomatic speech, who has the ability to use the language system in his activity at large [11. P. 3]. There is a similar understanding given by Y.N. Karaulov: “A linguistic personality is a personality expressed in language [texts] and through language, it is a personality reconstructed in its main features on the language means basis” [12. P. 38].

The study of linguistic personality is currently multidimensional, large-scale and involves the data from many related sciences. Many scientists speak of a multi-layered, multi-level linguistic personality.

V.V. Krasnykh summarizes the “personal” phenomena, enclosed in the concepts of “a man speaking”, “linguistic personality”, “verbal personality”, “communicative personality”, in the definition of “*man speaking*”, the content of which appears as “a personality phenomenon complex — as a linguistic, verbal and communicative personality” [13. P. 160]. However, it occurs that the concept of a “man speaking” is a little narrower compared to the term “communicative personality”, since speaking is a one-way process, implying only the ability to produce speech, while communication is a two-sided and multilateral process involving more knowledge and skills connected to the impact on the interlocutor and tracking this impact.

Undoubtedly, Dale Carnegie [1888—1955] was an outstanding linguistic personality — a native speaker of English, an oratory and culture of speech communication promoter of the twentieth century. He “created a one-of-a-kind learning system — an amazing comprehensive course covering the practice of public speaking, the art of persuading, relationships problems between people, and applied psychology” [14. P. 32].

The linguistic personality is a social phenomenon, but it also has an individual aspect. The imprint of individuality must be present in every speech. The author’s linguistic identity is necessarily represented in one way or another and so, accordingly, could be easily followed in the text composed. Each linguistic personality is formed because of a certain person’s appropriation of all the linguistic wealth created by the predecessors.

The language of a particular personality consists to a greater degree of a common language and to a lesser degree — of individual linguistic features. However, these features precisely can sometimes play a decisive role in speech utterance and have the impact on the associates.

While describing this D. Carnegie, cites the lectures of two aviators who made the first flight from London to Australia as an example:

“They had identically the same experience, they had sat side by side as they flew halfway around the world, and they delivered the same talk, almost word for word. Yet somehow it didn’t sound like the same talk at all. There is something beside the mere words in a talk which counts. It is the flavor with which they are delivered” [15. P. 197].

¹ As for the term «linguistic personality», as V.V. Krasnykh notes, it was introduced into everyday scientific lexicon by Y.N. Karaulov; although many scholars consider G.I. Bogin to be the author of the term, who introduced and substantiated this concept in his doctoral dissertation in 1984 in «The Model of a Linguistic Personality and its Relation to Varieties of Texts» [see 13. P. 148—149].

N.D. Golev proposes to designate the term “anthropotext” [16. P.15] as the text that manifests the properties of a linguistic personality [16. P. 15]. There is every reason to attribute the books of D. Carnegie on the art of verbal communication to the category of anthropotext.

The human speech is affected by many constant and variable factors that made it possible to create linguocultural types. There are certain prerequisites for constructing a person’s speech portrait based on lexical-grammatical, cognitive and intentionally interactive levels of personality discourse. Our research is carried out in compliance with the first of this thesis — in the aspect of ideolepticism, for which it is important to take into account linguistic factors, their understanding and interpretation.

The linguistic personality should not be considered as something indiscrete, but one should produce a certain gradation, create a hierarchy of its types, qualify the types of linguistic personality *according to the signs of strength and weakness manifestation* depending on their ability to produce and analyze a verbal behavior. Linguistic personalities modeling based on linguistic criteria turned out to be possible built upon discursive parameters, so it reflects sociocultural conditions to a large extent, as well as psychological variables. Y.N. Karaulov identifies three levels of linguistic personality: verbal-semantic, linguistic-cognitive (thesaurus) and pragmatic (or motivational) [12. P. 5].

2. CLASSIFICATIONS OF LINGUISTIC PERSONALITIES

There is a number of classifications of linguistic personalities in modern linguistics. The classification of linguistic personalities seems to be the most accurate, if it includes three components: 1) a weak linguistic personality; 2) average linguistic personality; 3) strong (elite) linguistic personality. This classification allows you to select the main criteria, characteristics and abilities of each of these types. The same talk given on behalf of a weak, medium and strong linguistic personality will differ.

2.1. Average language personality

The concept of **an average native speaker** in linguistic literature has not been defined yet; the knowledge of his national and cultural issues has not been fully described in a language.

Possibly, dealing with the “**average**” **native speaker** does not cause much zeal in domestic linguists, not only because of the fact that the boundaries and the criteria of such a person are vague, but also because “in the Russian language the mediocrity, being average, the lack of clear individual features are perceived as negative. In the cultural-linguistic society of the Russian language speakers, the qualitative uncertainty of a person is negatively evaluated — inconsistency, instability of its value-motivational structure” [17. P. 189]. In this case, the semantic dominant of a person is mediocrity and inability to create. From our point of view, the concept of **average linguistic personality** does not imply “semi-literacy”, but full literacy, albeit without much skill. The average linguistic personality — unlike the artist in words — can be characterized by simple regularity of speech and nothing more. In interpersonal verbal communication, the averaged linguistic personality, as a rule, does not think about oratorical skills, about

the impression the words make, about the comfort of communication, about the methods and means of helping to gain and retain the interlocutor's attention.

Let us give an example:

*“In the process of getting and holding audience, which is the first purpose of every speaker, there is one aid, one technique, that is of the highest importance. Yet, it is all but ignored. **The average speaker** does not seem to be aware of its existence. He has probably never consciously thought about it at all. I refer to the process of using words that create **pictures**. The speaker who is easy to listen to is the one who set images floating before your eyes. The one who employs foggy, common-place, colorless symbols sets the audience to nodding”* [15. P. 82].

However, studies show that the average linguistic personality, which is characterized only by the simple correctness of speech, is evaluated by native speakers mostly negatively — as mediocrity, being incapable to create, to conduct interpersonal communication correctly.

In interpersonal verbal communication, the average linguistic personality, as a rule, does not think about the oratorical skills, what impression their words make, about the comfort of communication, about the methods and means of helping to gain and retain the interlocutor's attention. D. Carnegie describes such a person as follows:

“You want the approval of those with whom you come in contact. You want recognition of your true worth. You want a feeling that you are important in your little world. You don't want to listen to cheap, insincere flattery, but you do crave sincere appreciation. You want your friends and associates to be, as Charles Schwab put it, “hearty in their approbation and lavish in their praise.” All of us want that. So let's obey the Golden Rule, and give unto others what we would have others give unto us. How? When? Where? The answer is: All the time, everywhere” [15. P. 82].

2.2. Strong linguistic personality. Characteristics of a strong linguistic personality

The concept of “**strong linguistic personality**” in rhetoric as the art of logical reasoning and verbal communication usually includes: 1) fundamental knowledge possession; 2) the presence of a rich information stock and the desire to replenish it; 3) mastering the basics of constructing speech according to a certain communicative concept; 4) speech culture [the idea of speech forms corresponding to the communicative plan] [18. C. 12].

The 1990s stand out for the dissertation research and articles with speech portraits of individual native speakers, possessing an elite speech culture. For the understanding of such objects the principle of intellectualism is especially significant.

Summarizing the views of these scientists, and relying on the opinion of G.G. Infantova [7], we believe that the characteristic signs of a strong linguistic personality should include extralinguistic (social personality characteristics, extra linguistic awareness, sense of humor and the relevance of speech communication awareness) and linguistic indicators — language and speech. They can be constant and variable.

A strong linguistic personality must know and skillfully apply the whole range of linguistic means that enrich and adorn the speech — comparisons, contrasts, meta-

phors, synonyms, antonyms, paremias, aphorisms, word-symbols, etc. An indispensable condition for a strong linguistic personality is a highly developed intellect, creativity.

Strong linguistic personalities could be found in all social strata. However, most of all, this verbal type is common among the intelligentsia.

The process of communication is a prerequisite for identifying the parameters of a linguistic personality and its characteristics.

In modern linguistics, it is customary to distinguish between linguistic and communicative competences. To achieve success in communication, especially in the professional field, it is necessary to have a high level of *communicative competence*. It assumes, along with other factors, mastering the culture of speech, i.e. mastering the norms of oral and written literary language (rules of pronunciation, stress, word usage, grammar, stylistics), as well as the ability to use language expressive means in various conditions of communication in accordance with the objectives and speech content.

The ability to compose texts purposefully and competently that meet the pragmatic conditions of communication, stylistically and situationally relevant, expressive; the ability to understand hidden meanings, subtext and use it in one's own speech; the ability to adequately assess the specific situation of verbal communication and to implement the appropriate model of verbal communication, true in ethical and aesthetic terms could be considered as characteristic skills of the highest level of speech ability for the linguistic personality.

Thus, a strong linguistic personality possesses not only correct, but skillful, masterful speech, which has a creative aspect associated with the surface and deep structures' transformation, the ability to direct expressiveness to non-expressive word forms. Suggestive potential and adaptability are among the indicators of a strong linguistic personality.

In interpersonal communication, this a person is able to apply appropriate language functions and their combinations, communication strategies and tactics and can protect itself from demands, requests, encroachments that infringe upon its interests, create a positive image, exercise reflection, show charm, maintain contact with the audience, calculate proximate and distant goals of communication, the interlocutor's reaction to the statement, status-situational roles, the status and the interaction between partners due to the alternate participation in the conversation.

Language analysis of D. Carnegie's works revealed the following signs of a strong linguistic personality in interpersonal communication: the ability to evoke listeners' emotions, appealing to their feelings, to saturate speech with emotional power; honesty, truthfulness, concreteness, sincerity, interest, enthusiasm and deep conviction; ability to enthrall listeners with its impulse; the thorough understanding of the interlocutor, a kind of penetration into his personality, plans and motives of speech; the ability always to speak calmly, very gently and very friendly, not allowing any pressure and coercion. Often, an open self-criticism is a shock absorber that can relieve tension in a dialogue, promote successful, conflict-free speech communication. It seems that these qualities, knowledge and skills can be considered universal.

To succeed in convincing the negative interlocutor Carnegie welcomes the use of the following tactics: apology, a few compliments, a soft request, justified with the help

of a compliment, an expression of complete trust, elevation of the interlocutor, giving him the right to choose, showing respect to his choice.

In the process of interpersonal communication, the ability to influence the audience is one of the clearest signs of a strong language personality. Since there is no universal remedy to satisfy the desired addresser, it is necessary to analyze the process of communication, reflect on it constantly and every time to decide anew how, when and in which combination to apply the rules of verbal communication.

For a communicative personality, the characteristics of the three main parameters — motivational, cognitive and functional — are decisive. The success of interpersonal communication for a developed communicative personality is achieved because of its ability to communicate clearly and accessibly to the addressee, to report, analyze, comment, summarize, parry, generalize, predict, which implies a developed mental apparatus; as well as avoidance of self-confidence, adherence to the principles of cooperation, partnership, courtesy and common culture — the presence of composure, emotional non-response to the interlocutor's attacks.

The concepts “strong personality” and “strong linguistic personality” are not directly related, the first quality does not predetermine the second.

In this regard is D. Carnegie offers an interesting example:

“The man with the degree was a college professor; the ex-tar was the proprietor of a small side-street trucking business. His talks were far better received by the class than those given by the professor. Why? The college man used beautiful English. He was urban, cultured, refined. His talks were always logical and clear. But they lacked one essential — concreteness. They were vague and general...The trucking firm proprietor’s language was definite, concrete and picturesque... The virility and freshness of his phraseology made his talks highly instructive and entertaining” [15. P. 65—66].

A clear distinction between the concepts of “linguistic personality” and “communicative personality” seems to be of little consequence, we regard them as largely intercross concepts. We believe that the concept of “communicative personality” is closer to the interpretation of the definition of a strong linguistic personality, rather than to the term “linguistic personality”. In this case, we rely on the following arguments. Categorical signs of a linguistic personality in relation to speech actions are their creation and perception, and for a communicative person it is also necessary to create conditions for successful communication, efforts to track its functioning and impact on the interlocutor, feedback from the interlocutor, including reading non-verbal signs, checking relevant feedback, adjustment in case of failure to achieve the goal of communication, etc. For a developed communicative personality, it is necessary not only to be able to speak, but to communicate, report, parry, summarize. In this regard, as noted by O.V. Ledeneva, in addition to communicative skills, it is advisable to develop gnostic, design, and constructive skills. “So, the gnostic (cognitive) skills are the ability to single out the main thing, formulate hypotheses, produce analysis, synthesis, generalization. Design skills involve the formation of goals, the result of speech. Constructive skills are associated with drawing up a plan, theses of the forthcoming message and include the ability to draw conclusions, generalizations [19. P. 122]. These knowledge and skills are considered the prerogative of not only the communicative personality, but also a strong

linguistic personality. These skills allow you to create your own judgments, develop a person's thinking apparatus, therefore, contribute to the development of a strong linguistic personality.

In relation to the use and understanding of humor, a strong linguistic personality indicator is a skillful language game (delicate use of style contrast, metaphors and metonymy, irony, periphrastics, comparison, etc.), whereas for an average and weak linguistic personality this plan is characterized by a reduced language game, witty talk.

Undoubtedly, harmonious interpersonal communication, to which aspires a strong linguistic personality, is usually built taking into account the principles of cooperation, cooperation, politeness and common culture — here the non-categorical form of presentation of thought, underlining courtesy, softening sharp characteristics, caution, certain distance, underlining some share of doubt, avoiding abrupt characteristics or excessive straightness, perseverance, direct or implicit apology of the speaker for the possible unpleasant effect of his words, where the circumstances compel him [20. P. 132].

D. Carnegie shows the following:

“If a man's heart is rankling with discord and ill feeling toward you, you can't win him to your way of thinking with all the logic in Christendom. Scolding parents and domineering bosses and husbands and nagging wives ought to realize that people don't want to change their minds. They can't be forced or driven to agree with you or me. But they may possibly be led to, if we are gentle and friendly, ever so gentle and ever so friendly” [21. P. 100].

“This speech, in its entirety, is a masterpiece. It produced astonishing results It calmed the tempestuous waves of hate that threatened to engulf Rockefeller. It won him a host of admirers. It presented facts in such a friendly manner that the strikers went back to work without saying another word about the increase in wages for which they had fought so violently” [21. P. 99].

The criteria of the most effective result of interpersonal communication can be recognized as genuine communicants' mutual understanding and joy, communicative comfort, intellectual, emotional and aesthetic empathy. Possession of such communicative universals and their appropriate use in interpersonal communication makes linguistic personality strong. In linguistics, there is also the concept of **communicative leadership**. In our opinion, it is close to the concept of a strong linguistic personality. “A communicative leader is a person who possesses non-trivial information from in a given communicational situation, who knows how to express this information in the most effective way and bring it to the addressee through optimal language contact” [22. P. 30]. Of course, assertiveness and imperiousness in speech communication do not always contribute to favorable communication. For example, Benjamin Franklin noted: “The modest way of expressing opinions led to their being accepted and they caused less objection” [quoted from 8. P. 146—147].

D. Carnegie — gives a number of positive examples regarding successful communication leaders — politicians and lawyers. Here is one of them:

*“No bulldozing. No high-pressure methods. No attempt to force his opinions on others. Webster used the **soft-spoken, quiet, friendly approach**, and it helped to make him famous”* [21. P. 101].

In addition to the strong linguistic personality of the addresser, there is also a strong linguistic personality of the addressee — one that is capable of fully accepting everything that the author of the speech implies, and [mostly in the case of a literary text] to enjoy it.

In the intercultural communication implementation, knowledge and skills of a strong linguistic personality primarily lie in the area of vocabulary, functional grammar, structure and concept sphere of the language in which communication takes place, in the field of the ability to understand and apply the stylistic-discursive and etiquette specificity of different languages, which should manifest itself in conditions of tolerance, openness and readiness to communicate with a foreign language speaker. It is important to cover the full range of cultural information contained in the language as in the idiom. At the same time, the focus is on pragmatic skills, including background cultural knowledge command and cultural studies, adherence to social norms and speech etiquette of foreign culture representatives, body language practices, silence and context, along with cultural sensitivity or susceptibility, cultural adaptation, and avoidance of ethnocentrism.

Since the main goal of intercultural communication is mutual understanding, so participation in intercultural communication contributes to the person's "cognitive flexibility" and enhances the ability for analytical thinking, intercultural and linguoculturological competence.

2.3. Weak linguistic personality and its characteristics

A weak linguistic personality acts both as an author and as a recipient of speech and can manifest itself at almost all speech-communicative levels.

Weak linguistic personality is characterized by such idiostyle parameters:

a) at the linguistic level — ignorance of the norms and various styles and genres of language and speech, forms of speech etiquette, speech poverty, lexical composition monotony, the presence of many hesitations, a large number of parasitic words, empty sounds that have no meaning, which indicates a poor word-stock, officialese, use of words and phrases in unusual meanings, inability to comply with the rules of language games, replacing them with a primitive jest, excessive use of foreign words, the use of vulgar, obscene, abuse, ridicule, carping indiscriminately, non-use of praise and approval;

b) at the communicative level — the inability to convince, the inability carry on a conversation in a right way, the inability to listen to the interlocutor and defend one's point of view, logical inconsistencies, the fear of communication and the tendency to avoid it, lack of interest, self-reliance, inability to distinguish situations requiring the use of suggestives and directives, the inability or unwillingness to hide negative attitudes in communication, inappropriate speech tactics, demonstration of intelligence and protection, flattery and taffies, narcissism, swagger, quarrelsome disposition, the absence of even hints of self-criticism, one's behavior, one's speech, disrespect for the addressee, an expression of contempt towards the listeners. The "weak" speech tactics can be attributed to The desire to argue, defending their case by all means, and the so-called "righteousness", that is, the desire of the speaker to "denounce" the inter-

locutor in mistakes and can be attributed to the “weak” speech tactic. In such cases, D. Carnegie is utter in negative evaluations; he very emotionally warns against mistakes:

«*Never begin by announcing “I am going to prove so-and-so to you”. That’s bad. That’s tantamount to saying: “I’m smarter than you are, I’m going to tell you a thing or two and make you change your mind”.*

That is a challenge. It arouses opposition and makes the listener want to battle with you before you even start» [21. P. 120].

Even an elitist speech can characterize a weak linguistic personality due to the lack of addressing of speech [see, for example, 23. P. 226].

D. Carnegie gives a remarkable example:

“*Edmund Burke wrote speeches so superb in logic and reasoning and composition that they are today studied as classical models of oratory in the colleges of the land; yet Burke, as a speaker, was a notorious failure. He didn’t have the ability to deliver his gems, to make them interesting and forceful; so he was called “the dinner bell” of the House of Commons. When he arose to talk, the other members coughed and shuffled and either went to sleep or went out in droves” [15. P. 205].*

c) at the paralinguistic level-aggressive tone, unpleasant voice, lack of ability to read kinetic information, stiffness, restraint, noisiness or lack of loudness and emotionality of speech, monotony, fussiness, cynical and excessively offensive listening, inappropriate gestures and gestures that do not cause facial expression, glance, intonation, manner of presentation;

d) at the mental and intellectual level: constricted outlook, the need to make constant intellectual efforts during communication in order to understand and get the meaning conveyed by the addressee, the inability to take into account the situation of discourse and topics for communication.

In our country, there are cases when “even grown-up, fully-fledged specialists with higher education do not know the forms of speech etiquette [even simple clichéd forms like greeting, sympathy, congratulation, compliment, etc.], have no manner to communicate with older by age and position [including by phone], do not consider it necessary to simply listen to another person, do not know how to read kinetic information.

They are afraid or do not know how to resist the impolite and rude opponents. This leads to stiffness, tightness, fear and avoidance of communication, the inability to talk in the right way, calmly and with dignity to defend their point of view, and even simply to present it in a form accessible to other people, fraught with conflicts with management and customers” [6. P. 20].

This echoes the observations of D. Carnegie over the Americans:

“*And the pathetic part of it is that frequently those who have the least justification for a feeling of achievement bolster up their egos by a show of **tumult and conceit** which is **truly nauseating**” [21. P. 160].*

A weak linguistic personality considers itself smarter and more significant than others. In turn, other people avoid this person, ignore him, laugh at him behind his back, or even despise, consider a fool; he may be downgraded.

When carrying out interpersonal communication, children, foreigners and the sick are recognized as weak linguistic individuals in any community.

The problems of a weak linguistic personality are not only its problems in interpersonal and intercultural communication. These are, first of all, the problems of the individual, his life in society: pride, an inferiority complex, being obtuse, excessive self-conceit, aggressiveness, no intention to develop spiritual and moral qualities and special qualifications, inability to accept someone else's opinion, fear of being wrong and therefore weak, unsuccessful.

Unfortunately, those who can be called a weak linguistic personality, are currently observed much more than in previous centuries [6]. Weak linguistic personalities are often those who, by virtue of their professional activities, must not be so. Thus, not only in Russia, but in many other countries, aggressive verbal acts often serve as means of influencing and educating children in schools. At the same time, a teacher using these methods is perceived negatively, as a weak professional and as a bad person. Research carried out in this aspect by Professor F. Kiner, the University of Göttingen, confirmed this; most of the students surveyed by him answered that “the reason for the teacher's scolding is his own shortcomings [topic ignorance, general irritability, poor attitude towards a particular student, etc.]. Aggressive verbal behavior of the teacher, therefore, is not perceived by students as an intention to correct their shortcomings. The teacher, as a person who plays a certain social role, loses respect of pupils due to the use of verbal aggression acts” [24. P. 159].

We need in constant speech improvement. D. Carnegie suggests that any speaker can carefully follow the rules and patterns of constructing public speech, but still can make many mistakes. He can speak in front of the audience exactly as in a private conversation, and at the same time speak in an unpleasant voice, make grammatical mistakes, be awkward, behave insultingly, and perform many inappropriate acts. Carnegie suggests that every person's natural, everyday manner of speaking needs many corrections, and it is necessary to first improve the natural style of conversation and only then to transfer this method to go up to the rostrum [8. P. 381—382].

In intercultural communication, it is also possible to detect manifestations of a weak linguistic personality. They are subjective and objective. Subjective manifestations: the interlocutors have a poor command of the language, are not inclined to mutual understanding, do not take into account the specifics of the situation, build their verbal and nonverbal behavior on the basis of various cultural axioms. Objective manifestations: the difference between the “national consciousness” of communicants, the divergence of cultures, the different division of the conceptual space, the goals and strategies of communication.

The linguistic personality is not only a social phenomenon that has, in addition to universal, national and cultural components, but it also has individual aspects.

A number of modern scientists devote their research to the problem of identifying a universal and national-specific language personality, noting that a personality should be viewed in the cultural tradition perspective of a people, ethnic group, because for the genesis of a person in a human being there is a need of a cultural-anthropological prototype, which is formed within the culture. Therefore, linguists are paying more and more attention to the problem of national character.

Successful use of national cultural semantics in speech is largely determined by the national stereotype existence in the field of speech communication: “It is not possible to draw a parallel between a linguistic personality and a national character, but there is still much in common between them...” [12. P. 42]. That is why Y.N. Karaulov emphasizes the national character already in the very definition of a linguistic personality. In his opinion, the actual linguistic or vocabulary personality is “the basic national-cultural prototype of a certain natural language carrier, fixed mainly in the lexical system, composing the timeless and invariant part of the linguistic personality structure” [ibid., P. 39]. A similar position is held by V.I. Karasik, P.V. Chesnokov, S.G. Vorkachev, O.A. Leontovich, A.P. Sedykh, O.S. Shiryaeva, A.M. Barminskaya, G.V. Komarov and many other scientists. Therefore, although it is possible to speak about the universalism of the linguistic personality criteria, it is nevertheless necessary to rely on certain national-cultural features, since the existence of a national stereotype in the field of speech communication has already been proven.

Grammar, vocabulary and semantics of each language have national specifics, which is largely determined by extralinguistic indicators — national specifics of mentality, historically formed stereotypes, myths, including modern ones, the most popular subjects for discussion preferences among representatives of a given nation, etc. [see 24].

We share the opinion of O.A. Leontovich, who notes that the situation for native English speakers is unique, since the linguistic personality not only belongs to the communities located close to one another, but also includes far-located states where people speak English. Thus, native English speakers share features common to all residents of English-speaking countries [25. P. 127]. Therefore, “English is the invaluable resource where it is possible and necessary to study the patterns of intercultural communication” [ibid., P. 95].

D. Carnegie believes that the most relevant topics for discussion are as follows — sex, property and religion: with the first, we can create life, with the second, we support it, and with the third, we hope to continue it in another world [8. P. 458]. Despite the real importance of these topics, we still believe that they can be considered nationally specific, popular among Americans, and for people of many other nationalities these other subjects can often be other problems.

The main goal of a strong English-speaking linguistic personality manifestation is to implement the “American-centrism” suggesting that he can dictate its will to other peoples of developing countries.

O.A. Urusova states that the most characteristic social activities of America are as follows: the actor, military man, educator, player, assistant, person with authority, aggressor, lawyer, politician, partner, dictator, steersman [26]. Many of them are associated with verbal communication and make appropriate impact on it, they require certain verbal skills and abilities formation that characterize a linguistic person as a strong one.

Many etiquette forms and principles of communication are national. “Polite and etiquette People communicate politely and adhere to etiquette in different countries. But each of the national languages manifests its own specifics, because the unique features of the language here are superimposed by the characteristics of rituals, habits,

everything accepted and unaccepted in behavior, allowed and prohibited in the social etiquette of a given nation” [27. P. 130].

For Americans, communication is characterized by simplicity, sociability, neighborliness, ease, tolerance, friendliness, honesty — it is the norm of behavior in everything in any verbal behavior, for example, it is not accepted to give false testimony in court, to violate obligations in business [28. С. 5]. American etiquette requires constant smile when communicating, demonstrating that “they have everything O’key!” In the American national tradition, it is accepted: whatever happens — “keep smiling”. The question “How are you?” In this tradition requires an indispensable standard positive answer “fine!”, “great!”, “all right!”, “everything’s OK!”.

Among the apparent advantages of English-speaking communication we can mention: embarrassment, politeness, no forceful language, awkwardness when it is impossible to fulfill the request of your interlocutor, a large proportion of phatical etiquette communication formulas; to express a request, it is usually not an imperative that is used, as, for example, in Russian, but an indirect request in the form of a direct or indirect question. The expression of surprise, distrust and similar emotions in English language is much more restrained than in Russian. Therefore, with good reason, D. Carnegie calls for meaningful, calm and polite speech actions. D. Carnegie writes: “Little phrases such as “I’m sorry for you”, “Won’t you please?”, “Would you mind?”, “Thank you” — “little courtesies of the monotonous grind of everyday life — incidentally, they are hallmark of good breeding” [15. P. 101].

The provision of services to a hostile person, asking him for a service in order to earn his friendly disposition is a nationally-specific American communicative-speech tactics [Carnegie 1989, P. 246—247]. In a number of other cultures [very often in Russian], not only doing a favor to a hostile person, but also asking him for one can cause hostility and refusal to communicate. “The inability to fulfill the request of his interlocutor causes a feeling of embarrassment in native English speakers... The refusal itself must combine politeness and persuasiveness. Even in the case when the reason for the refusal is not given, the Englishman is not inclined to extort it from the interlocutor. English etiquette does not recognize categorical forms” [27. P. 131]. Apparently, because of this, in English verbal communication there are formulas of phatic etiquette communication, which are much more evident than in Russian. While expressing surprise, distrust and similar emotions in the Russian language common remarks are as follows: *What do you mean! Can not be! True? Oh my God! Nightmare! Horror!*, but in English — *Really, Heavens*, as well as grammatical structures set up according to the “auxiliary verb + pronoun” scheme, which are absent in the Russian language [29. P. 13].

Differences between Russian and English-language communication also show up in the etiquette of the request. In Russian, the imperative is most typical. In English, the most acceptable and polite form of a request is an indirect request in the form of a direct or indirect question [29. P. 17]. However, from a position of speech communication tactics, a request can sometimes do a disservice. D. Carnegie gives an example from the life of B. Franklin, who decided to gain the favor of a person hostile to him, because he could be useful to him in business. Franklin decided to gain goodwill of this man. However, not by doing his enemy a favor, but on the contrary, he asked his enemy

to do him a favor. Franklin died more than a hundred and fifty years ago, but the psychological method applied by him retains its effectiveness by now [30. P. 246—247]. However, it seems that this tactic cannot be recognized as universal, but rather belongs to the national-specific.

Some paralinguistic phenomena can rightly be attributed to the national-specific features of a strong English-speaking linguistic personality. The brightest of them is showing a smile in all situations and the reaction of others to it [keep smiling — “keep a smile”, no matter what happens]. D. Carnegie believes that a smile gives a lot to both the subject and the object of speech, enriches them, it remains in memory for a long time, it creates happiness in the house and a benevolent atmosphere in business communication, it is impossible to do without it, it is the best antidote for absolutely all troubles. The manner of speaking can also have a strong influence on an English-speaking audience, for example:

*“There is an old saying in the English Parliament that everything depends upon the manner in **which one speaks and not upon the matter**. Quintilian said it long ago, when England was one of the outlying colonies of Rome” [15. P. 197].*

Speech does not have only an immediate goal, but also a *motive* — the thing for which the speech goal is achieved. “Without understanding the motive of verbal actions, we cannot fully understand the meaning of the statement. Thus, any activity [including speech] is a process guided and prompted by a motive — in which this or that ability is “objectified” [31. P. 57]. C.O. Malevinsky even considers it necessary to include motivational and speech predispositions in the speech structure of the personality [32. P. 128]. We share this point of view.

The study of D. Carnegie’s language allows to identify the following motivational reasons in order to become a strong linguistic personality in the English-speaking environment:

1) prestige, the importance of being and positioning oneself as a strong linguistic personality for almost all layers of society:

*“These investigations revealed that even in such technical lines as engineering, about 15 percent of one’s **financial** success is due to one’s technical knowledge and about 85 percent is due to skill in human engineering — **to personality and the ability to lead people**” [21. P. 16];*

2) demand for a strong linguistic personality in business and everyday communication:

*“But gradually, as the seasons passed, I realized that as sorely as these adults needed training in effective speaking, they needed still **more training in the fine art of getting along with people in everyday business and social contacts**” [21. P. 15];*

3) receiving high wages, large incomes, expansion of production, commercial success:

*“This training... brought him a **promotion with increased pay**” [21. P. 18];*

4) the desire for leadership, the desire to stand out, to be seen among many other people, maximum heights (achievements) on the career ladder, influencing others, self-promotion;

5) shortcomings of the educational system of America (at least until the second half of the 50s of the twentieth century):

“He had learned more in fourteen weeks through this system of training about the fine art of influencing people than he had learned about the same subject during his four years in college” [21. P. 21].

“The fact that in ten — twelve years after the end of primary and secondary school or college, these people take a similar course of study (of elocution oratory) is a clear evidence of the glaring errors of our education system” [14. P. 22];

6) the desire to get rid of the verbal communication fear;

7) improvement of intrapersonal self-perception and family relations:

*“Spouses... have told me that **their homes have been much happier** since their husbands or wives started this training”* [21. P. 20];

8) the desire to look decent in the eyes of others, consistent with the image of a cultured person;

9) the desire for lifelong self-improvement.

“At the end of the course, students organize their own clubs and for many years continue to gather for them every two weeks. In Philadelphia, one such group... has been encountered... for the past seventeen years” [14. P. 33].

A strong linguistic personality speaking English as a native language can shape the reading of certain books. D. Carnegie offers a reading program for Americans. These are the works of Byron, Milton, Wordsworth, Whitier, Shelley, St. Augustine, Bishop Butler, Dante, Aristotle, Homer, Demosthenes, Tacitus, Newton, Euclid, Hezlit, Lam, T. Brown, Defoe, Hawthorne, Montaigne, Fucidad, Laem, T. Bennett, R.W. Emerson, F. Norris, D. Hillis, W. James, A. Morois, Byron, R.L. Stevenson. The best choice are still the Bible and Shakespeare.

*“An executive in the Philadelphia Gas Works Company, was slated for **demotion** when he was sixty-five because of his belligerence, because of his inability to lead people skillfully”* [21. P. 17].

*“For years, he had **driven and criticized and condemned** his employees without stint or discretion. Kindness, words of appreciation and encouragement were alien to his lips”* [21. P. 18].

Here comes the result:

*“When I used to walk through my establishment, **no one greeted me**. My employees actually looked the other way when they saw me approaching”* [21. P. 18].

D. Carnegie calls the ability to listen to partner carefully and benevolently “an easy way to become a good conversationalist”. The lack of this quality characterizes a weak linguistic personality:

*“Many people fail to make a favorable impression because they **don’t listen attentively**”* [21. P. 96].

“Hire clerks who haven’t the sense to be good listeners” [21. P. 100].

Carnegie gives advice “by contradiction”:

“If you want to know how to make people shun you and laugh at you behind your back and even despise you, here is the recipe: Never listen to anyone for long. Talk incessantly

about yourself. If you have an idea while the other person is talking, don't wait for him or her to finish: bust right in and interrupt in the middle of a sentence" [21. P. 106].

However, in order to be listened without interruption, it is necessary to show the qualities of a strong linguistic personality. An aggressive tone, as characteristics of the voice can prevent this. But:

"The chronic kicker, even the most violent critic, will frequently soften and be subdued in the presence of a patient, sympathetic listener — a listener who will be silent while the irate fault-finder dilates like a king cobra and spews the poison out of his system" [21. P. 92].

Even using moderate language material, it is possible in general terms to identify the main features of the three levels of a weak linguistic personality [according to Y.N. Karaulov]:

1) **verbal-semantic level.** Signs of a weak linguistic personality: arrogance, rudeness, aggressive tone, hostility, inability to listen to the interlocutor, abuse, criticism indiscriminately, non-use of praise and approval in communication;

2) **lingvo-cognitive level.** A person who is a weak linguistic personality believes that others are not as smart as he is; all they say is idle chatter, no use to waste time listening to it;

3) **communicative and pragmatic level.** A weak linguistic personality provokes the following feelings in others: people avoid it, ignore it, laugh at it behind their eyes, or even despise it, consider it a fool; he may be downgraded.

The manifestation of features of a weak linguistic personality may be **situational**, depending on a number of historically determined social factors. A situation in which a strong linguistic personality becomes weak may have psychophysiological roots, for example, emotional experience, stress, or affectation. Some students of the prestigious Harvard University oddly enough, can be attributed to the weak type of the American linguistic personality of the 50-s of twentieth century (still D. Carnegie's time) [see 33. P. 13]. Writing down a linguistic personality to a weak may have, in addition to the above, **the time factor**, something that was once considered a bad form, over time may cease to be so. Thus, over the course of two hundred years, the image of a gentleman in the American linguistic consciousness has undergone reconceptualization. In the United States today, gentlemen can be not only men of European appearance, but also African-Americans, which was impossible in the nineteenth century.

Americans in intercultural communication can be a weak linguistic personality also when they are persistent and ask questions that others do not like to answer, especially when it comes to particular features of the country where interlocutors are coming from, their religion, politics, and wars in their homeland, about meeting people from their country. In addition, in the intercultural communication between Americans and representatives of other cultures, the stereotyping of the national image, the particular picture of the world, and ideology can become an obstacle.

The following advice by D. Carnegie can probably be attributed to a very specific one:

"The average person... can be led readily if you have his or her respect and if you show that you respect that person for some kind of ability" [21. P. 50].

Anyway, a weak linguistic personality — especially a public one — can be equated with a national disaster requiring the remedy of comprehensive measures to overcome this problem.

Let us summarize the main conclusions made by our study.

Practically at all speech-communicative levels, the linguistic personality [both as the author and the recipient of speech] reveals a set of idiostyle parameters that allow to characterize the linguistic personality as 1] weak; 2] averaged; 3] strong [elite]. For a communicative personality, the characteristics of the three main parameters — motivational, cognitive and functional — are decisive.

The criteria of the most effective result of interpersonal communication can be recognized as genuine mutual understanding and joy, communicative comfort, intellectual, emotional and aesthetic empathy of communicants. Good command of such communicative universals and their appropriate use in interpersonal communication makes the language personality strong, as well as participation in intercultural communication contributes to the “cognitive flexibility” of the personality, enhancing its ability for analytical thinking, intercultural and linguocultural competence.

For a strong communicative personality, it is necessary not only to be able to speak correctly, but to communicate clearly and accessibly to the addressee, to report, analyze, comment, summarize, parry, summarize, predict, which presupposes the existence of a developed thinking apparatus, as well as the lack of self-confidence, observance of the principles of cooperation, partnership, politeness and common culture — the presence of composure, emotional non-response to the attacks of the interlocutor. This person is aimed at effective communication in any situation, is able to make efforts to monitor its functioning and influence the interlocutor, to carry out feedback with him, the adjustment in case of failure to achieve the purpose of communication. This person is able to apply proper language functions and their combinations, communication strategies and tactics, protect himself from demands, requests, encroachments that harm their interests, create a positive image, show reflection, charm, maintain contact with the audience, calculate the closer and distant goals of communication, the interlocutor's reaction to the statement, status-situational roles. Suggestive potential, adaptability is also among the characteristics of a strong linguistic personality.

There is a list of such qualities and skills presented in D. Carnegie's works which can be considered universal for a strong linguistic personality: active manifestation of personal interest, sincerity, goodwill and honesty in any interpersonal communication; the ability to evoke the emotions in listeners, appealing to their feelings, to saturate speech with emotional power; concreteness, rise and deep conviction; the ability to pass on their impulse to listeners; the fullest understanding of the interlocutor, a kind of penetration into his personality, plans and motives of speech; the ability to always speak calmly, very gently and friendly, not allowing any coercion and pressure. Often, open self-criticism becomes a shock absorber that can relieve tension in a dialogue, promote successful, conflict-free speech communication.

The most glaring signs of a weak linguistic personality are pronounced on the linguistic, communicative, paralinguistic, mental and intellectual levels. Even an elitist

speech can characterize a weak linguistic personality due to the lack of targeted speech. In intercultural communication it is also possible to detect various manifestations of a weak linguistic personality — subjective [the interlocutors have a poor command of the language, are not inclined to mutual understanding, do not take into account the specifics of the situation, build their verbal and nonverbal behavior based on various cultural axioms] and objective [difference between “national consciousness” of communicants, the divergence of cultures, different division of conceptual space, goals and communicational strategies].

The idiostatic characteristics of a weak linguistic personality are: ignorance of the norms of various styles and genres of language and speech, forms of speech etiquette, speech poverty, lexical composition monotony, inability to listen to the interlocutor and adequately defend their point of view, aggressive tone, unpleasant voice, considerable presence of parasitic words, empty sounds that have no meaning, which indicates a lack of vocabulary, logical violations, lack of ability to read kinetic information, inability to talk in the right gauge, stiffness, fear of communication and the desire to avoid it, noisiness, fussiness, complacency, arrogance, officialese, use of words and phrases in inappropriate meanings, excessive use of foreign words, use of vulgar, obscene expressions, abuse, ridicule, criticism, analysis, hostility, non-use of praise and approval, inability to distinguish situations that require the use of suggestives and directives. A weak linguistic personality considers itself smarter and more significant than others. In turn, others avoid such a person, ignore him, laugh at him behind his back, or even despise him, consider him a fool; he may be downgraded.

The linguistic personality has both universal and specific national-cultural features. The same applies to the list of motivational reasons for the development of a strong linguistic personality. The main motives of the fact that Americans are striving to become a strong language personality, according to D. Carnegie, are the following: 1) prestige, the importance of being and feeling like a strong linguistic personality for almost all social levels of society; 2) the demand for a strong linguistic personality in business and everyday communication; 3) obtaining high wages, large incomes, expansion of production, commercial success; 4) the desire for leadership, the desire to stand out, to be seen among many other people, the achievement of maximum heights on the career ladder, the impact on others, self-promotion; 5) shortages in the education system of America (until the second half of the 50s of the twentieth century); 6) the desire to get rid of the verbal communication fear; 7) improvement of intrapersonal self-perception and family relationships; 8) the desire to look decent in the eyes of others, consistent with the image of a cultured person; 9) the desire for self-improvement.

CONCLUSION

The results of our research [see also 34, 35] make it possible to predict the further study of parameters’ transformation of a linguistic personality in dynamics (in particular, as from the second decade of the 21st century) taking into account sociocultural characteristics, different situations of speech, interpersonal and intercultural communications.

“His Majesty Personal Interaction (or Her Majesty Communication) governs people, their life, their development, and behavior, their knowledge of the world and themselves as part of this world. And any attempt to comprehend communication between people, to understand what prevents from it and what contributes, is important and justified, because communication is the tower, pivot, foundation of human existence” [36. P. 9]. Therefore, it is also necessary to create a clear classification of speech errors that corresponds to the modern understanding of the theory of communication.

© Olga A. Kadilina & Elena N. Ryadchikova

Article history:

Received: 25.10.2018

Accepted: 1.11.2018

REFERENCES

1. Budagov, R.A. (1976). New words and meanings In *Man and his language*. Moscow. (In Russ.).
2. Dryangina, E.A. (2006). The teacher's linguistic personality: to the problem statement In *Language and thinking: psychological and linguistic aspects*. Moscow—Ulyanovsk. pp. 219—220. (In Russ.).
3. Zvegintsev, V.A. (1964). The history of linguistics of the XIX—XX centuries in the essays and extracts. Part 1. Moscow. (In Russ.).
4. Kubryakova, E.S. (1994). Text and his understanding. *Russian text*, 2, 18—27. (In Russ.).
5. Khalyapina, L.P. (2005). Characteristics of the linguistic personality as a subject of communication. *World in the language. Series of “Ethnogenesis and Ethnortoric”*, 11, 438—450. (In Russ.).
6. Ryadchikova, E.N. (2001). Speech image in cross-cultural perspective In *Language and national images of the world*. Maikop: ASU. pp. 19—21. (In Russ.).
7. Infantova, G.G. (2000). Strong linguistic personality: its permanent and variable signs In *Speech. Speech activity. Text*. Taganrog. pp. 63—69. (In Russ.).
8. Carnegie, D. (1989). How to win friends and influence people. How to develop self-confidence and influence people by speaking in public. How to stop worrying and start living. Moscow: Progress.
9. Susov I.P. (1989). Personality as a subject of linguistic communication In *Personal aspects of linguistic communication*. Tver, 1989. (In Russ.).
10. Vinogradov, V.V. (1930). About fiction. Moscow. (In Russ.).
11. Bogin, G.I. (1986). Typology of text comprehension. Kalinin. (In Russ.).
12. Karaulov, Y.N. (1987). Russian language and language personality. Moscow. (In Russ.).
13. Krasnykh, V.V. (2001). Fundamentals of psycholinguistics and communication theory: Lecture course. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
14. Thomas, L. (1989). The shortest path to fame In *Dale Carnegie. How to win friends and influence people. How to develop self-confidence and influence people by speaking in public. How to stop worrying and start living*. Moscow: Progress. pp. 21—33. (In Russ.).
15. Carnegie, D. (1992). The quick and easy way to effective speaking. NY: Dale Carnegie & Associates Inc.
16. Golev, N.D. (2004). Linguistic personality and anthropotext in linguistics and linguodidactics [typological aspect] In *Russian language: historical destinies and modern age: II Intern. Congress of Russian Language Researchers*. Moscow: Moscow State University named after MV Lomonosov. pp. 15—16. (In Russ.).

17. Zelenskaya, V.V., Tkhorik, V.I. & Golubtsov, S.A. (2000). The semantic dimension of personality according to the language [on the material of idioms] In *Language personality: structure and evolution*. Krasnodar: Kuban State University. pp. 188—202. (In Russ.).
18. Bezmenova, N.A. (1991). Essays on the theory of rhetoric's history. Moscow. (In Russ.).
19. Ledeneva, O.V. (2002). Speech culture as an ability to express one's thoughts In *Problems of Applied Linguistics*. Penza. pp. 121—123. (In Russ.).
20. Murzabekova, D.E. (2004). Linguistic means of creating harmonious interpersonal communication In *Russian language: historical destinies and modernity: II Intern. Congress of Russian Language Researchers*. Moscow: Moscow State University named after MV Lomonosov. pp. 131—132. (In Russ.).
21. Carnegie, D. (1981). *How to Win Friends and Influence People*. NY: Simon and Schuster.
22. Bogdanov, V.V. (1986). Communicative competence and communicative leadership In *Language, discourse and personality*. Tver: TSU. pp. 26—31. (In Russ.).
23. Sirotinina, O.B. (1998). Sociolinguistic factor in the development of the language personality In *Language personality: sociolinguistic and emotive aspects*. Volgograd—Saratov: Peremena. pp. 3—9. (In Russ.).
24. Kiener, F. (1987). URL: <http://www.dafont.com/frank-kiener.d1100>.
25. Leontovich, O.A. (2002). Russians and Americans: paradoxes of intercultural communication. Volgograd. (In Russ.).
26. Urusova, O.A. (2005). Social features of the concept “America”. *World in the language*. 11, 158—163. (In Russ.).
27. Abramova, T.V. (2000). National specificity of the culture in indirect speech acts of communication In *Theoretical and applied linguistics. Issue 2. Language and social environment*. Voronezh: VSTU. pp. 127—135. (In Russ.).
28. Kushcheva, O.Y. (2006). Language representation of the American national character In *Modern linguistics: theory and practice. Materials VI Interlevel. Scientific methodological conf. Part II*. Krasnodar: KVVAUL. pp. 3—7. (In Russ.).
29. Tynnikova, N.G. (2003). Common and specifically national in speech etiquette (on the material of Russian and English languages): [dissertation]. Saratov. (In Russ.).
30. Shiryaeva, O. (2004). The word as a carrier of cultural information in artistic discourse In *Language. Discourse. Text: Intern. Scientific conf.* Rostov-n-D. pp. 215—216. (In Russ.).
31. Issers, O.S. (2002). Communicative strategies and tactics of the Russian language. Moscow: URSS. (In Russ.).
32. Malevinsky, S.O. (2008). Functional and speech structure of the personality and individual speech style In *Functional and pragmatic features of units of different levels*. Krasnodar: Kuban State University. pp. 118—129. (In Russ.).
33. Kostetskaya, A.G. (2001). Sociolinguistic characteristics of the speech of educated young people of Great Britain and the USA: [dissertation]. Volgograd. (In Russ.).
34. Ryadchikova, E.N. & Kadilina, O.A. (2009). Organization of linguistic personality as a linguistic-communicative phenomenon In *Research in theoretical and applied linguistics*. Krasnodar: Kuban State University. pp. 50—83. (In Russ.).
35. Ryadchikova, E.N. & Kadilina, O.A. (2011). National-cultural specificity of an English-speaking strong language personality, *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series “Education issues: languages and specialty”*, 2, 103—107. (In Russ.).
36. Ter-Minasova, S.G. (2000). Language, Personality, Internet. *Vestnik MGU. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, 4, 35—42. (In Russ.).

УДК: 81'42:81'27

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882

СИЛЬНАЯ, СЛАБАЯ И УСРЕДНЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТАХ

О.А. Кадилина¹, Е.Н. Рядчикова²

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198

²Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040

Цель данного исследования — выявить перечень лингвистических, коммуникативных, прагматических и культурологических параметров, которые характеризуют сильную языковую личность, противоположную ей слабую языковую личность, а также обобщенно-усредненную языковую личность, и определяют их речевое поведение при речевой коммуникации. В связи с этим необходимо определить идиостилевые характеристики сильной языковой личности; установить знания и умения сильной языковой личности, могущие считаться универсальными, в межличностной и межкультурной коммуникации; рассмотреть национально-культурные особенности сильной языковой личности, принадлежащей англо-американской речевой культуре; выявить мотивы, ведущие к формированию англоговорящей сильной языковой личности; исследовать коммуникативные проблемы слабой языковой личности. Данные аспекты обусловили обращение в нашем исследовании к таким проблемам, как параметрирование и поведение языковой личности в межличностной и межкультурной коммуникации, поиски оптимальных вариантов речевого взаимодействия людей. В качестве иллюстративного материала привлекаются контексты из книг Д. Карнеги.

Ключевые слова: коммуникативная личность, сильная, слабая, усредненная языковая личность, коммуникативная компетенция, межличностное общение, воздействие, идиостилевые параметры, коммуникативное лидерство, национальная специфика общения

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будагов Р.А. Новые слова и значения // Человек и его язык. М., 1976.
2. Дрянгина Е.А. Языковая личность педагога: к постановке проблемы // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. Мат-лы 6-й Всероссийской науч. конф. (Ульяновск, 17—20 мая 2006 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырев. М.—Ульяновск, 2006. С. 219—220.
3. Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч. 1.
4. Кубрякова Е.С. Текст и его понимание // Русский текст. М., 1994. № 2. С. 18—27.
5. Халяпина Л.П. Характеристика языковой личности как субъекта коммуникации // Мир в языке. Серия «Этногерменевтика и этнориторика» / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Вып. 11. Кемерово, 2005. С. 438—450.
6. Рядчикова Е.Н. Речевой имидж в кросс-культурной перспективе // Язык и национальные образы мира. Мат-лы Междун. науч. конф. (20—21 марта 2001). Майкоп: АГУ, 2001. С. 19—21.
7. Инфантова Г.Г. Сильная языковая личность: ее постоянные и переменные признаки // Речь. Речевая деятельность. Текст: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н.А. Сенина. Таганрог, 2000. С. 63—69.
8. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Как выработать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. Как перестать беспокоиться и начать жить: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. В.П. Зинченко и Ю.М. Жукова. М.: Прогресс, 1989.

9. *Сусов И.П.* Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. Тверь, 1989.
10. *Виноградов В.В.* О художественной прозе. М., 1930.
11. *Богин Г.И.* Типология понимания текста. Калинин, 1986.
12. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
13. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Лекционный курс. М.: Гнозис, 2001.
14. *Томас Л.* Кратчайший путь к известности // Дейл Карнеги. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. Как перестать беспокоиться и начать жить / Пер. с англ. З.П. Вольской и Ю.В. Семенова. М.: Прогресс, 1989. С. 21—33.
15. *Carnegie D.* The quick and easy way to effective speaking. NY: Dale Carnegie & Associates Inc., 1992.
16. *Голев Н.Д.* Языковая личность и антропотекст в лингвистике и лингводидактике (типологический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 18—21 марта 2004 г.): Труды и материалы. М.: МГУ, 2004. С. 15—16.
17. *Зеленская В.В., Тхорик В.И., Голубцов С.А.* Семантическое измерение личности по данным языка (на материале фразеологизмов) // Языковая личность: структура и эволюция: Монография. Краснодар: КубГУ, 2000. С. 188—202.
18. *Безменова Н.А.* Очерки по теории истории риторики. М., 1991.
19. *Леденева О.В.* Культура речи как умение выражать свои мысли // Проблемы прикладной лингвистики: Сборник материалов Всероссийского семинара (25 декабря 2002 г.). Пенза, 2002. С. 121—123.
20. *Мурзабекова Д.Е.* Лингвистические средства создания гармоничного межличностного общения // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 18—21 марта 2004 г.): Труды и материалы. М.: МГУ, 2004. С. 131—132.
21. *Carnegie D.* How to Win Friends and Influence People. NY: Simon and Schuster, 1981.
22. *Богданов В.В.* Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс и личность. Тверь: ТГУ, 1990. С. 26—31.
23. *Сиротинина О.Б.* Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград—Саратов: Перемена, 1998. С. 3—9.
24. *Kiener F.* 1987. URL: <http://www.dafont.com/frank-kiener.d1100>.
25. *Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград, 2002.
26. *Урусова О.А.* Социальные признаки концепта «Америка» // Мир в языке. 2005. Вып. 11. С. 158—163.
27. *Абрамова Т.В.* Национальная специфика культуры общения в косвенных речевых актах // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж: ВГТУ, 2000. С. 127—135.
28. *Кущева О.Ю.* Языковая репрезентация американского национального характера // Современная лингвистика: теория и практика. Мат-лы VI Межвуз. научно-методич. конф. Ч. II. Краснодар: КВВАУЛ, 2006. С. 3—7.
29. *Тырникова Н.Г.* Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
30. *Ширяева О.С.* Слово как носитель культурной информации в художественном дискурсе // Язык. Дискурс. Текст: Междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 2004. С. 215—216.
31. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2002.
32. *Малевинский С.О.* Функционально-речевая структура личности и индивидуальный речевой стиль // Функционально-прагматические особенности единиц различных уровней: Сб. науч. статей. Краснодар: КубГУ, 2008. С. 118—129.

33. *Костецкая А.Г.* Социолингвистические характеристики речи образованной молодежи Великобритании и США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
34. *Рядчикова Е.Н., Кадилина О.А.* Организация языковой личности как лингво-коммуникативного феномена // Исследования по теоретической и прикладной лингвистике. Краснодар: КубГУ, 2009. С. 50—83.
35. *Рядчикова Е.Н., Кадилина О.А.* Национально-культурная специфика англоговорящей сильной языковой личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2011. № 2. С. 103—107.
36. *Тер-Минасова С.Г.* Язык, личность, интернет // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 4. С. 35—42.

Для цитирования:

Кадилина О.А., Рядчикова Е.Н. Сильная, слабая и усредненная языковая личность в коммуникативно-прагматическом и лингвокультурном аспектах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 4. С. 859—882. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882.

For citation:

Kadilina, O.A. & Ryadchikova, E.N. (2018). Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 859—882. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882.

Сведения об авторах:

Кадилина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель ДПО / отделение иностранных языков / институт повышения квалификации и переподготовки; *научные интересы:* языковая личность, лингвокультурология, лингвопрагматика, языковая картина мира, язык автора, речевое воздействие, межличностная коммуникация, межкультурная коммуникация, национально-культурные особенности языковой личности; *e-mail:* olgakadilina@gmail.com

Рядчикова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета (г. Краснодар); *научные интересы:* речевая коммуникация, культура речи, теория языка, история языка, философия языка, воздействие речи, языковая логика, лингвокогнитивистика, лингвопрагматика, языковая личность, семантика, синтаксис, языковая картина мира, национальный менталитет, языковая репрезентация измененного состояния сознания, библеистика, афористика, лингвоконфликтология, лингвоментальная сфера, языковое сознание, языковое мышление, возможные миры; *e-mail:* e.n.ryadchikova@gmail.com

Information about the authors:

Olga A. Kadilina, Candidate of Philological Sciences, teacher of CPE / Department of Foreign Languages / Institute for Advanced Studies and Professional development; *Research interests:* linguistic personality, linguistic cultural studies, linguistic pragmatics, linguistic picture of the world, language of the author, verbal impact, interpersonal communication, intercultural communication, national and cultural features of the linguistic personality; *e-mail:* olgakadilina@gmail.com

Elena N. Ryadchikova, Doctor of Philology, Professor of the General and Slavic-Russian Linguistics Department of the Kuban State University (Krasnodar); *Research interests:* verbal communication, culture of speech, theory of language, language history, linguistic philosophy, impact of speech, linguistic logic, linguocognitivism, linguopragmatics, linguistic personality, semantics, syntax, linguistic world-image, national mentality, linguistic representation of an altered state of consciousness, biblical studies, aphoristics, linguistic conflictology, linguistic sphere, linguistic consciousness, linguistic thinking, possible worlds; *e-mail:* e.n.ryadchikova@gmail.com

УДК: [811.222.8:811.161.1]'367.623
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-883-895

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ТАДЖИКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОБЩУЮ ОЦЕНКУ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

М.Б. Нагзибекова, Ш.Р. Хасанова

Таджикский национальный университет
Проспект Рудаки, 17, Душанбе, Таджикистан, 734025

Статья посвящена исследованию качественных прилагательных, характеризующих внешний вид человека, в русском и таджикском языках в сопоставительном плане. Данная группа имен является одним из малоисследованных пластов лексики таджикского и русского языков. Осуществлен комплексный (лексико-семантический и структурный) анализ исследуемой лексики в плане ее внутриязыковой и межъязыковой реализации, выявлены максимально полный круг качественных прилагательных, определяющих внешний вид человека, в таджикском языке и их эквиваленты в русском языке, а также влияние языковой картины мира и национальной ментальности на семантику прилагательных таджикского языка, характеризующих внешний облик человека. Исследование проведено на материале толковых и двуязычных словарей, а также художественных произведений русских и таджикских писателей и их переводов.

В исследовании использованы следующие методы: 1) компонентный анализ, предусматривающий выявление семантической структуры единицы языка посредством разложения его лексического значения на семы — более мелкие единицы смысла; 2) дистрибутивный анализ, предполагающий изучение окружения исследуемых прилагательных в тексте и выявляющий всевозможные значения слов и их оттенки. В ходе исследования были применены методики сравнительного и сопоставительно-типологического анализа, которые позволили обнаружить общее и специфическое в рассматриваемых языках, использовались также элементы количественного анализа, позволившие выявить статистические характеристики изучаемых объектов.

Ключевые слова: качественные прилагательные, лексико-семантическая группа, семантика, внешность человека, таджикский язык, русский язык

ВВЕДЕНИЕ

Тема исследования актуальна своей включенностью в проблематику современной антропоцентрической теории изучения языка; продуктивностью лексики, выражающей внешность человека, как в художественной литературе, так и в разговорной речи.

Весьма значительным представляется сопоставительный анализ таджикских прилагательных на фоне русского языка. Лексико-тематическая группа «внешний вид человека» является неотъемлемой частью обязательного курса изучения практического русского и таджикского языков на каждом уровне обучения — от начального до завершающего.

Имена прилагательные играют важную роль в закреплении результатов когнитивной практики человека, так как закладывают основы в языковом сознании

атрибутивного портрета окружающей действительности, с которого человек «перерисовывает» и образы реального мира.

Качественные прилагательные, выражающие внешний вид человека, до сих пор не являлись предметом последовательного сопоставительного анализа в таджикском и русском языках. Так, на сегодняшний день в российском языкознании можно отметить несколько научных исследований, имеющих отношение к нашей теме, в частности, Ю.А. Климова «Имя прилагательное как репрезентант концепта „качество“ в русской языковой картине мира», С.А. Булгучева «Прилагательные нефизической характеристики человека в современном русском языке», Менон Равиндер Натх «Лексико-семантическая группа прилагательных русского языка со значением характеристики внешности человека», Чхун Хан «Лексико-тематическое представление внешнего облика человека в современном русском языке (на фоне китайского языка)».

Что касается таджикского языкознания, то можно отметить наиболее значимые работы в исследовании прилагательных, выполненных в сопоставительном аспекте, в частности А.И. Королёвой «Имя прилагательное в русском и таджикском языках: сопоставительная характеристика», С.М. Тиллоевой «Лексическая синонимия прилагательных таджикского и русского языков», Шоева Эргаша «Суффиксальное словообразование относительных имен прилагательных в современном таджикском литературном языке» (на примере суффикса -й-гй / вй..), Х.Э. Исмаиловой «Словообразование качественных прилагательных в современном русском и таджикском языках», М.М. Атоева «Лексика, обозначающая цвет, в таджикском и русском языках». На сегодняшний день качественные прилагательные таджикского языка, обозначающие внешний вид человека, еще не были предметом специального исследования, не проводилось и сравнительно-типологическое изучение данного пласта лексики.

Цель нашего исследования заключается в комплексном изучении качественных прилагательных таджикского и русского языков, входящих в лексико-тематическую группу «Внешний вид человека», их описании в единой лексико-семантической системе и сопоставлении полученных результатов.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКУ ВНЕШНИХ ДАННЫХ ЧЕЛОВЕКА

Прилагательные, выражающие характеристику внешних данных человека при помощи описания и оценки отдельных атрибутов его наружности, воспринимаются всеми более или менее одинаково. В отличие от них прилагательные таджикского и русского языков, рассматриваемые в данном исследовании, в своей семантике содержат компонент субъективной оценки, характеризуя при этом человека путем оценки его внешнего облика в целом и подчеркивая тот или иной абстрактный признак его внешности. В частности, характеристика, выражаемая такими прилагательными, как **хушрӯй, дилбар, ситорагарм, нағзакак, чолиб, чозиб, дилчасп, дилнишин, босалиқа, болатофат, дуструй, фаттон, чозибадор, дилошӯб, дилфиреб, хуб**, содержит общую положительную оценку внешности

человека и передается на русский язык так: **красивый, симпатичный, хороше́нький, привлекательный, интересный, милый, миленький, миловидный, приятный, смазливый, интеллигентный, обаятельный, обворожительный.**

Соня бисъёр хушрӯй, дилбар буд ва, зохиран, ўро бо ҷону дил дӯст медошт (Толстой, с. 14). — *Соня была очень хороша, мила, и, очевидно, страстно влюблена в него* (Толстой, с. 421).

Один и тот же человек может показаться красивым одному и не очень красивым другому.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

К прилагательным, выражающим эстетическую характеристику, мы относим такие прилагательные, которые определяют человека, выделяя какой-нибудь положительный или отрицательный признак его внешнего облика.

Положительная эстетическая характеристика

В качестве прилагательных, описывающих положительные абстрактные признаки внешности человека, могут выступать следующие прилагательные в указанных значениях:

хушрӯй, зебо — *красивый* — имеющий привлекательные черты лица;

сохибчамол, нозанин, паризод — *прекрасный* — отличающийся необыкновенной красотой, очень красивый;

дилошӯб, дилкаш — *прелестный* — исполненный прелести, вызывающий восхищение; очаровательный;

дӯструй, хушнамо — *миловидный* — с приятным на вид, привлекательным лицом;

дилчасп, дилнишин — *симпатичный* — вызывающий симпатию, располагающий к себе;

хушнамо, дилписанд — *приятный*, привлекательный, вызывающий симпатию;

чолиб, ситорагарм — *привлекательный* — такой, который располагает к себе, возбуждает симпатию;

диловез, дилрабо, чозиб, льозибадор, фаттон — *очаровательный* — чарующий, прелестный, восхитительный;

мафтункунанда, дилфиреб, фаттон — *обольстительный*, неотразимо привлекательный, чарующий;

хушандом, танноз — *грациозный* — исполненный грации, изящный в позах в движениях;

хушқаду қомат, мавзун, болобаланд — *стройный* — пропорционально и красиво сложенный;

хушрӯяк, зебояк — *смазливый* — красивый, привлекательный;

чодуваш — *обворожительный* — приводящий в восхищение, очаровательный;

барнопеша — *молодцеватый* — имеющий бравый вид, статный, ловкий;

босалика, базеб, кашанг, раьно, болатофат — *элегантный* — изысканно-изящный;

бокarrуфар — *шикарный* — имеющий эффектный щегольский вид;

бовикор, босавлат, кн. садид — *солидный* — важный, представительный, степенный.

Рассматриваемые прилагательные подчеркивают такие отвлеченные признаки, как «красота», «привлекательность», «миловидность», «приятность», «привлекательность», «грациозность», «стройность», «обаятельность», «элегантность», «солидность» и т.п.; основываясь на положительной оценке внешнего вида человека, выражают его субъектно-эстетическую характеристику. При вербальном изображении внешних качеств человека рассматриваемые прилагательные не дают названия тем или иным частям тела, чертам лица, однако в них, прежде всего, продемонстрирована именно характеристика лица в виду какого-либо положительного абстрактного признака, поскольку прочие части тела человека, как правило, бывают прикрыты одеждой. И при необходимости уточнения того, каким именно частям тела или чертам лица человека присущи признаки, выделяемые этими прилагательными, подобные прилагательные могут выступать в сочетании с названиями отдельных частей тела и черт лица, например: *красивые глаза, красивые руки, красивое лицо, милая улыбка, милые глаза* и т.п.

Толковые словари современного русского языка определяют значение прилагательного **красивый** следующим образом: «приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий, имеющий привлекательные черты лица, отличающийся стройностью и изяществом движений; доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью, прекрасный» (МАС II: 69; Шведова: 365)

Бародари ман як чавони тануманд, хушқаду қомат ва зебо шуда расид (Икромй, с. 265). — *Брат мой вырос, стал красивым юношей* (Дж. Икромй, с. 156).

С точки зрения стилистической принадлежности прилагательное является нейтральным. Прилагательное **зебо** — «зебо, хубчехр, соҳибчамол» — «красивый» используется в сочетании с существительными, обозначающими наименования лиц разного возраста: ср. красивый мальчик, парень, юноша, мужчина, старик. Возраст лица женского пола, как правило, юный или зрелый, но не пожилой. Возраст лица мужского пола по существу значения не имеет.

Ҳамин Устоназари ҷўбтарош писаре доит ки дар он вақт ба синни шонздаҳ расидагӣ, соҳибчамол, бамаънӣ, мехнатӣ, деҳкон ва боғбони хушхунар буд... (Икромй, сах. 44) — *У уста Назри был сын, красавец собой и умница, трудолюбивый и уже искусный садовник* (Икромй, с. 36).

Контексты, в которых конкретизируется внешность красивого человека, немногочисленны. Особое внимание уделяется описанию глаз, взгляда, лица, волос:

Князь Болконский миёнақад, чавони хушрӯ, тарҳи рӯяи муаяни ҷиддӣ буд (Толстой, с. 35). — *Князь Болконский был небольшого роста, весьма красивый молодой человек с определенными и сухими чертами* (Толстой, с. 51).

Частотны контексты, в которых внешность человека конкретизируется в описании предметов одежды, манере одеваться:

Пьер, ки бо фармони занаш мӯй монда, айнакаширо партофта ва мувофиқи расму либос нӯшида буд, бо чехраи маҳзун ва гамгин дар залҳо мегашт (Толстой, с. 20). — *Пьер, отпустивший по приказанию жены волоса, снявший очки, одетый по-модному, но с грустным и унылым видом* ходил по залам (Толстой, с. 427).

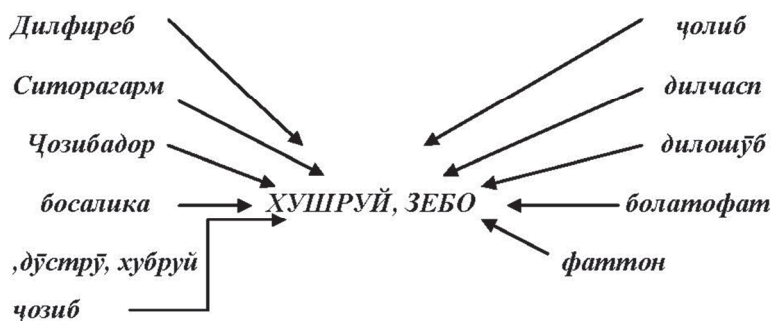
Мушаррафа буд, ки ҳоло як зани қадбаланди навча ва олуфтаи шӯх шуда буд (Икромӣ, с. 412). — *За эти годы Мушаррафа стала статной, красивой женщиной, большой щеголихой* (Икромӣ, с. 231).

Прилагательное *красивый* часто встречается в одном контексте с такими единицами, как *элегантный, очаровательный, обаятельный* — общая оценка внешности.

Прилагательное в форме женского рода — *красивая* — чаще встречается в сочетании с такими прилагательными, как: *очаровательная, элегантная, эффектная, милая* — общая оценка внешности; *высокая* — рост; *стройная* — фигура; *молодая* — возраст; *черноволосая, седая* — цвет волос; *способная* — интеллект; *богатая* — социальное положение.

Оми хурди миёнақад, кулчарӯ, шаҳлочаим, ситорагарм, вале гарданкӯтоҳ ва доғи кунъитакдор буд (Икромӣ, с. 23). — Младшая жена бая была невысока, круглолица, с большими блестящими глазами, очень привлекательная и *милая*, вся в веснушках (Дж. Икромӣ, с. 24).

Лексико-семантическую модель структуры рассматриваемого ряда графически можно представить следующим образом:

Ближе к ядру находятся лексемы *дилчасп* и *дилфиреб*, чуть дальше *ситорагарм*, *дилошӯб*, *фаттон*, *дилчасп*, *чолиб*, а на дальней периферии *ҷозибадор*, *босалиқа*.

Ака Махсум, марди миёнақад ва газғӯит, бо чаимони сиёҳ ва шӯх, бо лабу даҳони ҳамеша ба табассум моил, хушгуфтор ва ситорагарм буд (Икромӣ, с. 172). — *Ака Махсум, он был простой и скромный человек, не выносил неправды, несправедливости, произвола и всегда, и словом и делом, вступался за обиженных* (Икромӣ, с. 108).

Между перечисленными прилагательными прослеживаются синонимические отношения, но вследствие многогранности содержания семантики этих слов и их расплывчатости и диффузности образованные синонимические ряды обладают неустойчивостью, например, можно выделить такой ряд, как **гуландом, нозукбадан, латифпайкар, нозанин, гулбадан-гулпайкар, хушхиром, мавзун**. Однако параллельно с этим все данные синонимические ряды могут быть соединены в общий синонимический ряд. Безусловно, компоненты подобного синонимического ряда будут различаться оттенками своих значений, поскольку, вопреки наличию общих сем, в любом прилагательном первостепенно одно его основное значение.

Прилагательные **хушқад, хушбаст, алифосо, химчабадан, санавбарқад, нозуктана, қоматрасо, зебопайкар, алифосо** (*поэт.*), которые составляют синонимический ряд, прежде всего являются показателями стройности, пропорциональности, хорошего сложения фигуры и черт лица. В них хоть и присутствует имплицитно компонент значения *красивый*, но он является необязательным, поскольку, несмотря на пропорциональность и стройность частей тела, человек может и не отличаться особой красотой, так как понятие красоты абстрактное и субъективное. Например:

— *Девочки, лилия!* — воскликнула выскочившая из кустов **тоненькая, гибкая** девушка с мальчишескими отчаянными глазами (А.А. Фадеев, с. 7).

— *Духтархо, савсан!* — як **духтараки нозукбадани чобук**, ки чаимони шухи писарбачагона доит, аз байни буттањо баромада фарёд кард (Фадеев, с. 8).

У Лиза Рыбаловаро, ҳамчуноне ки дар ҳамон солҳо буд, ба хотир овард, вай дар он вақт духтари **мавзунқад** малламӯй, нотарс, серҳаракат, тезовоз, шӯхчаши буд... (А.А. Фадеев, с. 98). — Он вспомнил Лизу Рыболову, какой она была в те годы, **стройная, светловолосая, бесстрашная, с резкими движениями и голосом...** (А.А. Фадеев, с. 66).

Отрицательная характеристика

Второй синонимический ряд интересующего нас антонимо-синонимического блока включает в свой состав следующие лексемы: **безеб — хунукситора — беандом — баднамо — хунук — бенур — назарногир — қабех — нафратангез — зишт — мискиннамо-аждахопайкар — девсурат — аблахваш — девонанамо**.

Безеб — некрасивый, непривлекательный на вид; характеризующийся неправильностью очертаний, отсутствием гармонии красок, тонов, линий и т.п., имеющий непривлекательные черты лица.

Беандом — непривлекательный на вид; характеризующийся неправильностью очертаний, отсутствием гармонии красок, тонов, линий и т.п., имеющий непривлекательные черты лица.

Назарногир — непривлекательный, некрасивый невзрачный, незаметный на вид.

Хунукбашара — неприятный, отталкивающий, внушающий отвращение, несимпатичный.

Хунукситора — неприятный, отталкивающий, некрасивый на вид.

Баднамо — не нравящийся своим внешним видом, некрасивый.

Хунук — вызывающий отвращение своим внешним видом, непривлекательный.

Бенур — некрасивый, невыразительный, невзрачный.

Нафратангез — вызывающий отвращение, антипатию, отвратительный.

Зишт — безобразный, отвратительный, уродливый.

Мискиннамо — бедный на вид, внешне бедно выглядевший.

Аждахопайкар — вызывающий, внушающий чувство страха своим внешним видом, очень громадный.

Девсурат — вызывающий, внушающий чувство страха своим внешним видом, очень страшный на вид;

Девпайкар — очень громадный, очень страшный на вид.

Девонанамо — сумабродный.

Девмонанд — подобный диву, демону; 2. *пер.* демонический.

Кампир уро девонанамо гуфт, лекин афту андомаи ва гапзанданхоиш девонохо барин не-ку! (Дж. Икромӣ, с. 22). — *Дилором говорила, что она не в своем уме, но она вовсе не похожа не помешанную* (Дж. Икромӣ, с. 23).

Пас аз дафн карда баромадани духтараиш, миришаб гирёну нолон ба роҳрави ҳавлиши дарун даромад ва занашро, ки аз гиряву физон овозгир шуда буд, руҳош ханчол, мӯҳош парешон ва афтаиш ба девонагон монанд буд, ӯег зада баровард (Икромӣ, с. 329). — *Миришаб, забыв обо всем на свете, рыдал как безумный. Холдорхон от крика и воплей совсем охрипла. С исцарапанным лицом, распущенными волосами, она была олицетворением ужаса и горя* (Икромӣ, с. 191).

Доминанте ряда *некрасивый* ‘отличающийся неправильностью очертаний, отсутствием гармонии красок, тонов, линий и т.п., непривлекательный на вид’ (МАС 11: 452) в таджикском языке соответствуют прилагательные **безеб**, **бадрӯ**, **хунукситора**, **кабех**, **беандом**, **хунук** в буквальном переводе звучат *некрасивой формы, непривлекательный, несимпатичный, невзрачный*.

Таджикское прилагательное в рассматриваемом значении обычно выступает в сочетании с существительными фигура, внешность и существительными-наименованиями лиц, частей тела человека: *некрасивая наружность, некрасивое лицо, некрасивая женщина, некрасивая фигура* и т.п.

Первое выражение таджикского языка — **безеб** — *некрасивый* имеет более широкий круг употребления, чем данное понятие в русском языке, поскольку используется для характеристики не только некрасивой внешности человека. Наравне с выражениями, буквально переводящимися на русский как *этот человек нехорошо выглядит* — этот человек *некрасивый*, *его лицо невзрачное* — он некрасив лицом, существуют и другие: **авҳоли безеб**, **авзон безеб** — выражение подразумевает, что ему нездоровится, или он очень сердится, или чем-то не доволен. Прилагательному *нейнтересный* разг. ‘некрасивый, непривлекательный’ — **безеб**, **бадрӯй** выражения *непривлекательный и нехорошо выглядящий*.

По сведениям, приведенным в словаре русского языка под редакцией К.С. Горбачевича, прилагательное русского языка в данном значении применяется

обычно по отношению к женщине (Горбачевич 2001: 280). Оно обычно употребляется в сочетаниях: неинтересная внешность, неинтересная женщина и т.п.:

— *Это вечернее строгое платье, — стала объяснять пожилая неинтересная женщина, которую сперва никто не заметил на сцене* (Василий Шукшин. Внутреннее содержание (1960—1971). — *Ин куртаи чиддии идонаро, — мефаҳмонид зани солхурдаи назарногир, сараввал дар сахна кассе ахамият надод* (Х.Ш.).

Соответствующие таджикские выражения стилистически нейтральны и употребляются по отношению и к женщине, и к мужчине.

Русским прилагательным *невзрачный* ‘непривлекательный, некрасивый на вид’ (МАС 11: 426), *неказистый* ‘некрасивый, непривлекательный на вид; невзрачный’ (МАС 11: 450), *неприглядный* ‘непривлекательный на вид; невзрачный’ (МАС II: 469), *непригожий* ‘устар. и прост, обычно крат. ф. с непривлекательной внешностью; некрасивый’ (МАС 11: 469), *дурной* ‘обычно крат. ф. некрасивый, безобразный (о человеке)’ (МАС I: 454) и *нехороший* ‘обычно крат. ф. внешне некрасивый, непривлекательный’ (МАС II: 492) соответствуют одни и те же таджикские выражения **безеб**, **бенур**, **беҳусн**, **баднамо**, **бадсурат**.

Кроме того, прилагательным неприглядный, неказистый двуязычный толковый словарь в качестве переводного эквивалента предлагает еще третье выражение, соответственно звучащее как «бадманзар».

Таджикское прилагательное «**безеб**» можно считать полным эквивалентом русского слова *некрасивый* по отношению к внешности человека, а аналоги «**бадрӯй**», «**бадандом**» имеют более яркую отрицательную оценку внешности человека. Прилагательному *непрезентабельный* — книж. ‘имеющий неприглядную, неподобающую внешность’ (Горбачевич 2001: 280) в таджикском языке соответствуют выражения, в буквальном переводе звучащие как **бадсурат**, **бадафт**, **баднамо**, **назарногир**, **бенур**, **безеб**, **бенамуд** *невзрачная внешность — киёфаи безеб; невзрачный человек — одами назарногир*.

Таджикские выражения в рассматриваемом значении обычно употребляются в функции определения, и к тому же первое выражение стилистически высокое, не используется в разговорной речи, сочетается только с существительными-наименованиями лиц.

Прилагательные, выражающие отрицательную характеристику человека, как, например, **аблахнамо**, **девсурат**, **хунукбашара**, **шумрӯй**, чаще всего употребляются в разговорной речи.

В прилагательных **безеб**, **бадафт**, **кабех**, **зишт**, **тундрӯ**, **бадандом**, **баднамо** на первое место выдвигается не только сема *некрасивый*, а в первую очередь, внимание акцентируется на том или ином физическом изъяне, телесном повреждении и «не нравящийся, не располагающий к себе своим внешним видом».

Прилагательным, представляющим отрицательное описание человека, основываясь на оценке его внешности, свойственна широкая сочетаемость, что объясняется протекающим в них процессам полисемии. Помимо названия лиц они сочетаются с характеризующими черты лица, части тела человека существительными, а также со словами «вид», «внешность», «наружность»:

Саша ҳам зуд-зуд меомад, ҳамеша тундрӯ буда, ҳама вақт шитоб мекард (Горький, с. 136). — *Часто прибежала Саша, всегда нахмуренная, всегда торопливая и почему-то все более угловатая, резкая* (Горький, с. 123).

Прилагательное **назарногир** не может сочетаться с названиями частей тела или черт лица человека. Этот факт объясняется тем, что для него не является основным значением характеристика внешнего облика человека. Прежде всего, оно выступает в значениях 1. «недоступный зрению»; 2. незначительный, неважный».

Таджикская языковая картина мира предполагает также использование в речи носителей прилагательных со значением характеристики внешности человека, содержащих в себе сравнительную оценку преимущественно с такими реалиями, которые выражают животных или мифологических персонажей, в частности:

филмард — здоровый, крепкого телосложения;

говчусса (*досл.* тело как у коровы) — человек богатырского телосложения;

аждахопайкар (*досл.* стан как у чудовища) — страшный, очень крупного телосложения;

гурбагун — похожий чем-либо на кошку;

лӯлибашара — имеющий нечто цыганское в облике, характере;

хайвонсурат — некрасивый, отталкивающий;

паришамоил — красивый, прекрасный, очаровательный;

занакурат, занакубашара — похожий чем-либо на женщину.

Характерной особенностью данных прилагательных является то, что они характеризуют и дают оценку внешности человека, сопоставляя его с животным, с чем-либо другим или с другим человеком, которые наделены определенным характером, манерой держаться, походкой, поведением или красотой.

Каждое из животных, выступающее в сравнении с характеризуемым человеком, символизирует те или иные признаки, например, *слон* демонстрирует «медлительность, неуклюжесть, громадного телосложения...». Вследствие чего эти прилагательные, при сравнении человека с каким-нибудь животным, прежде всего, конечно, обращают внимание на схожесть в характере человека и животного. О факте неполного их сходства говорят содержащиеся в них прилагательные «-подобный», «-образный». Однако они намекают на отдельные схожие черты во внешности. Свидетельством служит то, что большая часть этих прилагательных сочетается со словами «вид», «наружность», «лицо», «характер». Например: *чавони филмард, духтари лӯлибашара, марди занакубашара*.

Шахси **хайвонсурат** может обозначать «человек, напоминающий своей внешностью, чертами лица животного», **марди занакубашара** — мужчина, своими чертами и фигурой напоминающий женщину, а выражение **зани мардаксифат** — женщина, своими чертами и фигурой напоминающая мужчину, и т.п.

Прилагательные **занакубашара** и **мардаксифат** характеризуются тем, что первое из них употребляется только по отношению к лицам мужского пола, а второе — по отношению к лицам женского пола.

Паришамоил относится к книжному пласту лексики таджикского языка, является эмоционально окрашенным и выражает красоту внешности человека, уподобляя его перу, а **лӯлибашара** — к просторечной лексике.

Следует отметить также и то, что количество единиц данной лексико-семантической группы в таджикском языке значительно превалирует над числом прилагательных русского языка, которые характеризуют общую оценку внешности человека.

ВЫВОДЫ

В нашем исследовании анализ и презентация таджикских единиц, составляющих лексико-тематическую группу внешнего вида человека, были проведены в рамках входящих в нее лексико-семантических групп прилагательных, поскольку именно качественные прилагательные дают возможность не только распознать те или иные качества человека, но и объединить их или противопоставить на основе качественной характеристики, отражая образ человека и его внешний вид в сопоставляемых языках.

Методом сплошной выборки материала из двуязычных и толковых словарей, словарей синонимов и антонимов было отобрано более 500 лексем таджикского языка, характеризующих внешность человека. Эти лексемы, выраженные качественными именами прилагательными таджикского языка, объединены в лексико-тематическую группу «Внешний вид человека».

В статье описываются аспекты выделения системных отношений единиц в ЛСГ, и тем самым намечается определенное направление исследования компонентов изучаемых ЛСГ. Прилагательные, описывающие человека посредством оценки отдельных атрибутов его внешности, в большинстве случаев однозначны. При развитии полисемии значение характеристики человеческой внешности остается основным значением. Микрогруппы прилагательных формируются в соответствии с наименованием атрибута, особенности которого в них реализованы.

Признаки атрибутов внешности человека определяются по таким особенностям, как наличие/отсутствие, форма, размер, цвет и сравнительная оценка. Не все перечисленные характеристики свойственны для всех компонентов в человеческой внешности, то есть различные атрибуты определяются разными признаками. Один и тот же признак, который присущ для атрибутов внешнего вида человека, неодинаково активен для всех данных атрибутов.

Свойства атрибутов могут быть определены одним каким-нибудь признаком в отдельности, а также в комбинации с другим признаком (муйсиёх и кокулсиёх). Члены микрогрупп прилагательных, выделяемых по наименованиям атрибутов наружности человека, характеризуются синонимическими и антономическими отношениями. Члены синонимических рядов различаются оттенками значений, стилистической принадлежностью, степенью сочетаемости. В процессе изучения ЛСГ на каждую группу в целях сопоставления приводились примеры из текстов художественной литературы.

© **Нагзибекова М.Б., Хасанова Ш.Р.**

Дата поступления: 26.10.2018

Дата приема в печать: 22.10.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Атоева М.М.* Лексика, обозначающая цвет, в таджикском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1988.
2. *Богуславский В.М.* Словарь оценок внешности человека. М.: Космополис, 1994.
3. *Горбачевич К.С., Герд А.С.* Большой академический словарь русского языка. М., СПб.: Наука, 2004.

4. *Горбачевич К.С.* Краткий словарь русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2001.
5. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1985.
6. *Джан Хун* Лексико-тематическое представление внешнего облика человека в русском языке: функционально-семантический аспект (на фоне русского языка): дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
7. *Исмаилова Х.Э.* Словообразование качественных прилагательных в современных русском и таджикском языках. Душанбе: Ирфон, 2012.
8. *Климова Ю.* Имя прилагательное как репрезентант концепта «качество» в русской языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008.
9. *Ковалева Т.Г.* Имя прилагательное в политическом дискурсе: на материале текстов русских и немецких печатных СМИ: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.
10. *Королева А.И.* Имя прилагательное в русском и таджикском языках (сопоставительная характеристика): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1966.
11. *Маҷидов Ҳ.* Забони адабии муосири тоҷик. Душанбе, 2007.
12. *Менон Ревиндер Натх.* Лексико-семантическая группа прилагательных русского языка со значением характеристики внешности человека: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985.
13. *Неменова Р.Л.* Сопоставление грамматического строя таджикского и русского языков в преподавании русского языка в таджикской школе // *Мактаби советӣ.* 1955. № 5. С. 6—14.
14. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2006.
15. *Рассторгуева В.С.* Краткий очерк грамматики таджикского языка. М., 1954. С. 535—536.
16. *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка: В 4-х т. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
17. *Стратонова Г.Я.* Лексико-семантическая группа прилагательных, характеризующих универсальные способности человека (на материале современного немецкого языка). автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1981.
18. *Тиллоева С.М.* Лексическая синонимия прилагательных таджикского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2000.
19. *Успенская Л.В.* Именные части речи русского и таджикского языков // *Рус. яз. и лит. в тадж. школе.* Душанбе, 1984. С. 16—25.
20. *Назарзода С., Сангинов А., Ҳошим Р., Рауфзода Ҳ.* Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. (часть первая). Душанбе: ЧДММ «Ксерокленд», 2008.
21. *Назарзода С., Сангинов А., Ҳошим Р., Рауфзода Ҳ.* Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. (часть вторая). Душанбе: ЧДММ «Ксерокленд», 2008.
22. *Шоев Э.* Суффиксальное словообразование относительных имен прилагательных в современном тадж. лит. яз. (на примере суффикса -и / -ги / -ви). Душанбе, 1984.
23. *Щетина Т.С.* Семантическая структура прилагательных в современном русском языке: дис. канд. ... филол. наук. М., 1984.

Источники

24. *Горький М.* Мать. Москва: Детская литература, 1982.
25. *Горький М.* Модар. Душанбе: Адиб, 1989.
26. *Икромӣ Дҷ.* Духтари оташ. Душанбе: Адиб, 2009.
27. *Икромӣ Дҷ.* Дочь огня. Москва: Известия, 1965.
28. *Толстой Л.Н.* Война и мир. Москва: Художественная литература, 1983.
29. *Толстой Л.Н.* Чанг ва сулҳ. Душанбе: Адиб, 1983.
30. *Фадеев А.А.* Молодая гвардия. Москва: Просвещение, 1982.
31. *Фадеев А.А.* Гвардияи ҷавон. Душанбе, 1985.

УДК: [811.222.8:811.161.1]'367.623
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-883-895

LEXICAL AND SEMANTIC GROUPS OF QUALITATIVE ADJECTIVES CONVEYING A COMMON APPRAISAL OF HUMAN'S APPEARANCE IN TAJIK AND RUSSIAN LANGUAGES

Mekhrinisso B. Nagzibekova, Shakhlo R. Khassanova

Tajik national university
Prospekt Rudaki, 17, Dushanbe, Tajikistan, 734025

Abstract. The article is devoted to the research of qualitative adjectives describing human's appearance as one of the most crucial stratum of vocabulary in Tajik and Russian in the comparative aspect. A complex (lexical-and-semantic and structural) analysis of the researched vocabulary is carried out in a view of its inter-linguistics and cross-linguistics realization, a maximally complete scope of Tajik qualitative adjectives describing a human's appearance and their Russian equivalent was put out, and influence of a language view of the world and national mentality on semantics of Tajik adjectives describing a human's appearance was established, basing on the material of thesauri and bilingual dictionaries and on original and translated art works of Russian and Tajik writers.

The following methods are used in the research: 1) a component analysis stipulating for revelation of semantic structure of the language unit by decomposing of its lexical meaning into semes — smaller units of sense; 2) a distributive analysis anticipating the study of context of the investigated adjectives in the text and enabling to reveal all possible meanings of words and there nuances. In the process of research some methods of comparative and typological analysis were applied, which enabled to find out common and specific points in the compared languages, some components of qualitative analysis were also used to establish statistical characteristics of the studied objects.

Key words: qualitative adjectives, Tajik language, Russian language, lexical and semantic group, semantics, human's appearance

REFERENCES

1. Atoyeva, M.M. (1988). Words with a meaning of colour in Tajik and Russian languages: abstracts of a thesis of Candidate of sciences. Dushanbe. (In Russ.).
2. Boguslavsky, V.M. (1994). Dictionary of human's appearance appraisal. Moscow: Kosmopolis. (In Russ.).
3. Gorbachevic, K.S. & Gerd, A.S. (2004). Major academic dictionary of Russian language. Moscow, SPb.: Science. (In Russ.).
4. Gorbachevich, K.S. (2001). Abridged dictionary of Russian. Moscow: Astrel, AST. (In Russ.).
5. Grammar of modern Tajik language. (1985). Textbook. Dushanbe: Donish. (In Tajik.).
6. Jan, Khun (2007). Lexical-and-thematic representation of human's appearance in Russian language: functional-and-semantic aspect (on the background of Russian): [dissertation]. Saint-Petersbourg. (In Russ.).
7. Ismailova, Kh.E. (2012). Word formation of qualitative adjectives in modern Russian and Tajik. Monograph: Kholisakhon Eshmatovna Ismailova. Dushanbe: Irphon. (In Russ.).
8. Klimova, Yu. (2008). Adjective as a representative of concept "quality" in Russian language view of the world: [dissertation]. (In Russ.).
9. Kovaleva, T.G. (2008). Adjective in the political discourse: on the material of texts of Russian and German printed mass media: [dissertation]. Voronezh. (In Russ.).
10. Koroleva, A.I. (1966). Adjective in Russian and Tajik (comparative characteristics): [abstract of dissertation]. Dushanbe. (In Russ.).
11. Machidov Kh. (2007). Modern Tajik language. Lexicology. Dushanbe. (In Tajik.).
12. Menon, R.N. (1985). Lexical-and-semantic group of Russian adjectives with a meaning of characteristics of a human's appearance: [dissertation]. Moscow. (In Russ.).

13. Nemenova, R.L. (1955). Comparison of grammatical structure of Tajik and Russian languages in teaching of Russian in tajik schools. *Maktabi soveti*, 5, 6—14. (In Russ.).
14. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006). Explanatory dictionary of Russian. Moscow: A TEMP. (In Russ.).
15. Rastorgueva, V.S. (1954). Brief essay of Tajik grammar. Moscow. (In Russ.).
16. Yevgenieva, A.P. (1999). Russian language dictionary. Moscow: Russian language; Poligraph resources. (In Russ.).
17. Stratonova, G.Ya. (1981). Lexical-and-semantic group of adjectives characterizing human's universal abilities (on the material of modern German): [abstract of dissertation]. Leningrad. (In Russ.).
18. Tilloeva, S.M. (2000). Lexical synonymy of adjectives in Tajik and Russian languages: [dissertation]. Dushanbe. (In Russ.).
19. Uspenskaya, L.V. (1984). Nominative parts of speech in Russian and Tajik languages. In *Russian language and literature in Tajik schools*. Dushanbe. pp. 16—25. (In Russ.).
20. Rahimzoda Ramazon, S., Sanginov, A., Hashim, R. & Rautsola, H. (2008). Explanatory dictionary of the Tajik language. (part 1). Dushanbe: Xeroxing. (In Tajik.).
21. Rahimzoda Ramazon, S., Sanginov, A., Hashim, R. & Rautsola, H. (2008). Explanatory dictionary of the Tajik language (2008). (part 2). Dushanbe: Xeroxing. (In Tajik.).
22. Shoev, E. (1984). Suffix word formation of relative adjectives in modern Tajik literary language (on the example of suffix -i / -gi / -vi). Dushanbe. (In Russ.).
23. Schepina, T.S. (1984). Semantic structure of adjectives in modern Russian language: [dissertation]. Moscow. (In Russ.).

Sources

24. Gorky, M. (1982). The mother. Moscow: Children's literature. (In Russ.).
25. Gorky, M. (1989). The mother. Dushanbe: Adib. (In Tajik.).
26. Ikromi, J. (2009). A daughter of fire. Dushanbe: Adib. (In Tajik.).
27. Ikromi, J. (1965). A daughter of fire. Moscow: Izvestia. P. (In Russ.).
28. Tolstoy, L. N. (1983). War and Piece. Moscow: Khudozhestennaya literature. P. 832 (In Russ.).
29. Tolstoy, L. N. (1983). War and Piece. Dushanbe: Adib P. 520 (In Tajik.).
30. Fadeev, A.A. (1982). Young guard. Moscow: Prosvetshenie. (In Russ.).
31. Fadeev, A.A. (1985). Young guard. Dushanbe. (In Tajik.).

Сведения об авторах:

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и межкультурной коммуникации Таджикского национального университета; *научные интересы*: сопоставительная типология, перевод, социолингвистика, лингвокультурология, методика преподавания русского языка; *e-mail*: mnagzibekova@mail.ru

Хасанова Шахло Рахмоновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Таджикского национального университета; *научные интересы*: сопоставительная типология, лингвокультурология, методика преподавания русского языка; *e-mail*: laylo.hasanov@mail.ru

Information about the authors:

Nagzibekova Mekhrinisso Bozorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Translation and Cross-Cultural Communication of Tajik National University; *Interests*: comparative typology, translation, sociolinguistics, linguoculturology; *e-mail*: mnagzibekova@mail.ru

Khassanova Shakhlo Rakhmonovna, Candidate of Philology, Assistant professor, Department of Russian Language of Tajik National University; *Interests*: comparative typology, linguoculturology, methods of teaching of Russian; *e-mail*: laylo.hasanov@mail.ru

Article history:

Received: 24.09.2018

Accepted: 12.10.2018

УДК: 811.16'373.45

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-896-903

ASSIMILATION OF BORROWINGS IN SLAVIC LANGUAGES (in the aspect of Russian-Czech-Slovak comparison)

Elena M. Markova

Kosygin state university of Russian
33, p.1, ul. Sadovnicheskaya, Moscow, Russia, 117997

Katolik university in Ruzhomberok
1A, Hrabovská cesta, Ružomberok, Slovakia, 034 01

Abstract. A rapid increase in borrowings from English is one of the hallmarks of the modern linguistic situation in Slavic languages. Similar diversion processes driven by the active influence of the English language are marked in all Slavic languages, although they take place unevenly, which is shown by a comparative analysis of the Russian language with West Slavic ones, Czech and Slovak. The influence of English is evident not only in the form of direct borrowings, lexical, phraseological and semantic calques from English sources, but also in the penetration of English word-building elements, the impact of the derivational models relevant for the English language, in the import of ways of word-forming reality conceptualization. The article reveals the similarity and specificity of these processes in the Russian, Czech and Slovak languages.

Key words: borrowing processes, word formation, derivational elements derivational models, Slavic languages

INTRODUCTION

The active processes, currently underway in Slavic languages, are understood as various dynamic linguistic phenomena clearly expressed in a short-time interval, which also concern the lexical and word-formative sides of language. Similar diversion processes driven by the active influence of the English language are marked in all Slavic languages, although they take place unevenly, which is shown by a comparative analysis of the Russian language with West Slavic ones, Czech and Slovak. Nowadays, many Russian and Slavic linguists study the problems of the influence of English on the modern Slavic languages at different language levels — V. Berkov, N. Valgina, I. Vepreva, E. Volodarskaia, L. Krysin, E. Marinova, G. Neshchimenko, V. Leichik, L. Ratsiburskaia, E. Shagalova, L. Shestak, N. Iudina (Russia), K. Buzásyová, P. Dvořáček, J. Gazda, L. Janovec, O. Martincova (Czech Republic), T. Grigorianova, J. Furdík (Slovakia), M. Kormilitsyna (Poland), M. Radchenko (Croatia), G. Gochev, M. Parzulova, L. Tsoneva (Bulgaria), etc. The goal of this article is to describe the individual areas of the influence of the English language on the Russian language against the background of the West Slavic ones, Czech and Slovak. The main research methods include observation method, continuous sampling, component analysis method, comparative, synchronic-and-diachronic, descriptive.

PART 1

In the modern era, characterized by globalization processes, the processes of borrowing the vocabulary of Anglo-American origin have intensified in Slavic Languages. However, by the intensity of these processes, the Russian language is on one of the first

places, the linguistic purism, traditional for Czechs and Slovaks, is holding back the flow of foreign words to some extent. Evidence of this are such examples as the Russian *саммит* /sammit/ ‘встреча в верхах’ /vstrecha v verhah/ (“summit”) — Slovak *stretnutie na najvyššej úrovni*, Rus. *консенсус* /konsensus/ ‘соглашение’ /soglasheni/ (“consensus”) — Slov. *zhoda*, Rus. *юзер* /yuzer/ ‘пользователь’ /pol'zovatel/ (“user”) — Slov. *používateľ* (from *používať* ‘to use’), Rus. *электорат* /e'lektorat/ ‘избиратели’ /izbirateli/ (“electorate”) — Slov. *voliči* (from *voliť* ‘to elect’), Rus. *контракт* /kontrakt/ ‘договор’ /dogovor/ (“contract”) — Slov. *zmluva* (rarely *kontrakt*), Rus. *Презент* /prezent/ ‘подарок’ /podarok/ (“present”) — Slov. *darček*, Rus. *инсуин* /shpricz/ (“syringe”) — Slov. *strekačka*, Rus. *Клининг* /klining/ ‘уборка’ /uborka/ (“cleaning”) — Slov. *upratovanie* (from *upratovať* ‘to clean’), Rus. *стикер* /stiker/ ‘наклейка’ /naklejka/ (“sticker”) — Slov. *nálepka* (from *nálepiť* ‘to stick’), Rus. *дайвинг* /dajving/ ‘подводное плавание’ /podvodnoe plavanie/ (“diving”) — Slov. *potápanie*, Rus. *пресс-секретарь* /press-sekretar/ (“press-secretary”) — Slov. *hovorca, hovorkyňa*, Rus. *пон-корн* /pop-korn/ (“popcorn”) — Slov. *pukanec* (from *pukať* ‘to crackle, to pop’), Rus. *макияж* /makiyazh/ (“make-up”) — Slov. *líčenie* (from *lice* ‘face’) etc.

The fact that some Slavonic derivation models still do not lose productivity in the Czech and Slovak languages, for example, the formation of verbal nouns with the formant **-dlo* (rus. *-ло* /-lo/) is the proof that the “purist visor” is still holding back the flow of borrowings in these languages, in the Russian language, this model has long been unproductive, according to our estimates, contemporary Russian language counts about 50 words, both surviving from antiquity (*шило* /shilo/ (“awl”), *мыло* /my'lo/ (“soap”), *рубило* /rubilo/ (“ax”), *сверло* /sverlo/ (“drill”), *зеркало* /zerkalo/ (“mirror”), *покрывало* /pokry'valo/ (“covers”) and others) and the newly formed ones, but having a phonetically altered formant and different semantics — to designate a person (*бомбила* /bombila/ (“gypsy cab driver”), *мазила* /mazila/ (“muff”), *кутила* /kutila/ (“reveller”), etc.). The Czech language counts more than 200 of them (about the same number that the Slavonic language had), and the Slovak — about 100, e.g.: the Czech, Slov. *cedidlo* (“colander”), *čerpadlo* (“pumps”), *držadlo* (“handle”), *platidlo* (“means of payment”), *sladidlo* (“artificial sweetener”), *tužidlo* (“hair styling mousse”), *sedadlo* (“seat”), *operadlo* (“chair back”) and others.

However, it should be noted that the Czech and Slovak languages (the latter even to a bigger extent, for historical reasons) see faster adaptation and assimilation of borrowings to the systems of the adopting languages and their more frequent colloquial use in the lower language register, e.g., the Slov. *kzicht* from German *Gezicht* (“face”) is well known within the meaning of ‘snout, mug’, *žumpa* (“dump”), *kšeft* from German *Gescheft* (“business”) refers to ‘a dishonest business, speculation’, which formed the verb *kšeftovať* (“to speculate”); the words coming from English (colloquial) — *pusa* ‘kiss’, *trema* ‘excitement’, *gumička* ‘chewing gum’, *gul'a* ‘ball, core’, which formed the verb *gul'ať* ‘to roll, to fool’. The Slovak has actively functioning words with English roots — *reprezentant* ‘representative’, *gratulovať* ‘to congratulate’; the verbs *akceptovať* ‘to accept’, *eliminovať* ‘to withdraw’, *redukovať* ‘to reduce’, *absentovať* ‘to be

present’, *disponovat* ‘to dispose, to control’, *preferovat* ‘to prefer’ are commonly used in contrast to their Russian equivalents used only in the scientific style of speech.

By analogy with the word alcoholic, *трудоголик* /trudogolik/ (“workaholic”), *шопоголик* /shopogolik/ (“shopaholic”) were created in the Russian language, in Czech, not only *workoholik* ‘workaholic’ and *šopoholik* ‘shopaholic’ were formed, but also about another 70 derivatives with this affixoid were found in the National body of the Czech language (*čajeholik, polevkoholik, pornoholik, etc.*).

The influence of English is evident not only in the form of numerous lexical borrowing, both direct and calqued, but as phraseological borrowings, which are also often calqued: Rus. *крестный отец* /kryostny’j otec/ / Slov. *krstný otec*, ‘mafia boss’ (from English *godfather*), Rus. *мыльная опера* /my’lnaya opera/ / Czech, Slav. *mydlová opera* (from English *soap opera*), Rus. *отмывать деньги* /otmy’vat’ den’gi/ / Czech *prát špinavé peníze* (from English *to launder money*), *делать деньги* /delat’ den’gi/ / *dělat peníze* (from English *to make money*), etc. Frequent are also semantic calques (secondary borrowing from English words and expressions.): Rus. *теневой* /tenevoj/ (*теневой бизнес* /tenevoj biznes/, *теневая экономика* /tenevaya ekonomika/) / Czech *stínová ekonomika, šedá ekonomika* — from English. *shadow economy, shadow business; продвинутый* /prodvinutyj/ (‘a modern person, familiar with the latest achievements’) / Czech, Slov. *pokročilý* (*používateľ internetu*) — from English *advanced* in the secondary meaning.

The internationalization of Slavic languages lexicons is also expressed in the transformation of foreign words and root morphemes into particular word-forming elements — affixoids. In light of the analysis of trends, numerous compoundings, established in accordance with the model of “immutable determinant + determined noun”, which is productive in Endlish, draw attention, although the productivity of this model differs in various Slavic languages; calques are actively functioning in the Czech and Slovak languages, along with analytical nominations, e.g.: Rus. *бизнес-образование* /biznes-obrazovanie/ (“business education”), *бизнес-школа* /biznes-shkola/ (“business school”), *бизнес-семинар* /biznes-seminar/ (“business seminar”), *бизнес-аналитик* /biznes-analitik/ (“business analyst”), *бизнес-портал* /biznes-portal/ (“business portal”), *бизнес-форум* /biznes-forum/ (“business forum”), *бизнесвумен* /biznes-vumen/ (“business-woman”), etc. / Czech *business třída* ‘business-class’, *business-class, byznysplán, byznyscentrum*, but: *byznysmenka* ‘businesswoman’, along with *podnikatelská veřejnost* ‘business community’, *podnikatelský záměr* ‘business concept’. In contrast to the Russian prefixoid *Internet*, a declinable adjective *internetový* was created in the Czech language: *internetová kavárna* ‘internet cafe’, *internetové podnikání* ‘internet business’, *internetová stránka* ‘web page’, etc., but there are also calques in accordance with the Czech tradition: *obchodování na internet* ‘Internet trading’.

PART 2

It’s not only lexical units, phrasemes, whole word-forming nests, but also affixal morphemes of foreign origin that are formed. High productivity is demonstrated by such prefixes as *супер-*, *мега-*, *экс-* /*super-*, /*mega-*, /*eks-*/: *экс-губернатор* /eks-guernator/ (“ex-governor”), *экс-премьер* /eks-prem’er/ (“ex-premier”), *экс-мэр*

/eks-me`r/ (“*ex-mayor*”), *экс-музыкант* /eks-musy`kant/ (“*ex-musician*”), *экс-милиционер* /eks-milicioner/ (“*ex-militiaman*”), *экс-сотрудник* /eks-sotrudnik/ (“*ex-employee*”), *экс-солист* /eks-solist/ (“*ex-soloist*”), *экс-супруг* /eks-suprug/ (“*ex-husband*”), etc. / Czech *exministr* ‘ex-minister’, *expremiér* ‘ex-premier’, *exposlanec* ‘ex-deputy’, *exkomunista* ‘ex-communist’ etc. However, it is the **-инг** /-ing/ suffix that beats all records by the number of borrowed language units containing it and by its own word-forming activity in the adopting language: Rus. *банкинг* /banking/ (“*banking*”); *зapping* /zapping/, which recorded a modern “disease” of TV viewers — ‘quick switching from one TV program to another, in order not to watch ads’ (from the English *zapping* ‘inclusion’); *каришеринг* /karshering/ (‘car lease for a short time to get there somewhere in the city’) and others.

The influence of English language is also manifested in the impact of its typical word-formation models. While more three decades ago, one could state with confidence that the Slavic languages differ in the frequency of use of various derivation methods, it is now impossible to speak confidently about the derivation priorities. Currently, one can argue that, in addition to the suffixes, traditionally characteristic of Slavic word-formation, analytical design and semantic derivation, univerbation expressed in different kinds of contractions, abbreviations, apocopes, is becoming a productive derivational way of word formation in Slavic languages, e.g., Rus. *инфа* /infa/ from *информация* /informaciya/ (“*information*”); Czech *poč* from *počítač* ‘computer’; Rus. *мерс* /mers/, Czech *mergl* instead of *мерседес* /mersedes/ (“*Mercedes*”), Rus. *макдак* /makdak/ and Czech. *mekáč* — from *Макдональдс* /Makdonald's/ (“*McDonald's*”), etc. Derivation with zero affixation, especially correlated with verbs, belongs to universals of the Slavic word formation, but now there is a steady trend towards the intensification of this process, for example, *прокол* /prokol/ from the verb *проколоться* /prokolot'sya/ in the meaning ‘to make a mistake, to commit an act that reveals the true intentions of smb.’, Czech, Slovak. *kiks* (from *kiksnout* — ‘to lay an egg’) etc.

Univerbation may be accompanied by suffixation: *наличка* /nalichka/ (from *наличные деньги* /nalichny`e den`gi) “cash”, Rus. *тусовка* /tusovka/ “get-together” (along with the even shorter *туса* /tusa/ from *тусоваться* /tusovat'sya/ “to hang out”), *порнуха* /pornuha/ “porn”, *чернуха* /chernuha/ “black humor”, *всяк* /visyak/ “cold case”, *бесполезняк* /bespoleznyak/ “no good”, *голяк* /golyak/ “nada” (from *голый* /golyj/ (‘zero’) result), *ездун* /ezdun/ “rider”, *летун* /letun/ “job hopper”, *замкадье* /zamkadje/ (‘area, located outside Moscow — outside the Moscow ring road, MKAD’, as well as ‘people living in that territory’), Slov. *bakalarka* ‘Bachelor work’, *mobilka* ‘mobile phone’, *běžky* (from *běhat*) ‘skis, used for running’ (as opposed to those for going downhill — *zjazdové lyže*), etc...

In line with the expansion of word formation by univerbation, combined with *ekspressivization* and *axiologisation* of meaning is the increase in formation of semantically compact denominative verbs formed on the basis of phrases — Rus. *романить* /romanit'/ (from *иметь роман* /imet` roman/ “to have an affair”) with the meaning ‘to have a loving relationship, to date smb.’ Rus. *мейлить* /mejlit'/, Czech, Slov. *mailovat* — from *to exchange mail*, Rus. *тусоваться* /tusovat'sya/, *тусить* /tusit'/, Czech *mejdanovat* ‘to hang out’ from *mejdan* ‘get-together, usually in the apartment

of one of its members', Slov. **žurovat'** 'to hang out' from *žur* 'get-together'. Along with the form compression, the hallmark of any univerbation, including verbal, is the condensation of semantics in a more compact, contracted form, in which the semantics of the entire phrase can be expressed implicitly.

The research of uncodified speech gives many examples of the formation of verbs from English sources. Thus, the youth slang marks such units (comp.) as **дефейснуть** /*defeisit'*/ 'to change the look' from the English *deface*, **лукать** /*lukat'*/ from the English *look*, **токать** /*tokat'*/ from the English *talk*, **сфрендиться** /*sfrenditsya*/ — from the English *friend* — the aspective pair for **френдить** /*frendit'*/ 'to be friends with smb.' Slovak neological verbs related to communication on the Internet, have not yet fully adapted, as evidenced by the variant graphic forms: **facebookovat'**, **fejsbúkova'** 'chat on Facebook', **googlovat'**, **gúglovat'** 'to google', **gamifikovat'**, **gejmifikovat'** 'to game', **skypovat'**, **skejповат'** 'to skype', **likovat'**, **lajkovat'** 'to like', **aploadovat'**, **uploadovat'** 'to download' and others.

In Slovak, word creation as part of verbal derivation led to the creation of such words as **dovolenkovat'** 'to be on vacation' from *dovolenka* 'vacation', **prazdninovat'** 'to be on vacation' from *prazdniny* 'vacation', **letovat'** 'to spend the summer', **vidličkovat'** 'to whisk with a fork' from *vidlička* 'fork', **zaškatulovat'** 'to break it all down, to organize' (from *škatule* 'box'), **premierovat'** 'to conduct a performance, film premiere', **hranit' sa** ('scratch the back of the door frame' from *pošuchať sa o hrani*), **gumovat'** 'to erase' (from *guma* 'eraser'), **bodovat'** 'to score points' (from *body* 'points'), etc. A lot of verbal innovations are found in the advertising slogans, e.g.: **S kým bankujete?** (Literally, 'Who are you banking with?', i.e., 'Which bank will you be working with?').

Parallel word formation in Slavic languages becomes a source of new facts of interlingual homonyms, for example, in the case with the Czech **bankovat'** (*s niekým*) 'to enter into a relationship with a bank', and Rus. **банковать** /*bankovat'*/ 'to put money on the line'; the Czech. **mejdanovat'** 'to hang out' from *mejdan* 'get-together' and Rus. **майда-нуть** /*majdanit'*/ 'to protest against the government, to hold a meeting'; the Slov. **gul'at'** 'to roll, fool' and Rus. **гулять** /*gulyat'*/ 'to wander, stroll aimlessly' (and more recently in the expression **гулять по интернету** /*gulyat' po internetu*/ 'to surf the Internet').

Verbs from the nouns with a borrowed productive suffix **-инг** /-ing/, which is an indication of their further development in the Russian language, are actively formed on the Russian soil: **шопинговать** /*shoppingovat'*/ 'to do shopping', **прессинговать** /*pressingovat'*/ 'to put pressure', **демпинговать** /*dempingovat'*/ 'to dump, drastically reduce prices', **рейтинговать** /*reitingovat'*/ 'to rate', **тюнинговать** /*tyuningovat'*/ (from *тюнинг* /*tyuning*/) 'to alter, decorate the exterior of a car, as well as (fig.) the appearance of the person'. The suffixes **-ирова**, **-ова**, **-и** /*-irova*, *-ova*, *-i*/ are also utilized in the formation of denominative verbs — **брендировать** /*brendirovat'*/ (to present as a *brand*), **продюсировать** /*produsirovat'*/ (to act as a *producer*), **офшорить** /*ofshorit'*/ (to provide the territorial right to be an *offshore* zone), **мониторить** /*monitorit'*/ (to exercise *monitoring*, control, inspection).

This trend is also observed in the Slovak language, but the verb forms are formed from nouns with the **-ing** suffix on the Slovak word-formation models without this suffix: **dabing** ‘dubbing’ — **dabovat**, **lobing** ‘lobbying’ — **lobovat**, **koučing** ‘coaching’ — **koučovat**, **forčeking** ‘forcheking’ — **forčekovat**, **doping** ‘doping’ — **dopovat**, **kemping** ‘camping’ — **kempovat**, **dribling** ‘dribbling’ — **driblovat**, **monitoring** ‘monitoring’ — **monitorovat**, **karavaning** ‘caravanning’ — **karavanovat**, **banking** ‘banking’ — the form **bankovat** appeared thanks to advertising. Many **-ing** borrowings have not yet acquired the appropriate verb forms, but their successful adaptation in the lexical system of the Slovak language is indicated by the appearance of adjectival forms — **modeling** — **modelingový**, **klíring** — **klíringový**, **brífing** — **brífingový**, **džoging** — **džogingový** and others.

RESEARCH RESULTS

Active derivational processes in modern Slavic languages, having the same type in their essence, are a testament to their convergence (symmetry), both in the explicit expression that leads to the formation of new interlanguage homonyms, and in the implicit context, in the aspect of internal development trends. The leading role is played by the English language, which is manifested in the form of direct borrowing from it, lexical, phraseological and semantic calques from English sources, in the assimilation and adaptation of English word-building elements and derivational models, in the import of formative ways of reality conceptualization.

© Markova E.

Дата поступления: 15.11.2017

Дата приема в печать: 10.06.2018

REFERENCES

1. Berkov, V. (2003). From the observations of changes in contemporary Slavic languages. In *Modern linguistic processes*. Intercollege. coll. of scien. tr. St. Petersburg, pp. 3—22. (In Russ.)
2. Valgina, N. (2001). *Active processes in the modern Russian language*. Moscow: Logos. (In Russ.)
3. Vepreva, I. & Kupina, N. (2014). On the creative potential of the Russian language, foreign language vocabulary and evaluation with regard to the “alien” word. In *Studia Russico-Slovaca: VERBUM*. Ružomberok. pp. 25—34. (In Russ.)
4. Volodarskaia, E. (2002). Borrowing as a reflection of Russian-English contacts. *Questions of linguistics*, 4, 96—118. (In Russ.)
5. Gochev, G. (2007). On the question of neological processes in modern Russian vocabulary. In *Materials of the 11th MAPRYAL Congress*, Varna, 17—23 Sep., Vol. 3. pp. 59—64. (In Russ.)
6. Leichik, V. (2003). Intellectualization and democratization — opposite tendencies in the development of the modern Russian language. In *Russian language at the turn of the century: active processes*. Moscow. (In Russ.)
7. Markova, E. & Grigorianova, T. (2016). *Dynamic aspects of vocabulary of modern Slavic languages*. Brno: TRIBUN EU. (In Russ.)
8. Markova, E. (2012). Key Trends in the vocabulary of modern Slavic languages. *Proceedings of the 5th Internat. Scien. Conf. “Russian language in the linguistic and cultural space of Europe and the world: Man. Conscience. Communication. Internet” 9—13 May, 2012*. Warsaw. pp. 899—904. (In Russ.)

9. Neshchimenko, G. (2009). Borrowings vs internationalism in the modern verbal communication. In *Prejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce. pp. 29—41. (In Russ.)
10. Remchukova, E. (2010). Creative potential of Russian grammar. Moscow: URSS. (In Russ.)
11. Buzásyová, K. (2003). K dimenziám internacionalizácie slovnjej zásoby. *Internacionalizmy v nové slovní zásobě*. Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky. pp. 5—16.
12. Dvořáček, P. (2005). Česko-ruský slovník nových a problémových výrazů. 2. doplněné a přepracované vydání. Praha/
13. Janovec, L. (2013). Neologie. *Studie k moderní mluvnici češtiny, 4. Dynamika českého lexika a lexikologie*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci. pp. 105—130.
14. Furdík, J. (2005). Integračné procesy pri lexikálnych prevzatiach. *Život so slovotvorbou a lexikológiou*. Košice: Vydavateľstvo LG. pp. 373—380.
15. Martincová, O. (2005). Nová slovesná pojmenování. In *Neologizmy v dnešní češtině*. Praha: ÚJČ AV ČR. pp. 119—133.

УДК: 811.16'373.45

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-896-903

УСВОЕНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (в аспекте российско-чешско-словацкого сравнения)

Е.М. Маркова

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
117997, Россия, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1

Католический университет в Ружомберке (Словакия)
1A, Hrabovská cesta, Ružomberok, Slovakia, 034 01

Быстрый рост заимствований из английского языка является одной из отличительных черт современной языковой ситуации в славянских языках. Аналогичные диверсионные процессы, обусловленные активным влиянием английского языка, отмечаются во всех славянских языках, хотя и протекают неравномерно, о чем свидетельствует сравнительный анализ русского языка с западнославянским, чешским и словацким. Влияние английского языка проявляется не только в виде прямых заимствований, лексических, фразеологических и семантических калек из английских источников, но и в проникновении в английский язык словообразовательных элементов, влиянии релевантных для английского языка словообразовательных моделей, в импорте способов концептуализации словообразовательной реальности. Статья раскрывает сходство и специфику этих процессов в русском, чешском и словацком языках.

Ключевые слова: процессы заимствования, словообразование, словообразовательные элементы, словообразовательные модели, славянские языки

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берков В.П. Из наблюдений над изменениями в современных славянских языках // Современные языковые процессы. Межвуз. сб. научн. тр. СПб., 2003. С. 3—22.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001.
3. Вепрева И.Т., Кутина Н.А. О творческом потенциале русского языка, иноязычной лексике и оценочном отношении к «чужому» слову // *Studia Russico-Slovaca: VERBUM*. Ružomberok, 2014. С. 25—34.
4. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 96—118.

5. *Гочев Г.Н.* К вопросу о неологических процессах в современной русской лексике // Мат-лы XI Конгресса МАПРЯЛ, Варна, 17—23 сент., Т. 3. 2007. С. 59—64.
6. *Лейчик В.М.* Интеллектуализация и демократизация — противоположные тенденции в развитии современного русского языка // *Русский язык на рубеже веков: активные процессы.* М., 2003.
7. *Маркова Е., Григорянова Т.* Динамические аспекты лексики современных славянских языков. Врно: TRIBUN EU, 2016.
8. *Маркова Е.М.* Основные тенденции в лексике современных славянских языков // Материалы V Междун. научн. конф. «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет» 9—13 мая 2012 г. Варшава, 2012. С. 899—904.
9. *Нещименко Г.П.* Заимствования vs. интернационализмы в современной вербальной коммуникации // *Prejawy internacionalizacji w językach słowiańskich.* Siedlce, 2009. С. 29—41.
10. *Ремчукова Е.Н.* Креативный потенциал русской грамматики. М.: URSS, 2010.
11. *Buzásyová K.* K dimenziám internacionalizácie slovnjej zásoby // *Internacionalizmy v nové slovní zásobě.* Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky 2003. С. 5—16.
12. *Dvořáček P.* Česko-ruský slovník nových a problémových výrazů. 2. doplněné a přepracované vydání. Praha, 2005. 383 s.
13. *Janovec L.* Neologie // *Studie k moderní mluvnici češtiny, 4. Dynamika českého lexika a lexicologie.* Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013. С. 105—130.
14. *Furdík J.* Integročné procesy pri lexikálnych prevzatiach // *Život so slovtvorbou a lexicológiou.* Košice: Vydavateľstvo LG. 2005. С. 373—380.
15. *Martincová O.* Nová slovesná pojmenování // *Neologizmy v dnešní češtině.* Praha: ÚJČ AV ČR, 2005. С. 119—133.

Для цитирования:

Маркова Е.М. Усвоение заимствований в славянских языках (в аспекте российско-чешско-словацкого сравнения) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2018. Т. 9. № 4. С. 896—903. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-896-903.

For citation:

Markova, E.M. (2018). Assimilation of borrowings in slavic languages (in the aspect of russian-czech-slovak comparison). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 896—903. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-896-903.

Сведения об авторе:

Елена Михайловна Маркова, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии, Католический университет в Ружомберке (Словакия), Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина; e-mail: Elena-m-m@mail.ru

Information about the author:

Elena M. Markova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Studies, Katolik university (Ružomberok), Kosygin state university of Russian; e-mail: Elena-m-m@mail.ru

УДК: 81'255.2:821.111-31

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-904-910

COGNITIVE ASPECT OF ENGLISH-RUSSIAN METAPHOR TRANSLATION IN JULIAN BARNES'S *TALKING IT OVER*

Larisa N. Lunkova, Maria S. Pavlova

State University of Humanities and Social Studies — GSGU University
Russia, Kolomna, Zelyonaya str., 30, 140410

Abstract. The article focuses on the aspects of interpretation of fiction within the framework of cognitive metaphor analysis in Julian Barnes's novel *Talking it Over*. The article begins with the overview of the major issues and the standard strategies of metaphor translation. Within the present paper translation is viewed as a process which relies on the translator's competence to 'dive into' the source language continuum, i.e. a different social and cultural dimension and disclose the interaction of the mind-scope of the author of the source text and the translator via the dialogue of cultures. There are two reasons due to which metaphor analysis can be conducted. Firstly, metaphors are typical in any natural language, so that's why they can be translated. Secondly, the fact is that translation is always viewed as a phenomenon of cross-cultural communication, whereas metaphor is part and parcel of culture. Metaphor creates a significant challenge for the translator. There are some difficulties in the translation of metaphor. Culturally-bound metaphors are often misunderstood when they are translated from the source language into the target one. Optimizing cross-cultural communication can be done within the "author-text-reader" interpretation triangle when the translation should be accompanied by a cognitive interpretation and lingvocultural commentaries.

Key words: translation, translation unit, metaphorical unit, equivalent, image, interpretation, cognitive aspect, dialogue of cultures

1. INTRODUCTION

Current theories of translation have developed a range of ambiguous definitions of translation unit. Reflecting on the minimal translation unit, Leonid Barkhudarov suggested that "such unit can have an equivalent in the target text, but its constituent parts, when taken isolated, do not have such equivalents in the target text". Thus, Barkhudarov suggests that a fragment of the source text with an equivalent in the target text may be called a translation unit. In the present study we are treating a metaphorical unit as a translation unit. Metaphor analysis from a translation aspect can be deemed possible due to the following reasons:

1. Metaphors can be translated as metaphor is typical of any natural language.
2. Translation is always viewed as a phenomenon of cross-cultural communication which takes place within the framework of the dialog of cultures, whereas metaphor is part and parcel of culture, unit of the same prominence as concepts, which often breed metaphors.

Being a unit universally used in any language, metaphor, paradoxically, creates a significant challenge for the translator. There are obvious difficulties, pertaining to the translation of metaphor. Difficulties in understanding the translated text by the target language audience are often rooted in the misunderstanding of the culturally-bound

metaphor. The phenomena which are either absent in the target text culture or visibly differ in source and target text cultures, often hinder efficient cross-cultural interaction of the author and the reader. In order to optimize cross-cultural communication within the ‘author-text-reader’ interpretation triangle, the mere translation of the metaphor shall not suffice, if not accompanied by a cognitive interpretation and a linguocultural commentary.

Many metaphors, particularly cognitive, are culturally bound, which in turn results in the source text being misread by the recipient. Such metaphorical units can only be understood if the source and target texts are juxtaposed and the target ext in this juxtaposition shall be viewed as a result of cross-cultural communication and a representation of a foreign-language culture in the mind of the recipient.

2. ANALYZING THE PROBLEM OF METAPHOR TRANSLATION

The problem of metaphor translation is often viewed in conjunction with the essential property and prerequisite of the sheer existence of a translated text, i.e. equivalence. In this respect special attention should be paid to the works of Eugene Nida, who fairly put it that translation is the closest and the most natural equivalent of the source language text in the target language. Thus, the aim of our study is to extract cognitive information which is stored not only the ‘linguistic dimension’, but also ensures both cross-cultural and interlingual equivalence during the comparison of source and target text. The first step in retrieving and understanding cognitive information contained in this novel consists in ‘chunking’ the source text into thematic situations, i.e. Splitting the global macrostrategy which is connected with the theme of the text into microstrategies.

So, in Julian Barnes’s novel *Talking it Over* the main thematic situation is the love triangle between the main characters Oliver, Stuart and Gillian. Their relations become the foundation of such microstrategies as Oliver — Stuart, Oliver — Gillian, Stuart — Gillian. We believe these links are the main in the text.

In order to decode the Oliver — Gillian link, we have to look at the text itself. Cognitive strategies of quality textual changes facilitate the extraction of information concerning the appearance of the protagonists, their emotional state and interpersonal relations. The quality property of such constructs is inherent in the formal structure with not only nominal, but also attributive limited metaphorical content with the meaning of property, size, colour, form and shape of the item (e.g., *tranquil eyes*, out of my *skull with happiness*; But what *I* needed them for was to deliver *the heart, rubescent and entire*, he really *did blush* at that. Completely *scarlet*. Even his *ears went bright red*.) The information retrieval paradigm of quality of metaphorical units of the source text is based on the repeated use of metaphorical models which create a close interrelation between the external image and the inner world of the protagonist — Oliver. Let us look at the situation in more detail in order to retrieve the cognitive information about Oliver — Stuart microstrategy:

*So I strolled amid the base huts sheltering those **far-flung operatives of commerce**, waiting for **the heat of the day** to draw the moisture from my 60/40 silk/viscose trouser mix. That’s what I feel like myself, and rather too often, if you must know: **60 per cent silk and 40 per cent viscose**. Sleek but inclined to rumple. Whereas **Stuart is 100 per cent man-made fibre**: hard to crush, easy to wash, simple to drip-dry, stains merely lift out (J. Barnes. *Talking it over*).*

Looking the present description at the lexical level, we see that the author uses genuine metaphors to juxtapose the protagonists. This assumption is confirmed by the following metaphorical situation *We are cut from a different cloth, Stu and I*. While translating this metaphor into Russian, the translator tried to retain the same metaphorical image, while making it more familiar for the target language audience:

Мы со Стю выстроены из разных материй (My so Styu vystroeny iz raznykh materij — Stu and I are built from the matter of different sorts).

Thus the confrontation between Oliver and Stuart becomes apparent. The author very skillfully uses juxtaposition as a special means of creating the concept, which in turn contributes to the aesthetics of the novel. Nearly all interpersonal relations are given by the author based on the juxtaposition of the characters of the protagonists. Oliver compares the composition of his trousers with his own character and the character of Stuart:

That's what I feel like myself, and rather too often, if you must know: 60 per cent silk and 40 per cent viscose. Sleek but inclined to rumple. Whereas Stuart is 100 per cent man-made fibre: hard to crush, easy to wash, simple to drip-dry, stains merely lift out.

In this instance the author himself provides the explanation, so that the ground of the metaphor was more evident and thus understandable for both the reader and the translator.

В то время как Стюарт — стопроцентный хэ-бэ, тканый вручную, — несминаемый, легко стирается, сохнет без выжимания, пятна не остаются (V to vremya kak Styuart — stoprotsentnyy khe-be. tkannyu vruchnuyu. — nesminayemyy. legko stirayetsya. sokhnet bez vyzhimaniya. pyatna ne ostayutsya. — Whereas Stuart is one hundred percent hand-woven cotton wool, uncreasable, easily washed, dries without squeezing, spots do not remain).

As it can be seen in the example, the translator uses the colloquial *хэ-бэ (Khe-be)* for *fibre*, thus retaining the metaphorical image, which remains natural for the Russian reader. Thus, from the perspective of cognitive metaphor translation theory the cultural component which is the ground of the conceptual metaphor allows to trace certain similarities in how human experience is structured in different cultures. In this example we can see that the projection from one sphere to the other in metaphors is similar in both source and target languages, which is a manifestation of a conceptual shift between two languages. Having analyzed the translation of the metaphor within the framework of the suggested scenario, we can see that these metaphors are similar in both source and target languages and cannot be viewed as an example of the 'cultural distance' issue.

3. CORRECT CONCEPTUALIZATION OF THE METAPHORICAL IMAGE

Naturally, the extraction of cognitive information from metaphors requires not only sheer knowledge, but also opinions, values and emotions required for the correct conceptualization of the metaphorical image. According to P. Newmark, metaphor translation fully depends on the type of the text in which it is employed. Newmark singles out two types of texts:

1) *informative*, in which lexicalized metaphors are not functionally loaded and thus have higher translatability and

2) *expressive*, in which metaphors convey a lot of information and have low translatability as they contain contextual, semantic and pragmatic information.

Here is an example of an informative metaphorical context:

I have this game with myself, me and Linzi both play it, you decide how fanciable someone is. If they're not very fanciable, you say, 'He's only a Tuesday,' meaning if he asked you out you'd only keep one night of the week free for him. The best is to call someone 'Seven Days of the Week', which means you'd keep every day free if he asked. So this boy is looking at the irises and I'm doing the VAT on a multiple despatch but I'm also looking out of the corner of my eye and thinking, 'You're a Monday to Friday'.

Let us look at the target language version and assess the level of translatability of the italicized metaphors:

А у нас с Линзи такая игра: мы ставим им отметки в днях недели. Если не очень нравится, мы говорим: «Этот — на вторник». В смысле, если пригласит, можно уделить ему из всей недели один вечер. А высший бал — «Семь дней в неделю». То есть для него, если позовет, — хоть каждый вечер. Ну, так вот, этот парень рассматривает ирисы, я заполняю ведомость по налогу на добавленную стоимость, а сама поглядываю на него краем глаза и думаю: «Ты — с понедельника по пятницу».

(А u nas s Linzi takaya igra: my stavim im otmetki v dnyakh nedeli. Esli ne ochen nravitsya, my govorim: 'Etot — na vtornik'. V smysle, esli priglasit, možno udelit emu iz vsej nedeli odin vecher. A vysshij bal — 'Sem dnevy v nedelyu'. To est dlya nego, esli pozovet, — khot kazhdyy vecher. Nu, tak vot, etot paren rassmatrivayet irisy, ya zapolnyayu vedomost po nalogu na dobavlennuyu stoimost. a sama poglyadyvayu na nego krayem glaza i dumayu: 'Ty — s ponedelnika po pyatnitsu' — Linzy and I, we have a kind of game: we put marks on weekdays. If we do not particularly like it we say: *This one for Tuesday*. In the sense, if he invites we can give him only one evening of the whole week. So this guy observes the irises, I fill in the VAT form, while watching him with a corner of my eye and think: *You are from Monday to Friday*.)

The context below shows that the italicized metaphors were retained in the target language, they are not functionally loaded, thus, they are highly translatable.

Expressive metaphorical context poses a certain difficulty for the translator. In this case translation should be viewed as a process which relies on the translator's competence to 'dive into' the source language continuum, i.e. a different social and cultural dimension and disclose the interaction of the mind-scope of the author of the source text and the translator via the dialogue of cultures.

*OK, OK, I feel a bit bad, but what would you have done? I know, you wouldn't have been there in the first place. But I was, and that's always going to be the brute difference between us, isn't it? Still, **did you cop the panache**? I have to hand it to myself, I really do. And what about **the Ancient Mariner sleeve-tugging aspect**? That worked out really well, didn't it? I've always said, if you want to outwit an Englishman, touch him when he doesn't want to be touched. Hand on the arm plus emotional confession. They can't bear that, the Anglos, they'll cringe and shiver and **swallow whatever you tell them**. 'Like trying to ease an oyster into a parking meter.' Did you see Stuart's face when I left him? What **a cameo of tender concern**.*

The main prerequisite for adequate translation of such metaphorical units and consequent communication is the achieving of the so-called ‘sense contact’ which is based on the alignment of the ‘sense focuses’ of the generated text and the text under interpretation. Such ‘focuses of meaning’ function as a platform for efficient interaction between the author and the translator in the situation of cross-cultural communication. For example, the first metaphor *feel a bit bad* was translated into Russian as *испытывать некоторые угрызения совести* (*ispytyvat' nekotorye ugryzeniya sovesti* — *feel some twinges of conscience*). The sense focuses of the metaphor in the source and target texts do not coincide, which in turn means that the metaphor in the target text contains new associations. The phrase *feel bad* means to feel bad physically, whereas its Russian translation *испытывать некоторые угрызения совести* (*ispytyvat' nekotorye ugryzeniya sovesti* — *feel some twinges of conscience*) are more likely to be associated with the morality of the character. The metaphor *did you cop the panache* acquired in the Russian translation certain features an idiom and in this particular instance we can only speak of apparent equivalence of the translation of the metaphor *разве я не заслужил перо в шляпу?* (*razve ya ne zasluzhil pero v shlyapu?* — *did I not deserve a feather in my hat?*) as related to that in the source text. While modeling the contextual equivalent for the target text in Russian, the translator acts an interpreter of conceptual information on which the metaphor is based. Feathers in headwear symbolize power and triumph. This symbol in particular help to interpret the metaphorical situation correctly and understand the joy of the protagonist. *And what about the Ancient Mariner sleeve-tugging aspect? That worked out really well, didn't it?*

4. CONCLUSION

The cognitive aspect of metaphor translations allows to study the deeper meaning of the particular metaphorical unit in the target language and understand the concept of the whole work of fiction. The intellectual and emotional perception of the text, understanding of its meaning happens on this stage. Despite this, the following strategies for metaphor translation were implemented here:

- 1) retaining the same metaphorical image, but making it more natural for the speakers of the target language;
- 2) replacement of a metaphor with other equivalent metaphor;
- 3) retaining the metaphorical image with additions of explanations which make the ground of the metaphor more understandable.

At the same time it should be noted that the degree of translatability of any metaphor from any source language depends of the specific knowledge of the source language culture and the semantic associations which were added to the metaphor, as well as the translation potential of the metaphor, i.e. the chance of failure to translate the metaphor which depends on the particular situation.

© Larisa N. Lunkova, Maria S. Pavlova
Article history:
Received: 15.09.2018
Accepted: 12.10.2018

REFERENCES

1. Barnes, J. (2004). *Talking it Over. Love, etc. Metroland Novels*. Moscow: AST Publishing House, LLC: OJSC 'LUKS'.
2. Barkhudarov, L.S. (1975). *Language and Translation. Aspects of General and Special Translation Theory*. Moscow: Mezhdunarodnie Otnosheniya.
3. Dridze, T.M. (1996). *Socail Communication As Textual Activity In Semiosociopsychology. Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, 3, 145—152.
4. Kuznetsov, V.G. (2011). *Cognitive Aspect of Implicit Motivation of the Language Sign. Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 1, 15—22.
5. Markovina, I.Yu. & Sorokin, Yu.A. (2008). *Culture and text. Introduction to Lacunology: A Textbook*. Moscow: GEOTAR-Media.
6. Fosenko, T.A. (2002). *Translation Process Modeling Within The Context Of Matter of Consciousness*. In *Mezhkulturnaya kommunikatsiya i problemy natsionalnoy identichnosti: Sb. nauch. tr.* Voronezh: Voronezh. Gos. un-t, pp. 125—134.
7. Barnes, J. (1991). *Talking it over*. Vintage Books: Random House, Inc., New York.
8. Newmark, P. (1998). *The Translation of Metaphor. Approaches to Translation*. New York.

УДК: 81'255.2:821.111-31

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-904-910

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. БАРНСА «КАК ВСЕ БЫЛО»

Л.Н. Лунькова, М.С. Павлова

Государственный социально-гуманитарный университет
Россия, Коломна, ул. Зеленая, 30, 140410

Статья рассматривает вопросы интерпретации художественного текста через когнитивный анализ метафор на примере романа Дж. Барнса «Как все было». Анализируются основные проблемы перевода метафор, а также принимаются во внимание традиционные правила перевода метафоры. В контексте данной работы перевод рассматривается как процесс, основанный на способности переводчика погрузиться в континуум другого языка, в иное социокультурное измерение и продемонстрировать взаимодействие сознаний автора и переводчика через диалог культур. В статье предлагаются две причины анализа метафоры. Первая причина состоит в том, что перевод метафорических единиц возможен, так как метафора является принадлежностью любого языка. Вторая причина заключается в том, что перевод всегда рассматривается как феномен межкультурной коммуникации, осуществляемой в рамках диалога культур. Перевод метафоры представляет определенную сложность для переводчика. Например, трудности восприятия реципиентом иноязычного текста обычно обусловлены неадекватным пониманием значения метафор с культурной составляющей. Для оптимизации межкультурного общения в рамках герменевтического треугольника автор—текст—читатель необходим не только перевод метафорических единиц с языка оригинала на родной язык, но и когнитивная интерпретация метафор и лингвокультурный комментарий.

Ключевые слова: перевод, единица перевода, метафорическая единица, эквивалент, образ, интерпретация, когнитивный аспект, диалог культур

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Барнс Д.* Как все было. Любовь и так далее. Метроленд. М.: АСТ, Люкс, 2004.
2. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975.

3. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии статья // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145—152.
4. Кузнецов В.Г. Когнитивный аспект имплицитной мотивированности языкового знака // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 15—22.
5. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учебник. М.: GEOTAR-Media, 2008. С. 32.
6. Фосенко Т.А. Моделирование процесса перевода в контексте метатеории сознания. Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сб. науч. тр. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 125—134.
7. Barnes J. Talking it over. Vintage Books: Random House, Inc., N-Y, 1991.
8. Newmark P. The Translation of Metaphor. *Approaches to Translation*. N-Y, 1998.

Для цитирования:

Лунькова Л.Н., Павлова М.С. Когнитивный аспект перевода метафоры на материале романа Дж. Барнса «Как все было» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 4. С. 904—910. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-904-910.

For citation:

Lunkova, L.N. & Pavlova, M.S. (2018). Cognitive Aspect of English-Russian Metaphor Translation in Julian Barnes's *Talking it Over*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 904—910. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-904-910.

Сведения об авторах:

Лунькова Лариса Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка факультета иностранных языков Государственного социально-гуманитарного университета. *Сфера научных интересов*: теоретическое и прикладное языкознание, анализ текста и дискурса; *e-mail*: lora@list.ru

Павлова Мария Сергеевна, аспирант четвертого года обучения на кафедре лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Государственного социально-гуманитарного университета. *Сфера научных интересов*: анализ текста и дискурса, интерпретация текста; *e-mail*: marija-pavlova1993@yandex.ru

Information about the authors:

Lunkova Larisa Nikolaevna, Dr. habilis, Professor of the English Language Department, Faculty of Foreign Languages. *Sphere of scientific research*: theoretical and applied linguistics, text and discourse analysis; *e-mail*: lora@list.ru

Pavlova Maria Sergeevna, a fourth year PhD student of the Linguistics and Cross-Cultural Communication Department, Faculty of Foreign Languages. *Sphere of scientific research*: text and discourse studies, text analysis; *e-mail*: marija-pavlova1993@yandex.ru

УДК: [811.161.1:811.581]'373.45
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-911-925

ЗАИМСТВОВАННОЕ КОМПЬЮТЕРНОЕ И СЕТЕВОЕ СЛОВО В РУССКОЯЗЫЧНОМ И КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА

В.Н. Денисенко, Чжан Кэ

Российский университет дружбы народов
Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198

Данная статья посвящена актуальной в современной лингвистике теме анализа заимствованной лексики в русском и китайском языках и языковым процессам на материале лексики интернет-общения в сфере компьютерных и сетевых технологий.

В статье приводится сопоставительный анализ способов заимствования иноязычных лексических единиц в области информационно-коммуникационных технологий в русском и китайском языках. Авторы выделяют такие типы заимствований, как фонетические и семантические (*словообразовательные* и *сочетаемостные* кальки; этимологические кальки, семантические кальки) в русском языке и фонетические и семантические заимствования в китайском языке, а также графические заимствованные компьютерные и сетевые термины, используемые на русскоязычном и китайскоязычном форумах, и заимствование англоязычных аббревиатурных терминов русским и китайским языками. Отдельно рассмотрена профессиональная и сленговая лексика в сфере информационно-коммуникативных технологий, употребляемая на русскоязычном и китайскоязычном форумах.

Основное внимание уделяется особенностям их образования и функционирования в русскоязычном и китайскоязычном коммуникативном пространстве Интернета.

Ключевые слова: компьютерный термин, способ заимствования, профессиональная лексика, компьютерный сленгизм, интернет-общение

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к проблематике заимствования имеет давнюю историю в российском языкознании, начиная с трудов Я.К. Грота (1903), продолжая работами лингвистов XX века, например, Л.П. Крысина [1], Е.В. Мариновой [2] и в китайской лингвистике в работах таких языковедов, как Гао Минкай, Лю Чжэньян [3], Гэ Бэньи [4], Ло Чанпэй [5], Лю Юнцзоань [6], Ши Ювэй [7].

В настоящее время актуальным является рассмотрение особенностей процесса заимствования на материале разнотипных языков. Так, Н.В. Перфильева и Ху Пэй Пэй отмечают, что в процессе заимствования и освоения неологизмов-англицизмов в русском и китайском языках наблюдаются сходства и различия. Если сходства обнаруживаются в моделировании сложно-сокращенных слов и транслитерации (фонетико-графическом освоении), то семантические модели, обусловленные калькированием, выявляют различия. «Особо подчеркнем, что иероглифическое идеографическое письмо китайского языка в большей степени, чем звукобуквенное письмо английского и русского языков, влияет на специфику освоения заимствований, прежде всего на их семантизацию» [8. С. 74].

Информационный бум, связанный с революционным развитием компьютерных и сетевых технологий, повлиял на многие языковые процессы, в первую

очередь — на лексическую систему. Появился целый пласт специальных терминов и профессионализмов, принадлежащих к этой сфере деятельности. Однако наряду с терминологическими профессиональными словами, которые употребляются в кругу специалистов в области компьютеров и Интернета, существуют слова, которые можно выделить в отдельный групповой подязык пользователей, не относящихся к профессионалам, но успешно осваивающих и использующих компьютерные и сетевые технологии.

В данной статье будут рассмотрены процессы, имеющие место в русскоязычном и китайскоязычном интернет-общении в сфере компьютерных и сетевых технологий. Материалом исследования послужили компьютерные и сетевые лексические единицы, содержащиеся в словарях терминов и текстах сообщений пользователей Интернета на специализированных форумах.

Поскольку начало бурного развития информационно-коммуникационных технологий и их импорта в другие страны было положено в англоязычной стране (США), начальным этапом создания лексических единиц в данной сфере в русском и китайском языках является активное заимствование из английского языка. Исследуемый материал показал, что англоязычные заимствованные лексические единицы, используемые в сфере информационно-коммуникационных технологий, довольно неоднородны. Особенности их функционирования зависят от квалификации специалистов, принадлежности к профессиональным или непрофессиональным группам, степени владения техническими знаниями, определенной ситуации общения и т.д.

Информационно-коммуникационные технологии обладают определенной терминологической системой, как и все другие сферы деятельности. Как известно, термины служат специальными, ограничительными обозначениями, характерными для определенной сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. Термины, с одной стороны, относятся к научному стилю литературного языка, а с другой — принадлежат к профессиональным подъязыкам. Подразумевается, что активный процесс заимствования англоязычной компьютерной лексики имеет интернациональный характер. В.П. Берков отмечает «колоссальное обогащение словарного состава языка, в первую очередь за счет научно-технической терминологии» [9. С. 3]. Новые компьютерные термины из английского языка заимствуются не только во многие индоевропейские языки, например, в русский язык, но и в относительно закрытую китайскую языковую систему. Являясь интернационализмами, они составляют значительный массив в информационно-технической терминологии русского и китайского языков.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАННЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ И СЕТЕВЫЕ ТЕРМИНЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В русском языке большая часть англоязычных компьютерных и сетевых терминов являются фонетически заимствованными. Они заимствуются в звуковом облике, приближенном к прототипу, и в том же значении. Приведем примеры:

ассемблер (англ. *assembler*), *апплет* (англ. *applet*), *браузер* (англ. *browser*), *буфер* (англ. *buffer*), *драйвер* (англ. *driver*), *контроллер* (англ. *controller*), *монитор* (англ. *monitor*),

файл (англ. *file*), *веб-сервер* (англ. *Web-server*), *роутер* (англ. *router*), *блог* (англ. *blog*), *чат* (англ. *chat*), *фишинг* (англ. *phishing*), *логин* (англ. *login*), *домен* (англ. *domain*), *сайт* (англ. *site*), *скриншот* (англ. *screenshot*), *спам* (англ. *spam*), *трафик* (англ. *traffic*) и др.

Компьютерные термины заимствуются русским языком и способом калькирования. Семантические заимствованные компьютерные термины могут разделиться на при основных типа:

Первый тип. Лексические структурные (называются российскими лингвистами *словообразовательными* — словообразовательный состав иностранного слова был калькирован) и *сочетаемостьные* кальки (сочетание слов, созданное в результате перевода иностранных словосочетаний) [1. С. 223], например:

проигрыватель (англ. *player*), *автообновление* (англ. *autoupdate*), *аудиопечатаение* (англ. *audiotyping*), *переадресация* (англ. *redirection*), *материнская плата* (англ. *motherboard*), *рабочая станция* (англ. *workstation*), *горячая клавиша* (англ. *hotkey*), *зарегистрированный пользователь* (англ. *authorized user*), *голосовая почта* (англ. *voice mail*), *удаленный доступ* (англ. *remote access*).

Полукальками (созданными частично путем перевода иноязычных прототипов) как разновидность структурных и сочетаемостьных калек в нашем материале являются, например, такие слова:

автозагрузка (англ. *autodump*), *двумодовый* (англ. *dual-mode*), *аудиоплата* (англ. *audioadapter*), *СД-проигрыватель / компакт-диск-проигрыватель* (англ. *CD player*), *веб-страница* (англ. *webpage*), *жесткий диск* (англ. *hard disk*), *домашний офис* (англ. *home office*), *сенсорный экран* (англ. *sensory screen*), *карта памяти* (англ. *memory card*), *область уведомлений* (англ. *notification area*).

Второй тип. Этимологические кальки

Доля этимологических калек (дающих перевод иностранного слова описательно и творчески) в русском языке гораздо меньше, чем в китайском, они даже игнорируются в большинстве исследований российских лингвистов. Лексические кальки в русском языке по способам калькирования традиционно разделяются на две группы: структурные (словообразовательные) и семантические. Впрочем, в нашем материале мы обнаружили компьютерные кальки, дающие перевод иноязычных терминов описательно (например, *автозагрузка* от англ. *startup*), которые могут относиться к этимологическим калькам, только они в своем абсолютном большинстве образуются в русском языке описательными оборотами:

программное обеспечение (англ. *software*); *рабочий стол* (англ. *desktop*); *обратная связь* (англ. *feedback*); *панель инструментов* (англ. *toolbar*); *иконка с эмоцией* (англ. *emoticon*); *рыбная ловля* (англ. *phishing*); *канал связи* (англ. *channel*); *проверка подлинности* (англ. *authentication*).

Третий тип. Семантические кальки

Семантические кальки образуются под влиянием английского языка в результате переосмысления семантики старых слов. Русский язык допускает привнесение значения семантического слова-эквивалента из другого языка, затем появляются вторичные (переносные) значения у слова, которое в своем звучании, материальном составе и словообразовательной структуре является исконным. Само слово

с новым значением российские лингвисты называют семантической калькой. Например:

мышь (англ. *mouse*), *окно* (англ. *windows*), *ссылка* (англ. *link*), *слой* (англ. *layer*), *сеть/паутина* (англ. *web*), *поток* (англ. *flow*), *регулятор* (англ. *slider*), *данные* (англ. *data*), *чистильщик* (англ. *cleaner*), *папка* (англ. *folder*), *загрузчик* (англ. *loader*), *скачивать* (англ. *download*), *переключатель* (англ. *switch*), *упорядочить* (англ. *arrange*), *устанавливать* (англ. *install*), *обновлять* (англ. *refresh*), *восстанавливать* (англ. *restore*), *отменять* (англ. *cancel*), *удалить и вставить* (англ. *cut and paste*) и др.

В русском языке наряду с этимологической калькой (чаще всего созданной сочетанием слов, дающей перевод иноязычного компьютерного слова описательно) употребляется и лексическая единица, заимствованная фонетическим способом от одного и того же иноязычного слова-источника:

программное обеспечение и софтвер (англ. *software*); *рабочий стол и десктоп* (англ. *desktop*); *обратная связь и фидбэк/фидбек* (англ. *feedback*); *панель инструментов и тулбар* (англ. *toolbar*) и т.п.

По сравнению с параллельно существующим в языке калькированным словосочетанием фонетическое заимствованное слово как однословная номинация обладает одним из коммуникативных преимуществ — краткостью. При этом фонетические варианты как профессионализмы активно функционируют в кругу специалистов в области компьютеров. Например, в речи участников форума чаще встречается фонетический вариант *аккаунт* от англ. *account*, чем семантический — *учетная запись*.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАННЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ И СЕТЕВЫЕ ТЕРМИНЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В отличие от русского языка китайский язык чаще всего заимствует компьютерную лексику способом калькирования. В нашем материале фонетическими заимствованными терминами являются несколько слов:

比特 [би тэ] (от англ. *bit, binary digit*) — «двоичное число»; *麦克风* [май кэ фон] (от англ. *microphone*) — «микрофон»; *拷贝* [као бэй] (от англ. *copy*) — «копия, копировать»; *谷歌* [гу гэ] (от англ. *google*) — «поисковая система»; *路由器* [лу ю ци] (от англ. *router*), в котором «*路由*» [лу ю] (фон. запись) + «*器*» [ци] (морфема со значением «электронная аппаратура») — «маршрутизатор». Заимствованных терминов, занимающих промежуточное положение между словами фонетическими и семантическими, так называемых полукалек, нами было обнаружено только три: *因特网* [ин тэ ван] («интернет», англ. *internet*), в котором «*因特*» [ин тэ] указывает на звучание *inter* и не имеют в данном употреблении собственного значения, а «*网*» «сеть» — перевод части слова-прототипа *net*; *多媒体* [до мэй ти] («мультимедиа», англ. *multimedia*) = *多* «много» + *媒体* [мэй ти] (фонетическая запись *media*); *搜索引擎*

[*со суо инь син*] («поисковая система», англ. *SearchEngine*) = 搜索 «поисковая» + 引擎 [*инь син*] (фонетическая запись *Engine*).

Основная масса компьютерных и сетевых терминов в китайском языке представляет собой семантические заимствованные слова (лексические кальки), образованные из собственно китайских лексических элементов. На наш взгляд, это объясняется семантической значимостью каждого китайского слога-иероглифа, за которым закреплены определенные звучание и значение. В связи с тем, что китайское слово обычно состоит из двух и более слогов, а каждый его слог, записываемый иероглифом, носит определенное значение, даже одно китайское слово (например, многосложное) носит богатое смысловое содержание, представленное суммой его несколько значимых отдельных слогов-иероглифов. Поэтому китайский язык чаще заимствует сложную иностранную терминологию семантическим способом (калькированием). Лексические кальки по своему составу не отличаются от собственно китайских слов и легко усваиваются языком, более того, составляющие их компоненты участвуют в раскрытии смысла или содержания термина — иероглифы как письменный знак ассоциируются с исторически закрепленным за ними смыслом, это облегчает запоминание и способствует широкому распространению и употреблению в общении. При калькировании иностранных терминов обычно используются общеупотребительные китайские иероглифы или слова в качестве строительного материала для образования новых слов-терминов.

В качестве структурных калек (дающих перевод иностранного термина буквально) мы выделили следующие слова: из английского слова *software* калькировано китайское 软件 [*жуань цзянь*] («софтвар, программное обеспечение»), в котором выделяются два семантических компонента (иероглифа) — 软 «мягкий» + 件 «вещь» соответственно семантике английского прототипам *soft-ware*. Другие подобные примеры:

硬件 [*ин цзянь*] (硬 «тяжелый» + 件 «вещь») — от англ. *hardware* («хадвер, аппаратные средства»);

无线 [*у сянь*] (无 «без» + 线 «провод») — от англ. *wireless* («беспроводная локальная сеть»);

主板 [*джу бань*] (主 «главный» + 板 «доска») — от англ. *mainboard* («материнская плата»);

升级 [*шэнь цзи*] (升 «повышать» + 级 «уровень») — от англ. *upgrade* («апгрейд, установка нового оборудования или новой версии программы для компьютера»);

只读 [*чжи ду*] (只 «только» + 读 «читать») — от англ. *read only* («только для чтения»);

界面 [*цзе мянь*] (界 «между» + 面 «страница») — от англ. *interface* («интерфейс»).

К этимологическим калькам (дающим перевод иностранного термина описательно и творчески) относятся, например:

电脑 [дянь нао] (电 «электрический» + 脑 «мозг») — от англ. computer («компьютер»);

文件 [вэнь цзань] (文 «письменный» + 件 «вещь») — от англ. file («файл»);

光盘 [гуан пэнь] (光 «лазерный» + 盘 «плоский предмет») — от англ. Compact Disc (CD);

光标 [гуан бяо] (光 «перемежающийся» + 标 «указатель») — от англ. cursor («курсор»);

属性 [шу син] (属 «принадлежащий» + 性 «свойства») — от англ. attribute («атрибут»);

激活 [цзи хо] (激 «возбуждать» + 活 «живущий») — от англ. active («активировать»);

漫游 [мэнь ю] (漫 «беспредельный» + 游 «прогуливаться») — от англ. cruise («круиз»);

截图 [цзе ту] (截 «отрезать» + 图 «рисунок») — от англ. screenshot («скриншот»);

虚拟 [сюй ни] (虚 «нереальный» + 拟 «моделировать») — от англ. virtual («виртуальный») и др.

В китайском языке имеются также типы калек, которые по своей природе занимают промежуточное положение и совмещают в себе структурный и этимологический принципы. Так, например, слово *дисплей* (от англ. *display*) передается китайском словом 显示器 [сянь ши ци], где первая и вторая морфемы дают буквальным перевод английских значимых корней: 显 «представить», 示 «двигаться», а третья морфема 器 — знаменательный компонент со значением «аппарат», которая дает семантическое осмысление всего термина. Другие примеры аналогичного характера: от англ. *mouse (computing)* китайское слово 鼠标 [шу бяо], в котором первая морфема 鼠 обозначает «мышь», а вторая 标 как элемент для измерительных приборов уточняет принадлежность этого термина не к названию животного, а к типу компьютерного устройства; в слове 门户网站 [мэнь ху ван чжань] (от англ. *portal*, «веб-портал») 门户 «ворота» — калькированные компоненты английского значимого корня, а 网站 являются знаменательными компонентами со значением «сайт».

Приведем пример, относящийся к калькам, созданным частично структурным калькированием, частично — этимологизацией через разъяснительный перевод: английскому термину *firewall* («противопожарная стена, система сетевой безопасности»), состоящему из двух семантических единиц (*fire* «огонь», *wall* «стена»),

соответствует китайская калька, состоящая из трех семантических единиц 防火墙 [фан хуо сянь], где вторая и третья морфемы 火 («огонь») и 墙 («стена») соответствуют и по смыслу, и по структуре составу исходного слова *firewall*, а первая морфема 防 «оборонять» помогает раскрыть настоящее значение термина-прототипа.

Некоторые китайские компьютерные кальки, для образования которых специально используется комбинация компонентов (обычно двух иероглифов), имеют синонимические отношения. Смыслы отдельных компонентов похожи, они в подавляющем большинстве случаев могут заменять друг друга. Каждый из этих компонентов (иероглифов) является общеупотребительным, а их комбинация, отличаясь семантическими оттенками от каждого отдельно взятого, обозначает специальное понятие и пополняет компьютерную терминологическую систему. Такой своеобразный способ терминообразования присущ китайскому языку. Например:

слово 剪切 [цзань це] (от англ. *cut*, «команда выборки отдельных полей из строк файла») состоит из двух иероглифов — 剪 «стричь», 切 «резать»;

粘贴 [джань те] (от англ. *paste*, «вставка: команда, предназначенная для вставки колонок») — 粘 «приклеить», 贴 «наклеить»;

查找 [ча джао] (от англ. *find*, «утилита поиска файлов») — 查 «разыскивать», 找 «искать»;

替换 [ти хуань] (от англ. *replace*, «заменять содержимое строки») — 替 «сменять», 换 «заменять»;

撤消 [чэ сяо] (от англ. *undo*, «отменять») — 撤 «аннулировать», 消 «лишить» и др. Мы относим такие слова к разновидности калек-терминов.

Семантические кальки (новые слова, получившие переносные значения под влиянием иностранных слов) представлены, например, словами: китайское исконное слово 选择 [сюань цзэ] (от англ. *select*), его старое значение — «выбирать», в результате семантического заимствования оно приобрело новое значение — «оператор запроса в языке программирования, возвращающий выборку из базы данных»; 退出 [туй чу] (от англ. *exit*), старое значение — «выходить из, отделяться от», новое значение — «команда многих командных оболочек операционных систем и языков программирования, вызывающая завершение работы программы или командного интерпретатора с состоянием выхода»; 结束 [цзе шу] (от англ. *finish*), старое значение — «кончить что-либо, положить конец», новое значение — «конец, срок окончания работы в сетевом планировании». При таком семантическом заимствовании много собственно китайских общеупотребительных слов входят в подсистему терминологии.

ГРАФИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАННЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ И СЕТЕВЫЕ ТЕРМИНЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ НА РУССКОЯЗЫЧНОМ И КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ ФОРУМАХ

Как известно, в английской компьютерной терминологии имеется множество аббревиатур, которые заимствуются и в русский, и в китайский языки. Следует обратить внимание, что при этом некоторые англоязычные аббревиатуры, сохраняя свою исходную латинскую графику, трансплантируются и в русскоязычную, и в китайскоязычную профессиональную речь. Например:

WWW; CD, USB, PDF, SSL, PC, IP, IT.

Вероятнее всего, подобные аббревиатуры употребляются в русскоязычном и китайскоязычном общении в связи с тем, что основная часть программного обеспечения на компьютерах функционирует на английском языке. Вследствие этого у людей происходит своеобразное привыкание к определенным командам или сообщениям. Более того, часть из них проявили высокую словообразовательную активность, что является следствием коммуникативной актуальности этих единиц и свидетельством определенной степени их освоенности. Например,

IP-адрес (данное слово в кит. яз.: *IP 地址* [ди джи]),

PC-радио (*PC 无线电* [у сянь дянь]),

PDF-файл (*PDF 文件* [вэнь цзань]),

IT-сфера (*IT 领域* [лин юй]),

IT-мастер (*IT 精英* [цзин ин]),

USB-разъем (*USB 接口* [цзе коу]),

CD-проигрыватель (*CD 播放器* [бо фан ци]),

CD-провод (*CD 导线* [дао сянь]).

Мы относим такие инициальные аббревиатуры к графическим заимствованным словам.

Помимо указанных выше графических заимствованных аббревиатур в текстах сообщений участников русскоязычных и китайскоязычных форумов наблюдаются графические заимствованные компьютерные термины, используемые в их полной записи в языке-источнике. Например:

app, byte, upload, account, download, provider, Java, flash, on-line, off-line, plug-in, up time, log in, check in, sign up, to flame и многие др.

С распространением Интернета некоторые из них стали общеупотребительными. Например, английские слова *app, on-line, flash* оседают в словарных запасах людей, владеющих даже начальным уровнем английского языка.

ЗАИМСТВОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АББРЕВИАТУРНЫХ ТЕРМИНОВ РУССКИМ И КИТАЙСКИМ ЯЗЫКАМИ

При заимствовании в русский язык англоязычных аббревиатурных компьютерных терминов иногда используется способ калькирования. На основе калькированных развернутых словосочетаний аббревиатур-прототипов в русском

языке создаются производные аббревиатуры средствами кириллической графики. Приведем примеры таких аббревиатурных калек:

- ПК* — *персональный компьютер* (англ. *PC, personal computer*);
ИТ — *информационные технологии* (англ. *IT, information technology*);
ЦПУ — *центральное процессорное устройство* (англ. *CPU, central processing unit*);
ОЗУ — *оперативное запоминающее устройство* (англ. *RAM, random access memory*);
ПЗУ — *постоянное запоминающее устройство* (англ. *ROM, Read Only Memory*).

Наблюдения показывают, что некоторые инициальные аббревиатуры, образованные в русском языке способом аббревиации калькированных развернутых иноязычных словосочетаний, функционируют в текстах сообщений на рассмотренных нами русскоязычных форумах наряду с транслитерированными аббревиатурами, образованными от тех же исходных аббревиатур в языке-источнике, а также с этими самими трансплантированными аббревиатурами-прототипами. Например, семантическая заимствованная аббревиатура *ЛВС* (*локальная вычислительная сеть*) функционирует наряду с *ЛАН* (фонетической заимствованной) и *LAN* (англ. *Local Area Network*) (графической заимствованной); аббревиатура *БСВВ* (*базовая система ввода-вывода*) (семантическая) наряду с *БИОС* (фонетической) и *BIOS* (англ. *basic input/output system*) (графической); *ЕУР* (*единый указатель ресурса*) наряду с *УРЛ* и *URL* (англ. *Uniform Resource Locator*). Кроме того, в речи на исследуемых форумах параллельно употребляются трансплантированные англоязычные аббревиатуры и их транскрибированные виды в русском языке: *АGP* (также употребляется *Ай-джи-пи*), *TCP/IP* (также употребляется *ТиСиПи/АйПи*); *API* (*ЭйПиАй*), *USB* (*ю-эс-би*) и т.п.

Англоязычные аббревиатурные термины заимствованы в китайский язык графическим или семантическим способом. Китайский язык предпочитает калькирование англоязычных аббревиатур — буквальный или описательный перевод лежащего в их основе исходного развернутого словосочетания на свои иероглифы, поскольку такой вид терминов дал возможность отразить необходимые и достаточные признаки того или иного понятия с наибольшей полнотой и точностью благодаря семантической значимости каждого китайского слога-иероглифа. В результате в китайском языке образуются многокомпонентные (многосложные) кальки-термины, которые выглядят немного сложными и громоздкими. Однако в сравнении с графическими заимствованными терминами, записанными иностранными буквами, кальки оказываются понятными не только компьютерным специалистам, но и другим пользователям, интересующимся компьютерами. Приведем некоторые примеры:

中央处理单元 [*чжон ян чу ли дань юань*] (англ. *CPU, Center Processor Unit*, «центральное обрабатывающее устройство»), где *中央* обозначает «центральное», *处理* — «процессорное», *单元* — «устройство»;

索引顺序存取方法 [*со инь шунь сюй цунь цюй фан фа*] (англ. *ISAM, Indexed Sequential Access Method*, «индексно-последовательный метод доступа»), где *索引* — «индексный», *顺序* — «последовательный», *存取* — «доступ», *方法* — «метод»;

只读存储器 [джи ду цунь чу ци] (англ. ROM, Read Only Memory, «энергонезависимая память, используется для хранения массива неизменяемых данных»), где 只读 — «атрибут файла „только для чтения“», 存储 — «запоминающее», 器 — «устройство»;

虚拟设备驱动程序 [сюй ни шэ бэй цюй дун чэн сюй] (англ. VxD, virtual X driver, модель драйверов устройств) 虚拟 — «виртуальный», 设备 — «устройство», 驱动 — «драйвер», 程序 — «программа».

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И СЛЕНГОВАЯ ЛЕКСИКА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, УПОТРЕБЛЯЕМАЯ НА РУССКОЯЗЫЧНОМ И КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ ФОРУМАХ

М.Н. Кожина отмечает, что в рамках понятия «термин» можно выделить профессионализмы — слова, которые употребляются узким кругом специалистов в определенном контексте, это своеобразные «термины для своих» [10]. Термины в пределах сферы применения лишены экспрессии. В отличие от терминов профессионализмы — это «слова и выражения, свойственные речи представителей той или иной профессии или сферы деятельности, проникающие в общелитературное употребление (преимущественно в устную речь) и обычно выступающие как просторечные, эмоционально окрашенные эквиваленты терминов» [11. С. 403].

Профессиональная речь может сопровождаться употреблением достаточно экспрессивных и образных идиоматических выражений, которые относятся к лексической сфере профессиональных жаргонов. Понятия «профессионализм» и «профессиональный жаргон», как указывает Т.И. Ерофеева, «часто объединяются в понятие „профессиональная лексика“, которая используется в ситуации неофициального общения» [12]. Б.А. Серебренников (1970) полагает, что профессиональная лексика близка к терминам, отличается точностью значений и незначительной экспрессивностью. «Между профессиональной лексикой, возникшей естественным путем, и искусственно созданной терминологией существуют точки соприкосновения... В речевой практике эти две лексические системы нередко смешиваются» [13].

Заемствованные компьютерные термины, подвергающиеся аффиксации, свойственной разговорной речи, используемые лицами, объединенными общим кругом занятий или сферой деятельности в ситуации неофициального интернет-общения, согласно точке зрения лингвистов, могут квалифицироваться как профессиональные лексические единицы. Мы их рассматриваем как производные от заимствованных терминов слова в профессиональном подязыке, а также результат дальнейшего освоения и трансформации иноязычных терминов в русскоязычном компьютерном сообществе. Приведем обнаруженные нами на русскоязычном форуме примеры:

- авик — «видеофайл с расширением англ. *avi*.»;
- баницик — «человек, занимающийся баннерами» (баннер от англ. *banner* — «флаг, транспарант, графическое изображение рекламного характера»);
- бутявка — от англ. *boot disk*, «загрузочная дискета»;
- быкапить — от англ. *backup*, «создавать резервные копии»;

ексель-моксель — от англ. *Microsoft Excel*;
зиповать — «использовать компрессор *ZIP*»;
ибээмка — «компьютер *IBM*»;
мазадоза — от англ. *MSDOS*; *мессага* — от англ. *message*, «сообщение, письмо»;
писюк / писишник — «компьютер *PC*»;
сетка — «сеть Интернет» (*сеть*, калька от англ. *network*);
хомяк — от англ. *home page*, «домашняя страница»;
смайлик (англ. *smile*) — «комбинация различных знаков препинания или букв, обозначающая настроение»;
пага — (англ. *page*) — «страница в Интернете»;
фришка (англ. *free*) — «бесплатная программа»;
сервак/сервант (англ. *server*) — «программное обеспечение, принимающее запросы от клиентов».

Такие слова остаются за пределами литературного языка, несмотря на то, что они, обозначая специальные понятия, не имеют исконных семантических эквивалентов в русском языке, так как им свойственна яркая экспрессивная окраска. Они не зафиксированы в соответствующих словарях терминов, а только в качестве своего рода профессиональных жаргонизмов функционируют в профессиональной речи в неофициальных ситуациях. Наряду с профессиональными словами существуют слова, которые можно выделить в отдельный групповой подъязык пользователей, не относящихся к профессионалам, но успешно осваивающих и использующих компьютерные и сетевые технологии [14], и других непрофессионалов.

В интернет-общении многие упрощенные слова, построенные для обозначения компьютерных терминов или понятий, получают широкое употребление. Их создают, может быть, компьютерщики и пользователи Интернета, которые, беря за основу термин, в целях снижения его стилистической окраски и придания экспрессивности, трансформируют его собственными речевыми средствами при помощи чувства юмора. Такой своеобразный способ калькирования выбирается, наверное, не только вследствие резкого увеличения за короткое время числа внедряющихся в науку и обиход фонетических и графических заимствованных сложных специальных слов, но и для определения «свой — чужой». Мы рассматриваем такие слова как особенную разновидность лексических калек и в настоящей работе называем их компьютерными сленгизмами, отличающимися от профессионализмов повышенной разговорной, эмоционально-экспрессивной окраской и большей распространенностью, особенно в коммуникативном пространстве Интернета. Например, слова, взятые на основе фонетической ассоциации из нейтральной лексики, приобретают терминологические значения иноязычных прототипов. Такие компьютерные сленгизмы представляют собой своеобразную игру звуков:

емеля/мыло (англ. *e-mail*) — «электронная почта»;
дрова (англ. *drive*) — «набор файлов, обеспечивающих взаимодействие компьютерного устройства с программами»;
автогад (англ. *autoCad*) — «система автоматизированного проектирования»;
батон/бамтон (англ. *button*) — «кнопка»: *жать/давить/батоны* — «работать за клавиатурой компьютера»;
рак (англ. *rack*) — «сменный накопитель»;

астма (англ. *Assembler*) — «язык программирования»;
баничник (англ. *banner*) — «человек, занимающийся баннерами» (*баннер* — «флаг, транспарант, графическое изображение рекламного характера»);
каша — *кэш-память* (англ. *cache*) — «вид сверхбыстродействующей компьютерной памяти, применяемый для ускорения доступа к данным из оперативной памяти»;
шаровары (англ. *shareware*) — «условно-бесплатное программное обеспечение».

Кроме того, многие иноязычные термины осмысливаются на образно-ассоциативном уровне и трактуются способом метафоры, например:

форточки (англ. *windows*); *плитка* (англ. *disk*); *блин* (англ. *adapter card*); *заплатка* (англ. *patch file*); *вжикалка* (англ. *matrix printer*); *сносить* (англ. *to delete*); *живность* (англ. *virus*); *букварь* (англ. *manual*); *мофон* (англ. *streamer*).

В китайскоязычном Интернете для придания иноязычным компьютерным словам экспрессивности при их фонетическом заимствовании творчески используются записывающие иероглифы таким образом, что в сумме они дают переносное смешное значение. Например,

晒 [*шай*] (англ. *share*) со значением «загорать»;
伊妹儿 [*и мэи эр*] (англ. *e-mail*) со значением «та девушка»;
烘焙鸡 [*хон бэй цзи*] (англ. *homepage*) — «запеченная курятина»;
瘟到死 [*вэнь дао си*] (англ. *windows*) — «массовая смерть от эпидемии»;
黑客 [*хэй кэ*] (англ. *hacker*) — «нежданный гость»;
姑狗 [*гу го*] (англ. *goole*) — «собака тетки».

Компьютерный мир развивается и пополняет язык новыми терминами, добавляет уже известным словам новые значения. При этом Интернет формирует особую среду развития заимствованных неологизмов, которые представляют собой не только компьютерную и сетевую терминологическую, профессиональную лексику, но и сленговую, образуемую в процессе общения пользователей Интернета. С одной стороны, заимствование терминов неизбежно, с другой стороны, словообразовательная система русского и китайского языков значительно шире и вариативнее.

Применение компьютерных сленгизмов позволяет пользователям не только почувствовать себя членами определенного замкнутого сообщества, но и помогает им понимать друг друга с полуслова, служит элементарным средством коммуникации. Не будь сленговых слов, им бы пришлось общаться на английском языке или употреблять в своей речи громоздкие профессионализмы. Развитие этого языкового явления и его широкое распространение среди носителей русского и китайского языков обуславливается внедрением компьютерных и сетевых технологий в жизнь современного общества. Компьютерные сленгизмы начинают употреблять не только компьютерщики, но и люди, не имеющие соответствующих знаний, а также никакого отношения к компьютеру. Сленгизм, очевидно, облегчает процесс освоения иноязычного термина в речи рядовых носителей русского и китайского языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы видим, в русском и китайском языках слова в сфере информационно-коммуникационных технологий в подавляющем большинстве случаев являются заимствованными из английского языка. И русский, и китайский языки заимствуют англоязычные компьютерные и сетевые термины фонетическим, семантическим и графическим способами.

В русском языке большинство заимствованных терминов являются фонетическими. Они заимствуются в звуковом облике, приближенном к прототипу, и в том же значении. В отличие от русского языка китайский язык чаще всего заимствует компьютерную лексику способом калькирования в связи с семантической значимостью каждого своего слога-иероглифа. Некоторые английские аббревиатурные и полные термины, сохраняя свою исходную латинскую графику, трансплантируются в русскоязычный и китайскоязычный тексты и становятся графическими заимствованными словами, которые активно функционируют в профессиональной речи.

Заимствованные компьютерные термины, подвергающиеся аффиксации, свойственной разговорной речи, употребляются как профессиональные слова в русскоязычной профессиональной речи в ситуации неофициального интернет-общения.

Компьютерные сленгизмы получают широкое распространение в русскоязычном и китайскоязычном коммуникативном пространстве Интернета среди компьютерщиков и других пользователей-непрофессионалов. В русском языке сленгизмы создаются при помощи фонетической мимикрии и метафоры, а в китайском языке они образованы выбором созвучных с исходными английскими терминами иероглифов таким образом, что в сумме они дают переносное значение.

Итак, нам представляется очевидным, что сообщения, которыми участники форумов обмениваются при коммуникации в Интернете в письменной форме, обладают всеми особенностями устного общения.

© Денисенко В.Н., Чжан Кэ

Дата поступления: 07.06.2018

Дата принятия к печати: 10.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Крысин Л.П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре // Проблемы русской лексикографии: Тезисы докладов междунар. конференции. М., 2004. С. 54—56.
2. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2013.
3. 高明凯, 刘正垓. 现代汉语外来词研究. 北京, 文字改革出版社, 1958. 268 页. (Гао Минкай, Лю Чжэнянь. Исследование заимствованных слов в современном китайском языке. Пекин: Издательство Реформа письменности, 1958.
4. 葛本仪. 现代汉语词汇学. 济南: 山东人民出版社, 2002. 233 页. (Гэ Бэньи. Лексикология современного китайского языка Цзинань: Шаньдонское народное издательство, 2002).
5. 罗常培. 语言与文化. 北京, 语文出版社, 1989. 282 页. (Лю Чанпэй. Язык и культура. Пекин: Издательство филологии, 1989).
6. 刘涌泉. 关于汉语字母词的问题. 语言文字应用, 2002, 01: 85—90 页. (Лю Юнцюань. О проблемах букв в китайском языке // Употребление речи и письма. 2002. № 1. С. 85—90).

7. 史有为. 外来词—异文化的使者. 上海, 上海辞书出版社, 2004. 358 页. (Ши Ювэй. Заимствованные слова — посланец иностранной культуры. Шанхай: Издательство Шан-хай Цышу, 2004).
8. *Перфильева Н.В., Ху Пэй Пэй*. Словообразовательные модели неологизмов-заимствований в русском и китайском языках // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 4. С. 69—75.
9. *Берков В.П.* Из наблюдений над изменениями в современных европейских языках // *Современные языковые процессы: межвуз. сб.* СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. С. 3—22.
10. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1993.
11. *Лингвистический энциклопедический словарь* / ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
12. *Ерофеева Т.И.* Опыт исследования речи горожан (территориальный социальный и психологический аспекты). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.
13. *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка* / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1970.
14. *Кутузов А.Б.* Модель функционирования терминологического сленгизма в дискурсе сетевых форумов: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006.

УДК: [811.161.1:811.581]373.45

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-911-925

COMPUTER AND NETWORK WORD IN THE RUSSIAN-LANGUAGE AND CHINESE-LANGUAGE COMMUNICATIVE INTERNET SPACE

Vladimir N. Denisenko, Zhang Ke

RUDN University

Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. This article is devoted to the topic of analysis of borrowed vocabulary in Russian and Chinese languages that is relevant in modern linguistics and language processes based on the lexicon of Internet communication in the field of computer and network technologies.

The article provides a comparative analysis of the ways of borrowing foreign language lexical units in the field of information and communication technologies in the Russian and Chinese languages. The authors identify such types of borrowings as phonetic and semantic (word-formation and combination of tracing paper; etymological tracing, semantic tracing paper) in Russian and phonetic and semantic borrowing in Chinese, as well as graphical borrowed computer and network terms used in Russian and Chinese-language forums, and borrowing of English abbreviation terms in Russian and Chinese. Separately considered professional and slang vocabulary in the field of information and communication technologies, used in the Russian-speaking and Chinese-speaking forums.

The main attention is paid to the peculiarities of their formation and functioning in the Russian-speaking and Chinese-speaking communicative space of the Internet.

Key words: computer term, method of borrowing, professional vocabulary, computer slangism, Internet communication

REFERENCES

1. Krysin, L.P. (2004). Secondary borrowing and its description in the explanatory dictionary. *Problems of Russian lexicography: Abstracts of the International conference*. Moscow, 54—56. (in Russ).

2. Marinova, E.V. (2013). Foreign Vocabulary of the modern Russian language. Moscow: Flinta. (in Russ.).
3. Gao, Mingkai & Liu, Zhengyan (1958). The study of loan words in modern Chinese. Beijing. (in Chinese).
4. Ge, Benyi (2002). Lexicology of the modern Chinese language. Jinan. (in Chinese).
5. Lo, Changpei (1989). Language and culture. Beijing. (in Chinese).
6. Liu, Yongquan (2002). Personal letters problems in Chinese. *Language application*, 1, 85—90. (in Chinese).
7. Shi, Youwei (2004). Borrowed words — the messenger of foreign culture. Shanghai. (in Chinese).
8. Perfilyeva, N.V. & Hu, Pai Pai (2012). Word-building Patterns in Neologisms-Loanwords in Russian and Chinese. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 4, 69—74. (in Russ.).
9. Berkov, V.P. (2003). From observations on changes in modern European languages. *Modern language processes*. Saint-Petersburg: izdatel'stvo SPb university, 3—22. (in Russ.).
10. Kozhina, M.H. (1993). Stylistics of the Russian language. Moscow: Prosvesheniye. (in Russ.).
11. Linguistic Encyclopedic Dictionary (1990). V.N. Yartseva (Ed.). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (in Russ.).
12. Erofeeva, T.I. (1991). Experience in the study of the speech of citizens (territorial social and psychological aspects). Sverdlovsk: izdatel'stvo The Ural university. (in Russ.).
13. General Linguistics (1970). Forms of existence, functions, history of the language. B.A. Serebrennikov (Ed.). Moscow: Nauka. (in Russ.).
14. Kutuzov, A.B. (2006). Model of the functioning of terminological slangism in the discourse of network forums: [dissertation]. Tyumen. (in Russ.).

Для цитирования:

Денисенко В.Н., Чжан Кэ. Заимствованное компьютерное и сетевое словов русскоязычном и китайскоязычном коммуникативном пространстве Интернета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 4. С. 911—925. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-911-925.

For citation:

Denisenko, V.N. & Zhang, Ke (2018). Computer and network word in the Russian-language and Chinese-language communicative Internet space. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 911—925. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-911-925.

Сведения об авторах:

Денисенко Владимир Никифорович, заведующий кафедрой общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, профессор, доктор филологических наук, академик МАН ПО; *научные интересы*: разработка проблем семантики, фонетики, морфонологии и лексикологии современного русского языка, а также проблем общего и русского языкознания; *e-mail*: denissenko@mail.ru

Чжан Кэ (Китай), аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: лингвистическая семантика; *e-mail*: ke6831@yandex.ru.

Information about the authors:

Vladimir N. Denisenko, the Head of Department of General and Russian Linguistics of RUDN University; *Interests*: Interests semantics, phonetics, morphology and lexicology of the modern Russian language, as well as problems of General and Russian linguistics; *e-mail*: denissenko@mail.ru

Zhang Ke (China), postgraduate student of the Department of General and Russian Linguistics of RUDN University; *Interests*: Interests semantics, *e-mail*: ke6831@yandex.ru

УДК: 811.133.1'33:398.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-926-943

КОНЦЕПТЫ «ЖЕНЩИНА», «МУЖЧИНА», «ЛЮБОВЬ» ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (на материале французского языка Франции и Бельгии)

Н.Ю. Нелюбова¹, П.С. Сёмина¹, В.И. Ершов²

¹Российский университет дружбы народов
Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198

²Одинцовский филиал МГИМО МИД России
Россия, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3, 143007

В данной статье рассмотрены понятия «концепт» и «ценность», которые ясно и полно характеризуют языковую картину мира той или иной нации. Рассмотрены некоторые подходы к изучению термина «концепт», приведены характеристики концепта, изложена его структура, изучено номинативное поле концепта, его признаки. Дано краткое описание термина «ценность» в лингвистике. Проведена параллель данного явления с концептом, описаны некоторые сходства и различия в природе двух данных понятий. Материалом для исследования послужил пословичный фонд французского языка Франции и Бельгии. Дано определение пословицы, приведены примеры французских и бельгийских пословиц и проведен их анализ с целью выявления наиболее популярных ценностей обеих наций. Проанализированы ведущие концепты, нашедшие отражение в изученных пословицах: «женщина», «мужчина», «любовь», приведены выводы, полученные в результате исследования. Цель настоящей статьи — изучение на материале словарей французских пословиц ведущие концепты французов и сравнить их с концептами, выявленными в пословицах франкоязычных бельгийцев. Данное исследование представляется актуальным, так как, несмотря на наличие научной литературы, описывающей основные концепты французов, и ряда работ по сопоставительному анализу особенностей французского языка французов и бельгийцев, проблема сравнения языковой картины мира обеих наций на материале пословиц ранее подробно не изучалась.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, национальный концепт, номинативное поле, концептуальные признаки, ценность, пословица, концепт «женщина», концепт «мужчина», концепт «любовь»

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвокультурологии особый интерес представляют исследования, связанные с изучением национальной языковой картины мира, концептов, ценностей и т.п. Несмотря на то, что упомянутые выше термины появились давно, интерес к их изучению не перестает возрастать, что легко объяснимо. Человек развивается, меняется, меняются и его ценности, а следовательно, меняется язык, что никак не может не затронуть культуру и менталитет. Таким образом, изучение концептов помогает нам глубже проникнуть не только в язык, но и культуру того или иного народа.

КОНЦЕПТ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

«Концепт» — одно из наиболее сложных понятий языка, единого и однозначного толкования данного термина не существует до сих пор. Связано это прежде всего с тем, что, говоря о концепте, имеют в виду как языковую сферу, так и психологический аспект. Данный термин крайне популярен в современной лингвистике наряду с такими понятиями, как «дискурс», «языковая личность», «картина мира» и другие.

Несмотря на то, что концепт как явление стали изучать относительно недавно, появился сам термин очень давно. Термин «концепт» относится к эпохе одного из средневековых течений — концептуализма. Его основоположниками были П. Абеляр, Т. Гобс, У. Окам. «Концептуализм рассматривал концепты как универсалии, которые обобщают признаки вещей и созданы разумом для его внутреннего употребления, фокусируя в себе важную и актуальную информацию» [1. С. 10].

Концепт в современной лингвистике изучается с различных точек зрения. В настоящее время существуют разные термины, характеризующие одно и то же: «концепт» (так называли его Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, С.Х. Ляпин, В.П. Нерознак, Ю.С. Степанов), «логоэпистема» (Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров), «лингвокультурема» (В.В. Воробьев), «мифологема» (В.Н. Базылев).

Лингвокультурема — комплексная межуровневая единица, которая представляет собой «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [2. С. 45]. По В.В. Воробьеву, «слово соотносится с референтом (денотатом), „отсылается“ к нему, лингвокультурема раскрывает его содержание как понятие (класса предметов)» [2. С. 45].

В.Н. Базылев, в свою очередь, изучая концептосферу в лингвистике, отмечает, что невозможно мыслить только чувственно (интуитивно, мифологически) или только рационально. Анализируя связь мышления и языка, он делает вывод о существовании некой единицы *мифологема*, которая как раз демонстрирует эту связь, то есть представляет сущность объекта в виде рациональной схемы, «которая в свою очередь демонстрирует мыслительную мощь субъекта» [3. С. 104].

По определению Н.Д. Бурвиковой и В.Г. Костомарова, *логоэпистема* — это языковое выражение закрепленного общественной памятью отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур [4. С. 88].

Исходя из того, что понятие «концепт» связано не только с лингвистикой, но и с психологией, и с философией, а по мнению некоторых ученых (А.Р. Лурия, А. Дамазио) и с нейролингвистикой, зарождаются несколько подходов к изучению понятия «концепт». Е.Ю. Балашова, исследуя различные существующие в отечественной лингвистике подходы к изучению концепта, выделяет два основных: лингвокультурный и лингвокогнитивный [5]. Лингвокультурный подход (В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов и др.) описывает изучение национальной концептосферы языка от культуры к сознанию. Представители лингвокогнитивного подхода (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Те-

лия и др.) исследуют концепт с точки зрения его структуры. С этой целью была разработана полевая модель концепта: концепт имеет ядро (ядерные признаки) и периферию (периферийные признаки).

Существует также и логический подход, ярким представителем которого является Н.Д. Арутюнова. По Н.Д. Арутюновой, концепт относится к «мировоззренческим понятиям», являющимся важной составляющей культуры. Концепт становится «контрагентом» людей. «Люди постоянно взаимодействуют друг с другом и с природой, но они осмысливают это взаимодействие через свои отношения с отвлеченными понятиями, получающими символическую значимость» [6. С. 4]. В ряде случаев Н.Д. Арутюнова анализирует концепт, противопоставляя его другим концептам.

С целью изучения структуры концепта школой Н.Д. Арутюновой была разработана его семантическая модель, состоящая из следующих компонентов: «1) набор атрибутов, указывающих на принадлежность к тому или другому концептуальному полю, 2) определения, обусловленные местом в системе ценностей, 3) указания на функции в жизни человека» [6. С. 4].

Первым в отечественной лингвистике дефиницию термина «концепт» дает С.А. Аскольдов-Алексеев. Он определяет концепт как «мысленное образование, замещающее нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [7. С. 269].

Более того, исследователь определяет основную функцию концепта. По его мнению, она заключается в замещении всех значений слова, где концепт по сути выступает как вариант отражения значения, как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного [5].

Позицию Д.С. Лихачева, так же как и позицию С.А. Аскольдова-Алексеева, лингвисты относят к категории лингвокогнитивной, тем не менее его подход к изучению концепта можно назвать и психологическим, потому что в основе его исследования лежат индивидуально-психические особенности человека. Давая определение концепта, Д.С. Лихачев уделяет большое внимание личностному компоненту в формировании концепта: «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека». «Концепт существует не для самого слова, а во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и, во-вторых, предлагаю считать концепт своего рода „алгебраическим“ выражением значения („алгебраическим выражением“ или „алгебраическим обозначением“), которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.)» [8. С. 4].

Концепт, по З.Д. Поповой и И.А. Стернину, имеет «номинативное поле». Оно принципиально неоднородно — оно содержит как прямые номинации самого концепта непосредственно (ядро номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номина-

тивного поля) [9. С. 47]. По данному признаку исследователи выделяют три вида концептов: «коммуникативно релевантные концепты» (концепты, имеющие обширное, легко выявляемое номинативное поле — много системных средств обозначения концепта и его признаков — например, мужчина, женщина, работать, счастье и под.), «коммуникативно малорелевантные» для широкого круга людей концепты, отражающие обычно узко специальные, конкретные мыслительные сущности, известные узкому кругу людей» (например, мизинец, мочка уха, разводить животных и под.) и «не имеющие системно обнаруживаемого номинативного поля» (они могут обозначать только субъективные, окказиональные номинации, описания отдельных признаков концепта, индивидуально-авторские, косвенные номинации, но без названия всего концепта. Например, концепт «молодожены» и противоположный ему концепт, обозначающий людей, давно состоящих в браке нерелевантен). «Содержание концепта образовано отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления и описывается как совокупность этих признаков. Содержание концепта внутренне упорядочено по полевому принципу — ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Принадлежность к той или иной зоне содержания определяется прежде всего яркостью признака в сознании носителя соответствующего концепта. Структура концепта включает образующие структурные компоненты разной когнитивной природы — чувственный образ, информационное и интерпретационное содержание описывается как перечисление когнитивных признаков, принадлежащих каждому из этих структурных компонентов концепта» [9. С. 47].

Несколько иное направление исследования предполагает лингвокультурный подход, идущий от культуры к индивидуальному сознанию. Представителями этого подхода следует считать В.И. Карасика, В.В. Красных, В.А. Маслову, В.Н. Нерознака, Ю.С. Степанова и др. Лингвокультурный подход позволяет «проникнуть в глубинную сущность концептов, сформировавшихся в коллективном языковом сознании нации, вскрыть систему ценностей и оценок, на развитие которой повлиял культурный, языковой и, наконец, общественный опыт той или иной социокультурной общности. Данный подход ориентирован на изучение культурных концептов. Лингвокультурный подход к пониманию концепта, точнее, культурного концепта состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом» [5. С. 46]. Этот подход лег в основу проводимого нами анализа.

В.В. Красных вводит понятие «национальный концепт», под которым понимает «самую общую, максимально абстрагированную, но конкретно репрезентируемую (языковому) сознанию, подвергшуюся когнитивной обработке идею „предмета“ в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [10. С. 185]. Именно «национальный концепт» представляет для нас большой интерес, так как целью нашего исследования является изучение ведущих концептов двух наций, бельгийцев и французов.

В.А. Маслова вводит понятие «ключевые концепты культуры», под которым подразумевает «ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингво-

культурного сообщества в целом» [11. С. 51], и выделяет так называемую *категорию национальной культуры* (для русской культуры это: воля, доля, интеллигентность, соборность и т.п.), что также очень значимо для нашего дальнейшего исследования.

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что скорее всего ядро ведущих концептов французов и бельгийцев будет совпадать, в то время как периферийные признаки должны отличаться.

Ю.С. Степанов, являясь ярким представителем лингвокультурного подхода, рассматривает концепт в неразрывной связи с культурой. По Ю.С. Степанову, концепт существует в ментальном мире человека не в виде четких понятий, а как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово: концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека, «сгусток культуры в сознании человека, то есть то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, а также то, посредством чего сам человек входит в культуру» [12. С. 42].

В связи с изучаемой проблематикой и поставленной целью необходимо, на наш взгляд, остановиться на понятии «ценность», которое непосредственно соотносится с понятием «концепт». «Человек сперва вкладывал ценности в вещи, чтобы сохранить себя, — он создал сперва смысл вещам, человеческий смысл! Поэтому он называет себя человеком, то есть оценивающим», — так Ф. Ницше говорил о человеке и его ценностях. Становится ясно, что ценность является одной из основополагающих категорий сознания [13]. Вопрос о понятии ценности изучается не только в философии, этике, эстетике, аксиологии, но и в лингвистике.

«Ценности» исследовали многие выдающиеся философы и мыслители, такие как Н. Бердяев, С. Булгаков, М. Ганди, Н. Лосский, Б. Рассел, Дж. Сатайня, Вл. Соловьев, А. Швейцер, А. Эйнштейн и др. В самом общем смысле «под ценностью, или добром принято понимать все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т.д.» [13. С. 127].

Так же, как и с понятием «концепт», имеет место неоднозначность мнений в трактовке термина «ценность». Существует несколько подходов к толкованию понятия «ценность»: философский, психологический, социологический и культурологический, лингвистический. Самое широкое определение «ценности» дается в «Философском энциклопедическом словаре»: «...все многообразие человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве „предметных ценностей“ как объектов ценностного отношения, т.е. оцениваться в плане добра и зла, истины и не истины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т.д. Способы и критерии, на основании которых производятся сами процедуры оценивания соответствующих явлений, закрепляются в общественном сознании и культуре как „субъективные ценности“ (установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативно представленных), выступая ориентирами в деятельности человека» [13. С. 128] По отношению к субъекту (человеку) ценности служат объектами его интересов, а для его

сознания выполняют функцию повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности. Каким образом данная категория связана с определенными сферами жизни, писала Н.Д. Арутюнова: «понятие ценности... выполняет координирующую (между человеком и миром объектов), стимулирующую (направляющую деятельность), дидактическую и регулирующую (прескриптивную) функцию в механизмах жизни» [13. С. 129].

«Язык как феномен культуры фиксирует и отражает некоторым опосредованным образом как систему ценностей, настроения, оценки, существующие на данный момент в данном социуме, так и ценности, являющиеся вечными для данной культуры» [13. С. 129].

Если говорить о понятиях концепта и ценности в сравнении, необходимо отметить, что определенная связь между ними присутствует, но все же их стоит четко разграничивать. По мнению В.Ф. Ремизовой, Н.Г. Костиной, «ценность, по своей природе, понятие заведомо положительное, а концепт носит амбивалентный характер, то есть может носить как положительное, так и отрицательное значение (те же примеры — война, смерть, горе — отрицательные концепты; любовь, радость, искренность — положительные), к тому же круг концептов намного шире круга ценностей, ценности ограничены (в значении небольшого их числа), причем эта их ограниченность является одним из условий существования ценностей» [14]. Концепт является более широким понятием в отличие от ценности, которая отличается от концепта иной структурой, содержанием и предназначением. Следовательно, оба понятия сходны лишь в том, они обозначают ключевые элементы национального культурного сознания, находящие свое выражение в языке.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «ЖЕНЩИНА», «МУЖЧИНА», «ЛЮБОВЬ» ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (на материале французского языка Франции и Бельгии)

Сопоставительный анализ двух национальных языковых систем — французского языка Франции и французского языка Бельгии — показывает много общего в их национальных ценностных системах, что объясняется прежде всего тем, что обе нации родственны, имеют общие исторические события, а самое главное, говорят на одном языке. Выделяя и описывая национальные концепты и ценности французов и бельгийцев, находящие свое отражение в языке, можно предположить, что происходит вследствие употребления в речи одного и того же французского языка (несомненно, бельгийский французский несколько отличается от классического эталона французского языка и имеет свои особенности на различных языковых уровнях). Но как бы близки они ни были, все же речь идет о двух разных странах и разных нациях, существующих на разной территории, поэтому логично предположить и существование некоторых различий в ценностных интерпретациях одних и тех же ведущих концептов.

В качестве первого шага нашего исследования мы выбрали изучение (на материале словарей) пословичного фонда французского языка, имеющего свои особенности в результате влияния на его формирование исторического и культур-

ного развития Франции и Бельгии. В основе различных культур лежат системы ценностных ориентаций, которые находят свое отражение в пословицах, а их лингвокультурологический анализ дает возможность объективно установить некоторые теоретические и практические ценностные приоритеты сравниваемых культур. Кроме того, подобный анализ, проведенный не носителем языка, способствует подбору адекватного эквивалента при переводе пословиц на родной язык исследователя.

«При переводе произведений фольклора, а именно пословиц и поговорок, сказок и басен, фразеологизмов, т.е. тех текстов, где наиболее ярко и „концентрированно“ отображены культура, традиции, моральные устои и обычаи представителей того или иного народа», необходимо учитывать лингвокультурный фактор — лингвокультурную адаптацию. «При учете данного фактора переводимые явления и реалии не должны „выбиваться“ из мировоззрения носителей принимающей культуры, они должны быть знакомы и привычны читателям» [15. С. 215].

В данном исследовании мы не задаемся целью выбора оптимального русского эквивалента тех или иных пословиц, так как объектом нашего изучения являются концепты и ценности, отраженные в пословицах, а не проблема их перевода, в частности на русский язык, поэтому в некоторых случаях нами приводится их дословный перевод, а в некоторых передается основной смысл пословицы.

В данном исследовании мы берем за основу следующее определение пословицы. *Пословица* (лат. — *proverbium, adagium*, франц. — *proverbe*) — образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл и, обычно, специфическое ритмо-фонетическое оформление [16. С. 329].

Изученный теоретический и практический материал позволил нам выявить несколько концептов, интересных французам и бельгийцам, и отражающих ценностные приоритеты. В частности, речь идет о концепте «женщина», который реализуется в большом количестве как французских, так и бельгийских пословиц. На основе анализа словарных дефиниций лексической единицы *femme (f)* — женщина, присутствующих в лексикографических источниках современного французского языка и являющихся константными для данного концепта, Ф.Б. Мухутдинова выделила ядерные признаки концепта «женщина». В ядре исследуемого концепта, по ее мнению, выделяются следующие «концептуальные признаки, актуализируемые лексической единицей *femme (f)*: принадлежность к человеческому роду (*être humain*); биологический пол — женский (*l'être humain de sexe féminin, être humain femelle, l'être qui dans l'espèce humaine appartient au sexe féminin*); возраст (*adulte*); половая зрелость (*puberté*); способность к деторождению (*jeune fille nubile, femme nubile, personne qui est nubile; personne adulte du sexe féminin qui met au monde des enfants, être humain adulte du sexe capable de concevoir les enfants, fonction reproductrice de la femme*); отсутствие девственности (*qui n'est plus vierge, qui n'est plus fille, par opposition à la vierge*)» [17].

Взяв за основу упомянутые выше концептуальные признаки, сравним реализацию концепта «женщина» в пословичном фонде французов и бельгийцев.

В ходе исследования лексикографического материала [18] нами было выявлено 47 французских пословиц о женщине.

Говоря о женщине, мы имеем в виду именно лексему *femme* (*f*), хотя авторы словаря «*Dictionnaire de proverbes et dictons*», выделяя в особую группу пословицы о женщинах, включают туда и пословицы, где главной лексемой является *la fille* (*f*) (*фр. девушка*) [18].

Необходимо указать на наличие в данном словаре пословиц, которые наглядно иллюстрируют упомянутые выше концептуальные признаки. В нашем материале на каждый выделенный Ф.Б. Мухутдиновой признак приходится 2—3 пословицы. Более того, нами был выявлен еще один концептуальный признак, который ярко представлен в пословицах. Во французском языке слово *femme* (*f*) обозначает не только *женщину*, существо женского рода, но и *жену*. По нашему мнению, возможность женщины быть женой, частью семьи и семейных отношений, также можно назвать концептуальным признаком, присущим концепту «женщина» в языке. Пословицы: *Qui épouse la femme épouse les dettes.* ((*фр.*) *пер. Кто берет женщину в жены, тот женится на долгах*), *Maison faite et femme à faire.* ((*фр.*) *пер. Дом сделал, сделаешь и жену*), *L'homme ne doit rien à sa femme s'il n'est en sa maison.* ((*фр.*) *пер. Мужчина ничего не должен своей жене, если он не у себя дома*), несмотря на ярко выраженную отрицательную коннотацию последней, наглядно иллюстрируют значимость роли женщины в качестве жены для французов. В словаре на этот признак приходится около 17% пословиц.

В результате изучения ряда пословиц о женщинах: *Il n'est point de liens si forts comme de femme.* ((*фр.*) *пер. Нет нитей (связей) столь сильных, как женщина*); *Tout prospère sous la main d'une femme active et soigneuse.* ((*фр.*) *пер. Все процветает под рукой активной и заботливой женщины*); *Femme avec un de ses cheveux tire plus fort que quatre bœufs.* ((*фр.*) *пер. Женщина за один волосок тянет сильнее, чем четыре вола*) и др., нами была выделена еще одна важная ее характеристика.

Все эти пословицы несут одну идею: женщины — обладательницы огромной силы. Имеется в виду и физическая сила, которой могут обладать только женщины, и духовные способности, помогающие женщинам быть сильными и активными в разных жизненных ситуациях. Такими видят женщин французы. Следовательно, анализируя французские пословицы о женщинах, можно сделать вывод, что женщина в их понимании — воплощение силы.

Стоит также отметить, что все вышеуказанные пословицы имеют ссылки на словари, выпущенные в XVII—XIX вв. Возможно, таким образом женщины выделялись в те времена в силу исторических предпосылок. Много веков назад для большинства народов, в отличие от французов, в силу неимения права голоса как в политической, так и в семейной жизни и недостатка физической силы, женщина являлась существом слабым, абсолютно беззащитным. Но с течением времени женщины начинали заявлять о себе, своей силе и выдержке. Здесь стоит упомянуть национальную героиню Франции Жанну Д'Арк (1412—1431), одну из командующих французскими войсками в Столетней войне и самую знаменитую женщину-воина в мире. Кроме того, семейный уклад жизни в те времена складывался таким образом, что мужчина уходил на заработки, а женщина оставалась дома и «тянула» все хозяйство сама. Также примечательно, что именно в XVIII веке, в 1791 году, Национальному собранию Франции была представлена Декларация прав женщины

и гражданки, подготовленная Олимпией де Гуж и требовавшая признания полного социального и политического равноправия женщины. Возможно, эти события послужили появлению ряда пословиц (в словаре нами выявлено 8 единиц из 47) о их силе и выдержке.

Обратимся к бельгийским пословицам о женщинах. В указанном словаре было найдено и проанализировано только 8 бельгийских пословиц о женщине.

Логично было бы предположить, что концепт «женщина» в Бельгии будет иметь много общего в реализации с французским концептом «женщина». Но оказалось, бельгийцы воспринимают образ женщины несколько иначе. Пословицы *Prends ta servante au loin et ta femme de près.* ((фр.) пер. Уволь свою служанку, и твоя женщина (жена) станет тебе ближе.); *On aime aussi bien la femme qui a du bien que celle qui n'a rien.* ((фр.) пер. И богатую женщину, и женщину, у которой ничего нет, любят одинаково) и др. доказывают нам, что в фольклоре, а следовательно, и в жизни бельгийцев женщина является существом нежным, требующим любви, заботы и внимания. Нужно отметить, что для получения более точных выводов необходим более значительный объем материала. Но даже по выявленным нами бельгийским изречениям о женщинах можно судить о том, что большее количество их пословиц о женщине отражают огромную любовь и благодарность к ним.

Несмотря на то, что французы видят образ женщины прежде всего сильным, а бельгийцы, по нашим предварительным выводам, скорее наоборот, считают, что женщина — существо, которое надо любить и лелеять, в фольклоре обеих наций о женщинах есть очень похожие по смыслу пословицы. Большой частью они сосредоточены на теме красоты женщины и ее «принадлежности» к нечистой силе. Этот концептуальный признак был найден в 6 изученных нами французских пословицах и в 2 пословицах Бельгии. Так, французы и бельгийцы в пословицах о женщине, ее красоте используют образ дьявола *diable (m)*. Например, *Dites à une femme qu'elle est fort jolie, et le diable le lui répètera vingt fois aussi.* ((фр.) пер. Скажите женщине, что она очень красива, и дьявол повторит ей это еще двадцать раз); *L'homme est pour le purgatoire, la femme pour l'enfer.* ((фр.) пер. Мужчине — чистилище, женщине — ад).

Эти французские пословицы повествуют о красоте женщины, о ее связи с дьяволом, то есть о гордости, себялюбии, о хитрости женского ума. Пословица *Femme sait un art avant le diable (фр.)* также означает по сути, что женщина видится французам искуснее дьявола. Мы находим, что всем упомянутым выше сравнениям женщины с дьяволом присуща несколько негативная окраска. В то же время пословицы имеют комический смысл. То же можно сказать и о бельгийских пословицах *Deux femmes, c'est une conversation. Trois femmes, c'est un caquet, Quatre femmes, c'est le diable tout fait.* ((бел.) пер. Две женщины — это беседа. Три женщины — кудахтанье. Четыре — дьявол во плоти); *Il vaux mieux l'enfer qu'une femme. Tous les deux nous font souffrir mais, au moins, l'enfer nous tient chaud!* ((бел.) пер. Лучше ад, чем женщина. Мы все страдаем, но ад, по крайней мере, держит нас в тепле.).

Анализируя данные пословицы, нужно отметить, что обе нации сопоставляют образ женщины с образом дьявола, имея в виду красоту или любовь женского пола к нескончаемым разговорам или такие особенности женского характера, как хитрость, мудрость, неверность, способность кружить голову и разбивать сердце. Такое сопоставление вполне объяснимо религиозно. По христианской традиции (католической, православной, протестантской) именно женщина Ева состояла в заговоре с дьяволом. Практически во всех религиях (скорее всего, предпосылками стали события древних мифов и легенд) женщина имеет дьявольское начало из-за своей красоты, ловкости ума, изворотливости. И бельгийцы, и французы согласны в этом.

В то же время в других пословицах мы видим, насколько различны в понимании характера женщины французы и бельгийцы. Сравним: *Le mari crée la maison, la femme le foyer.* ((фр.) (пер. Муж строит дом, жена — очаг.) Эта французская народная мудрость указывает на то, что главой семьи и дома является мужчина, а женщина отвечает за домашний уют и теплые семейные отношения. В то время как бельгийская пословица *Ce sont les femmes qui font les hommes.* ((бел.) (пер. Мужчин создают женщины.) описывает женщину не с позиции создательницы уюта и тепла, атмосферы в доме, а уже как создательницу мужского характера. Можно предположить, что этой пословицей бельгийцы имеют в виду опять же ценность женщины, ее способность успокоить и уважить мужчину, помочь ему своей мудростью и опытом, создавая то же самое тепло домашнего очага.

Анализируя вышеупомянутые пословицы, становится ясно, что наряду с концептом «женщина» французы выделяют, соответственно, концепт «мужчина». В словаре [18] нами было обнаружено 12 французских пословиц, где встречается лексема *l'homme (m)* (фр. мужчина), и 1 бельгийская. По сравнению с количеством пословиц о женщине о мужчинах обе нации говорят гораздо реже. Выводы об отношении французов и бельгийцев к мужчине, имея такой небольшой объем материала, мы сделать пока не можем, а рассматриваем этот вопрос в качестве перспективы дальнейших исследований. Приведем, тем не менее, несколько примеров: *Si l'homme est changeant, c'est que la femme est changeante.* ((фр.) пер. Если меняется женщина, то меняется и мужчина); *L'homme ne doit rien à sa femme s'il n'est en sa maison.* ((фр.) пер. Мужчина ничего не должен своей женщине, если он не у себя дома); *Beauté de femme n'enrichit homme.* ((фр.) пер. Красота женщины не делает мужчину богаче) и др. Большая часть французских пословиц о мужчине, как мы можем заметить, связана с концептом «женщина».

Не может остаться незамеченным тот факт, что в этих пословицах присутствует некое негативное отношение к женщине, а мужчина превозносится французами. Более того, они настолько любят, ценят себя и недооценивают женщин, что даже в изучаемом нами словаре пословиц «*Dictionnaire de proverbes et dictons*» [18] рядом с пословицей *Un homme de paille vaut une femme d'or.* (фр.), в которой говорится о том, что не может произойти ничего такого, чтобы женщина заслуживала мужчину, авторами дана сноска: «...l'exrême de la misogynie...» («...крайнее женоненавистничество...»). Мужчина в глазах французов гораздо выше женщины,

лучше женщины. Пословица *L'homme est pour le purgatoire, la femme est pour l'enfer.* ((фр.) *пер.* Мужчине — чистилище, женщине — ад), уже упоминавшаяся нами ранее, в очередной раз доказывает превосходство мужчины, то, что к нему предъявляются гораздо меньшие требования.

Говоря о концепте «мужчина» у французов, следует отметить еще один концептуальный признак: это способность мужчины быть создателем и защитником. Пословицы *Suivant l'oiseau, le nid; suivant l'homme, le logis.* ((фр.) *пер.* За птицей — гнездо, за мужчиной — дом); *Il faut aux filles des hommes ou des murailles* (фр.), имеющая схожий смысл с русским изречением — *быть за мужчиной, как за каменной стеной*, наглядно демонстрируют эту мужскую черту. Даже сочетание образов «мужчины» и «стены», конечно же, не случайно — это яркое сравнение. Мужчины, в понимании французов, сильны, крепки, стойки. Кроме того, французская пословица *Le mari crée la maison, la femme le foyer.* (фр.)(*пер.* Муж строит дом, жена — очаг), речь о которой тоже уже велась, характеризует мужской характер создателя, мастера.

Таким образом, в ходе исследования мы выделили два концепта французов и бельгийцев: «женщина» и «мужчина». Проанализировав данные концепты, связанные друг с другом, невозможно оставить без внимания и концепт «любовь» — чувство, которое объединяет мужчину и женщину. Концепт «любовь» также находит свое отражение и во французских пословицах, и пословицах бельгийцев.

Любовь является «одним из базисных концептов, определяющих ментальность народа» [19. С. 13]. Любовь как выражение эмоционального и чувственного восприятия окружающей среды, взаимоотношений между людьми, имеет огромное значение в жизни любого человека и определяет его отношение к миру. В разных картинах мира любовь, несмотря на то, что является объективной данностью, имеет различные проявления, что также четко прослеживается в пословицах.

В словаре [18] приведено 14 французских пословиц, в которых лексема «любовь» занимает главное место. Кроме того, на сайте пословиц и поговорок мы обнаружили еще 60 французских пословиц о любви (*l'amour* (f)). Основная их масса взята из книги «Le dictionnaire d'amour», изданной в 1808 году Жираром де Пропиаком.

Изучив французские пословицы о любви, нельзя не согласиться с Ж.В. Кургузенковой, исследовавшей концепт «любовь» на материале французских фразеологизмов, которая отмечает, что «в вопросах отношений между полами французы более откровенны, чем русские».

Проведенный ею семантический анализ фразеологизмов позволяет сделать вывод о том, что «французскому языку присуща откровенная и детализированная форма описания всех этапов процесса ухаживания, который, в данном случае, в полной мере отражает принцип отсутствия во Франции запретов, касающихся отношений между мужчиной и женщиной» [20. С. 9].

Можно предположить, что бельгийцы имеют схожее с французами понимание любви, анализируя бельгийские пословицы. Нами было обнаружено 5 бельгийских пословиц о любви, и каждая из них несет абсолютно разный смысл.

Сравним: *L'amour est comme la rosée, elle tombe sur les roses comme sur la bouse de vache.* ((фр.) (пер. Любовь как роса, она падает и на розы, и на коровий навоз.) и бельгийскую пословицу *L'amour se jette aussi bien sur un chardon que sur une rose.* ((бел.) (пер. Любви подвластны как чертополох, так и роза.) Мы считаем, что эти пословицы практически идентичны по смыслу, кроме того, схожи по смыслу метафоры, в составе которых употребляются одинаковая лексическая единица *la rose (f)*. Это доказывает, что любовь у этих народов ассоциируется с цветами. Как каждый цветок хочет выжить, так каждый человек имеет право любить, не так важно кого: красивого или похожего на чертополох. Образ розы *la rose (f)* в сравнении с образом любви мы видим и в другой французской пословице *L'amour est une rose, et non une immortelle.* ((фр.) пер. Любовь — это роза, и она не бессмертна). Снова у французов любовь сопоставляется с розой, так как она не вечна и длится не всю жизнь, так же, как и роза красиво цветет и быстро отцветает.

Отношение к любви, как верно заметила Ж.В. Кургузенкова, у французов и романтическое, и порой довольно прозаичное. То же самое у бельгийцев. Сравним пословицы *L'amour, c'est comme les spaghettis, quand c'est mou, c'est cuit* (бел.) и *Des soupes et des amours les premières sont les meilleures* (фр.).

Во-первых, нужно обратить внимание на сравнение образа любви с образом еды. В бельгийской пословице — спагетти, во французской — суп. По нашему мнению, этому факту способствовал менталитет обеих наций, их любовь к еде и кулинарии. Французские пословицы *Le langage du coeur et celui qui convient le mieux à l'amour.* ((фр.) пер. Язык сердца — именно тот, который больше всего подходит любви), *Amour est mort, rien n'est plus fort.* ((фр.) пер. Любовь и смерть преград не знают). также очень романтично описывают любовь.

Французских пословиц о любви существует огромное количество. Приблизительно $\frac{1}{3}$ часть всех найденных нами французских пословиц о любви составляют пословицы с позитивным настроением: любовь — хороша и романтична. Но большую часть составляют пословицы, в которых любовь — чувство, приносящее проблемы и страдания. Например, французские пословицы *L'amour est un désir poussé jusqu'à la rage.* ((фр.) пер. Любовь — желание, доведенное до ярости), *L'amour est un danger s'il n'est point un naufrage.* ((фр.) пер. Любовь — это опасность, если не кораблекрушение), *L'amour met son bonheur dans le bonheur d'autrui.* ((фр.) пер. Любовь видит свое счастье в счастье других), *Le temps est cher en amour comme en guerre.* ((фр.) пер. Время в любви дорого как на войне) и др. демонстрируют несколько негативное отношение французов к любви как к чувству. Очевидно, что для них она приносила и приносит больше страданий и проблем, чем счастья.

Французы более раскрепощены в своих чувствах и всегда открыто их проявляют, что находит отражение в ряде разговорных фразеологических единиц. Так, например, фр. — *courir des filles* (букв. — бегать за женщинами) / *draguer des filles* (букв. — кадрить) / *lever des femmes* (arg.) (букв. подцепить) / *emballer des femmes* (pop.) (букв. — подцепить) / *trousser une femme* (fam.) (букв. — лазить под юбку, обладать женщиной) / *connaître une femme* (fam.) (букв. — познать женщину) / *croquer une femme* (fam.) (букв. — надкусить) / *rabattre une femme* (fam.) (букв. — уложить в горизонтальное положение); ср.: рус. — *волочиться за женщинами*» [20. С. 9].

Концепт «любовь» многогранно представлен в пословицах изучаемых нами стран. Это и женская любовь, и «слепая» любовь, которая затрагивает в конечном итоге каждого без исключения, и бессмертная любовь, и любовь, приносящая страдания. Можно сделать вывод, что в понимании смысла и ценности любви французы и бельгийцы сходятся во мнениях.

ВЫВОДЫ

Концепты — детально изученная область лингвокультурологии, хотя, несомненно, до сих пор представляющая сложность в правильном, точном и наиболее полном их толковании. Они крайне многогранны, вследствие чего не существует единого подхода к их изучению. Термин «концепт» относится к эпохе одного из средневековых течений — концептуализма, следовательно, появился очень давно. Серьезный интерес в лингвистической науке он стал представлять недавно: различные его толкования появились во II половине XX века. С тех пор концепт широко изучается учеными-лингвистами, так как имеет неразрывную связь с культурой народа, который им владеет.

Существует много подходов к изучению термина «концепт»: психологический, нейролингвистический, логический, лингвистический, лингвокультурологический, лингвокогнитивный и др. В данной работе особый интерес представляют два последних, так именно с таких же позиций мы рассматриваем выявленные нами концепты французов и бельгийцев.

Выделяют около 4 названий данного термина. В работах Н.Д. Арутюновой, С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева, С.Х. Ляпина, В.П. Нерознака, Ю.С. Степанова и др. мы обнаруживаем термин «концепт», для В.В. Воробьева это «лингвокультурема», «мифологема» по мнению В.Н. Базылева, «логоэпистема» называют его Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров. Каждый лингвист дает свое определение данного явления и поясняет его дефиницию.

В данном исследовании мы опирались на понятие *национального концепта*, данного В.В. Красных, которая формулирует его, объясняя одновременно сам термин «концепт». Под ним понимается идея «предмета» во множестве национально-культурных связей. Данная идея «предмета» абстрагирована, но явно проявляется в языковом сознании.

Для данной работы важным является также понятие *ключевые концепты культуры*, введенное В.А. Масловой, так мы ставим своей целью выделить основные концепты французов и бельгийцев на материале пословиц.

Концепт — сложная полевая структура. По З.Д. Поповой и И.А. Стернину, концепт имеет номинативное поле. Он имеет ядро (ядерные признаки) и периферийные признаки. Ядро концепта представляют признаки, нужные для того, чтобы достаточно полно понять, о чем сообщается при коммуникации, они существуют для всех носителей французского языка. Ядерные признаки составляют базисную смысловую структуру концепта.

Существуют понятия, смежные с *концептом*, а именно понятие *ценность*. В самом общем смысле ценность представляет собой все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т.д. Более того, это некий идеал, к которому следует стремиться. И концепт, и ценность обозначают ключевые элементы

национального, культурного сознания, находящие свое выражение в языке. Связь между лингвистикой и культурой достигается именно посредством концептов, ценностей того или иного народа.

Представленное в статье исследование заключалось в сравнении национальных концептов бельгийцев и французов на материале Словаря пословиц и поговорок «*Dictionnaire des proverbes et dictons*» F. Montreynaud, A. Pierron, F. Suzzonni. Нагляднее всего характер народа иллюстрируют пословицы, так как они создаются самим народом в ходе исторических событий, а также реальных жизненных ситуаций. Нами было проанализировано 119 французских пословиц: 47, в которых отражается концепт «женщина», 60 изречений о «любви» и 12 — о «мужчине». Источниками материала послужили также форумы и сайты пословиц в Интернете, в которых было найдено и изучено 13 бельгийских пословиц о «женщинах» и «любви».

Концепт «женщина» имеет сходства и различия в понимании французов и бельгийцев. Например, обе нации, подчеркивая женскую красоту, хитрость, приписывают женщине образ дьявола. Можно предположить, что данное сравнение формировалось на протяжении долгих лет и объясняется религиозными соображениями. Как показал наш материал, отношение к женщине у них разное. Для французов женщина — сильное существо, имеющее и физическую силу, и выдержку. В то время как бельгийцы в своих пословицах чаще говорят о женщине с любовью и заботой.

На материале французских пословиц о мужчинах нами были выявлены некоторые концептуальные признаки. Французы превозносят мужчину над женщиной, кроме того, всегда подчеркивают мужское начало — характер создателя и опоры для женщины. Для получения адекватных выводов относительно выражения концепта «мужчина» в бельгийских пословицах также необходимо исследовать большой объем материала.

Мужчин и женщин всегда связывает самое сильное чувство — любовь. Поэтому далее был рассмотрен один из ведущих концептов французов «любовь». Отмечаемый ранее исследователями факт о том, что в вопросах отношений между полами французы откровенны, нашел подтверждение и в нашем материале. Отношение к любви у французов и бельгийцев схоже. Они сравнивают любовь с розой. Очевидно, имеется в виду и красота цветка, и его недолговечность. Обе нации одинаково романтичны и одновременно прозаичны, когда говорят о любви. В ряде пословиц они описывают любовь как длительное чувство, а примерно в $\frac{2}{3}$ всех французских пословиц любовь приносит проблемы и длится совсем недолго, заставляет человека страдать.

В целом, анализ реализации концептов «женщина», «мужчина» и «любовь» на материале французских и бельгийских пословиц выявил много общего, в частности, в отношении к любви. Различия касаются характеристик женщины и мужчины.

© Нелюбова Н.Ю., Сёмина П.С., Ершов В.И.

Дата поступления: 24.09.2018

Дата приема в печать: 26.10.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. М.: Гнозис, 1994.
2. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. Фрагмент книги. М.: Изд-во РУДН, 2006.
3. *Базылев В.Н.* Несистемно-теоретический подход к языку // Вопросы когнитивной лингвистики, 2005. № 3(006). С. 97—107.
4. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Логозписема как категория лингвокультурологического поиска // Лингводидактический поиск на рубеже веков: Юбилейный сборник. М.: Информационно-учебный центр Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2000. С. 88—96.
5. *Балашова Е.Ю.* Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
6. *Арутюнова Н.Д.* Культурный анализ языка: Культурные концепты языка. М.: Наука, 1991.
7. *Аскольдов-Алексеев С.А.* Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267—279.
8. *Лихачёв Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52, № 1. С. 3—9.
9. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.
10. *Красных В.В.* Курс лекций. М.: Гнозис, 2002.
11. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
12. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. С. 42—67.
13. *Гибатова Г.Ф.* Аксиология в языке // Вестник ОГУ, 2011. по 2(121). С. 127—132.
14. *Ремизова В.Ф., Костина Н.Г.* Концепт vs. ценность. [Электронный ресурс] Оренбургский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, ФГБОУ ВО Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург. Режим доступа: http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/5555/1/elibrary_28977363_40994851.pdf (дата обращения 25.09.2018).
15. *Нелобова Н.Ю., Фомина П.С.* Использование приема адаптации при переводе художественных произведений, относящихся к различным типам культур (западной и русской) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 211—224.
16. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
17. *Мухутдинова Ф.Б.* Концепт «женщина» во французском языковом сознании (на материале афористики): автореф. ... канд. фил. наук. М., 2006.
18. *Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F.* Dictionnaire de proverbes et dictons. Paris: Le Robert, 2006.
19. *Борисова И.З.* Концепт «любовь» в пословичной картине мира во французском и якутском языках // Вестник Бурятского государственного университета, 2013. по 11. С. 13—17.
20. *Кургузенкова Ж.В.* Особенности культуры франкоязычного мира сквозь призму фразеологии: автореф. ... канд. фил. наук. М., 2004.
21. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001. по 5. С. 64—71.
22. *Гак В.Г., Ганишина К. А.* Новый французско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1995.
23. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166—205.
24. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 75—80.
25. *Клюков В.Т.* Словарь французского языка за пределами Франции. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000.
26. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

27. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
28. Хромова Е.Б., Гуревич А.Я. История ментальностей // Вестник Пермского университета, 2014. no 1(24). С. 163—168.
29. [Электронный ресурс]: <http://citation-celebre.leparisien.fr> (дата обращения 25.09.2018).
30. [Электронный ресурс]: <http://dicocitations.lemonde.fr> (дата обращения 30.09.2018).
31. [Электронный ресурс]: <https://www.mon-poeme.fr> (дата обращения 28.09.2018).
32. [Электронный ресурс]: <https://www.proverbes-francais.fr> (дата обращения 20.09.2018).

УДК: 811.133.1'33:398.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-926-943

CONCEPTS “WOMAN”, “MAN”, “LOVE” IN FRENCH PROVERBS (based on the French language of France and Belgium)

Natalia Yu. Nelyubova¹, Polina S. Syomina¹, Viktor I. Ershov²

¹RUDN University

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

²Linguistics and translation department, Odintsovo branch MGIMO-University

3, Russia, Novo-Sportivnaya str, Odintsovo, Moscow region, 143007

Abstract. In this article, the concepts “concept” and “value”, which clearly and fully characterize the linguistic world-image of a particular nation, are examined. Some approaches to the study of the term “concept” are discussed, the concept and its structure characteristics are presented, the nominative field of the concept and its attributes are analyzed. A brief description of the term “value” in linguistics is given. A parallel with the concept is given, some similarities and differences in the nature of these two terms are described. The material examined is the French language proverbial fund of France and Belgium. The definition of the proverb is given, examples of French and Belgian proverbs are analyzed, and their analysis is carried out in order to identify the most popular values of both nations. The principal concepts reflected in the proverbs studied: “woman”, “man”, “love”; the conclusions, obtained as a result of the research, are summarized. The purpose of this article is to study French concepts on the basis of French proverbial dictionaries and compare them with the concepts revealed in the proverbs of French-speaking Belgians. This study is relevant because, despite the availability of scientific literature describing the main concepts of the French and a number of works on the comparative analysis of the French language peculiarities of the French and Belgians, the problem of comparing the linguistic world-image of both nations on the material of proverbs has not been previously studied in detail.

Key words: concept, linguistic world-image, national concept, nominative field, conceptual features, value, proverb, concept “woman”, concept “man”, concept “love”

REFERENCES

1. Neretina, C.C. (1994). Word and text in the middle-aged culture. History: myth, time, secret. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
2. Vorobibev, V.V. (2006). Cultural linguistics. Fragment of the book. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
3. Bazylev, V.N. (2005). Non-systemic theoretical approach to the language. *Questions of cognitive linguistics*, 3(006), 97—107. (In Russ.).
4. Kostomarov, V.G. & Burvikova, N.D. (2000). Logoepistemaas a linguoculturological search category. In *Linguodidactic search at the turn of the century. Festschrift*. Moscow: Information and Training Center Pushkin State Russian Language Institute. pp. 88—96. (In Russ.).

5. Balashova, E.Yu. (2004). Concepts of love and hate in the Russian and American linguistic consciousnesses: [dissertation]. Saratov. (In Russ.).
6. Arutyunova, N.D. (1991). Logical analysis of the language: Cultural concepts of language. Moscow: Nauka. (In Russ.).
7. Askoldov-Alekseev, S.A. (1997). Concept and the word. In: *Russian literature: From the theory of literature to the structure of the text: Anthology*, V.P. Neroznak (Ed.). Moscow: Academia. pp. 267—279. (In Russ.).
8. Likhachev, D.S. (1993). Shere of the Russian language concepts. *Izvestiyathe Russian Academy of Sciences*, 52(1), 3—9. (In Russ.).
9. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). Semantico-cognitive analysis of the language. Voronezh. (In Russ.).
10. Krasnyh, V.V. (2002). Lecture course. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
11. Maslova, V.A. (2001). Linguistic and cultural studies. Moscow: Academy. (In Russ.).
12. Stepanov, Yu.S. (2004). Constants: Dictionary of Russian Culture. Moscow: Academic Project. pp. 42—67. (In Russ.).
13. Gibatova, G.F. (2011). Axiology in language. *Bulletin of the OSU*, 2 (121), 127—132. (In Russ.).
14. Remizova, V.F., Kostina N.G. Concept vs. value. [Electronic resource] Orenburg branch of the RGU. G.V. Plekhanov, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg. URL: http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/5555/1/elibrary_28977363_40994851.pdf (accessed 25.09.2018). (In Russ.).
15. Nelyubova, N.Y. & Fomina, P.S. (2018). Adaptation technique in translation of literary texts, of different culture types (e.g. Western and Russian). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 48, 211—224. (In Russ.).
16. Akhmanova, O.S. (1966). Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.).
17. Mukhutdinova, F.B. (2006). The concept of “woman” in French linguistic consciousness (on the material of aphorism): [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
18. Montreynaud, F., Pierron, A. & Suzzonni, F. (2006). Dictionnaire de proverbes et dictions. Paris: Le Robert.
19. Borisova, I.Z. (2013). The concept of “love” in the proverbial picture of the world in the French and Yakut languages. *Bulletin of the Buryat State University*, 11, 13—17. (In Russ.).
20. Kurguzenkova, Zh.V. (2004). Features of the culture of the French-speaking world through the prism of phraseology: [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
21. Vorkachev, S.G. (2001). Cultural linguistics, language personality, the concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*, 5, 64—71. (In Russ.).
22. Gak, V.G., Ganshina, K.A. (1995). New French-Russian Dictionary. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
23. Karasik, V.I. (2002). Cultural dominants in the language. In: *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd. pp. 166—205. (In Russ.).
24. Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (2001). Linguocultural contsept as a unit of research. In: *Methodological problems of cognitive linguistics: Scientific publication*, I.A. Sternin (Ed.). Voronezh: Voronezh State University, pp. 75—80. (In Russ.).
25. Klokov, V.T. (2000). Dictionary of French outside France. Saratov: Saratov University Press. (In Russ.).
26. Linguistic Encyclopedic Dictionary, V.N. Yartseva (Ed.). (1990). Moscow: Sov. Encyclopedia. (In Russ.).
27. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). Cognitive linguistics. Moscow: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.).
28. Khromova, E.B. & Gurevich, A.Ya. (2014). The history of mentalities. *Bulletin of Perm University*, 1(24), 163—168. (In Russ.).

29. URL: Electronic resource: <http://citation-celebre.leparisien.fr> (accessed: 25.03.2017).
30. URL: Electronic resource: <http://dicocitations.lemonde.fr> (accessed: 25.03.2017).
31. URL: Electronic resource: <https://www.mon-poeme.fr> (accessed: 25.03.2017).
32. URL: Electronic resource: <https://www.proverbes-francais.fr> (accessed: 25.03.2017).
33. URL: Electronic resource: <https://en.wikipedia.org/wiki> (accessed: 25.03.2017).

Для цитирования:

Нелюбова Н.Ю., Сёмина П.С., Ершов В.И. Концепты «ЖЕНЩИНА», «МУЖЧИНА», «ЛЮБОВЬ» во французских пословицах (на материале французского языка Франции и Бельгии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 4. С. 926—943. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-926-943.

For citation:

Nelyubova, N.Y., Syomina P.S. & Ershov, V.I. (2018). Concepts “WOMAN”, “MAN”, “LOVE” in French roverbs (based on the french language of France and Belgium). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 926—943. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-926-943.

Сведения об авторе:

Наталья Юрьевна Нелюбова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: сопоставительные исследования на материале французского, русского и английского языков; *e-mail*: at.nelubova@mail.ru

Полина Сергеевна Сёмина, аспирант 3 курса аспирантуры направления «Романские языки», Российский университет дружбы народов; *научные интересы*: изучение языковых особенностей бельгийского варианта французского языка, выявление ведущих концептов французов и бельгийцев на различном языковом материале; *e-mail*: karpovapauline@gmail.ru

Виктор Иванович Ершов, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Одинцовского филиала МГИМО МИД; *научные интересы*: теория перевода, инновационные подходы в обучении переводу; *e-mail*: ershovik@mail.ru

Information about the authors:

Nataliya Yu. Nelyubova, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *research interests*: comparative study of French, Russian and English; *e-mail*: nat.nelubova@mail.ru

Polina S. Syomina, 3 year post-graduate student in “Romance languages”, Peoples’ Friendship University of Russia; *research interests*: the study of the linguistic features of the Belgian version of the French language, the identification of principal French and Belgian concepts on various linguistic material; *e-mail*: karpovapauline@gmail.ru

Viktor I. Ershov, PhD, Associate professor, associate professor at the Linguistics and translation department, Odintsovo branch MGIMO-University; *research interests*: theory of translation, innovative approaches in translation teaching; *e-mail*: ershovik@mail.ru

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

УДК: 81:159.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-944-950

XVIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ» г. Орехово-Зуево: ГГТУ*, 16—18 мая 2018 года

Е.А. Красина¹, А.А. Васильева^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²МГИМО (университет) МИД РФ
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Язык и мышление — это одна из «вечных» исследовательских сфер деятельности, принадлежащих к наукам о человеке, а потому неизбежно вовлекающая в обсуждение ученых смежных областей знаний — философов, психологов, педагогов и лингвистов. Очевидно, что науки о человеке не покрываются понятием гуманитарных наук: эта область человеческого познания бесконечна и безгранична, она объединяла и объединяет ученых начиная с античных времен и до наших дней в рамках антропологической парадигмы знаний о человеке и обществе. Неслучайно эта представительная конференция — уже XVIII Международная научная конференция «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» — регулярно проводится при непосредственном участии Института языкознания РАН и Психологического института РАО.

Для лингвистической теории и практики по-прежнему сохраняют свою актуальность такие характеристики языка, которые принадлежат истории становления науки о языке, в частности, понимание языка как отличительной, характерологической черты человека, принадлежащая И.-Г. Гердеру — автору первой исторической концепции языка, показавшей развитие мышления и языка в их неслиянном, но одновременно и неразрывном единстве. На этом фоне объективируются положения теории В. фон Гумбольдта о языке как субъективном образе объективного мира и далее — о языке как органе, образующем мысль. Еще кон-

* ГГТУ — Государственный гуманитарно-технический университет, г. Орехово-Зуево, Московская область.

кретнее о взаимодействии языка и мышления писал российский ученый А.А. Потебня, представлявший язык как одну из форм мысли, закрепляющую капитал мысли, однако при этом область языка далеко не совпадает с областью мысли.

Подобно И.Г. Гердеру, с опорой на его гоминидную триаду И.А. Бодуэн де Куртене утверждал, что процесс становления языка свидетельствует о его человечении не только на примере индивидуума, отдельного человека и народа, к которому он принадлежит, но и о человечении самого языка, который становится основным средством отражения действительности и познания. Вторя И.А. Бодуэну де Куртене, его современник и собеседник по переписке крупнейший швейцарский лингвист XX века Ф. де Соссюр экстраполирует человечение языка на социум, декларируя, что язык есть общественное установление принудительного характера.

Очевидно, что общенаучные методологические принципы движения познания от конкретного к абстрактному, от простого к сложному и наоборот организаторы конференции приняли за основу и сконцентрировали обсуждение не по принципу рода интересов и занятий участников конференции, а в соответствии с областью исследования, что и нашло свое отражение в опубликованной программе и материалах конференции. Так, редакционная коллегия сборника материалов конференции отмечает, что первый круг докладов и сообщений объединяет проблемы изучения соотношения и взаимодействия языка и мышления в генетическом и сопоставительном аспектах: обсуждаются вопросы значения и назначения ассоциативных словарей (к.ф.н. Ф.И. Артыкбаева и др., Шымкент, Казахстан); ассоциативные аспекты языкового сознания (д.ф.н. И.В. Дмитрюк, Шымкент, Казахстан); прагматические механизмы несобственно-прямой речи в немецких и русских художественных текстах (к.ф.н. Н.М. Леонова, Видное, Московская область); галлицизмы в словаре русского языка и трудности их освоения (к.ф.н. Н.А. Филатова, Орехово-Зуево, Московская область); развитие идеи человеческой сущности языка в истории зарубежного и российского языкознания (д.ф.н. Е.А. Красина, преподаватель А.А. Васильева, Москва) и др.

Следующий цикл докладов анализирует логические и структурные аспекты в рамках проблемы «Язык и мышление». На наш взгляд, здесь наиболее яркими стали доклады о стилистической окраске языковых единиц как дейктическом средстве в «Живом стилистическом словаре русского языка» (д.ф.н. Г.В. Векшин, Москва); о типологическом подходе к триаде *язык — мышление — речь* (д. психол. наук М.А. Кабардов, Москва); мыслительной функции вопроса (д.ф.н. А.А. Калинина, Йошкар-Ола); о предложениях тождества в свете языковой асимметрии (к.ф.н. О.А. Касаткина, Орехово-Зуево, Московская область); о языке как средстве общения и выражения мысли (к. психол. наук А.Ф. Корниенко, Казань).

Третий круг включает междисциплинарное обсуждение вопросов значения, структуры и функций языка и затрагивает динамическое взаимодействие языка и мышления, включая психологический и педагогические подходы к эмоциональной коммуникации детей дошкольного возраста (к. психол. наук О.В. Брехина, Орехово-Зуево); гендерное развитие детского креативного мышления в особых

условиях (студентка Мишина, Орехово-Зуево); лингвофилософские аспекты закона экономии усилий (к. психол. наук, д.ф.н. А.В. Пузырев, Орехово-Зуево).

Проблематика исследований базируется на психолингвистическом подходе и экспериментальных данных, что свидетельствует о сложившейся психолого-педагогической матрице исследований в Государственном гуманитарно-техническом университете, г. Орехово-Зуево.

Наконец, четвертый круг исследований, представленный на конференции как в виде докладов, так и статей, опубликованных в материалах конференции, — это функциональные особенности взаимодействия языка и мышления. Безусловно, лидером стала психосоматическая диагностика БОС как метод исследования мышления женщин в семейном консультировании (А.И. Балыкин и Т.В. Балыкина-Милушкина, Москва). Авторы этого замечательного доклада не только представили оригинальную методику, но и протестировали (по желанию) участников конференции; оказалось, что словесный стимул всегда сопровождается, как правило, неконтролируемой психической реакцией человека вплоть до неосознанных движений руки или мимики лица. Вниманию аудитории были представлены этноспецифика интеллекта по данным языка (д.ф.н. С.Г. Воркачев, Краснодар); соотношение ассоциативной структуры слова и текста (к.ф.н. Р.А. Даминова, Уфа); семантика музыкального знака и психология восприятия произведений музыкального минимализма (к.ф.н. С.А. Гейченко, Москва), фonoсимволизм в поэтических текстах (Дун Вэнькан, Чжанчжоу, Китай); социолингвистические аспекты французского языка на алжирском радио (доктор филологии И. Сади, Беджайя, Алжир).

Очевидно, что конференция затронула большой спектр разнообразных теоретических концепций, прикладных и экспериментальных аспектов в рамках неисчерпаемой проблематики междисциплинарных исследований в области философии, психологии, педагогики и лингвистики, объединенных общей постановкой вопроса о взаимодействии языка и мышления. География конференции чрезвычайно широка и охватывает не только университеты в России — Казань, Краснодар, Москва, Санкт-Петербург, Уфа и т.д., но и в зарубежных странах, в частности, в Алжире, Бразилии, Германии, Китае, Казахстане.

Идейным вдохновителем является кандидат психологических наук, доктор филологических наук Александр Владимирович Пузырев, который неоднократно организовывал и проводил подобные конференции в Пензе, Ульяновске и других городах России. Высокий рейтинг конференции поддерживается ее прекрасным техническим обеспечением: участники конференции как будто побывали на вебинаре с Казахстаном, Китаем и Бразилией; демонстрация слайдов в Power Point и PDF также была безупречной. Особой благодарности заслуживает культурная программа: участники и гости конференции смогли побывать на интереснейшей экскурсии в старинном русском городе Коломна, во время которой они не только познакомились, но и начали обсуждение ее повестку дня.

Хочется пожелать дальнейших успехов этому замечательному многолетнему проекту и новых встреч на новых конференциях «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Балыкин А.И., Балыкина-Милушкина Т.В.* Развитие творческого потенциала тренера посредством коррекции эмоционально-смысловых доминант в процессе мозгового штурма // *Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании: Материалы V Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием*. М., 2016. С. 42—48.
2. *Бендас Т.В.* Гендерная психология. СПб.: Питер, 2006.
3. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I—II. М.: Изд-во АН СССР, 1963. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Человечество языка // *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 258—264.
4. *Векишин Г.В., Гейченко С.А.* Основы стилистической семантики: учебное пособие. М.: МИРЭА, 2017.
5. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
6. *Гагаев А.А., Гагаев П.А.* Философия и психология естественных, технических и гуманитарных наук: культурно-типическая и личная модель науки (логика открытия). Космо-психологос уникального человека. Система философии: в 3-х частях. Ч. 2, 3. Саранск: Мордовский университет, 2004.
7. *Гердер И.Г.* Избранные сочинения. Москва—Ленинград: Гослитиздат, 1959.
8. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
9. *Дмитрюк Н.В.* Казахско-русский ассоциативный словарь. Шымкент—Москва, 1998. Режим доступа: <http://dmitryuk-nv.livejournal.com> (Дата обращения: 20.10.2018).
10. *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
11. *Кабардов М.К.* Языковые способности: психология, психофизиология, педагогика. М.: Смысл, 2013.
12. *Караулов Ю.Н.* Показатели ассоциативного менталитета в ассоциативно-вербальной сети // *Языковое сознание и образ мира*. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 191—206.
13. *Киров Е.Ф.* Знак и теория значения // *Сб. научных статей: Лингводидактические аспекты повышения профессиональной иноязычной компетенции. Теория и практика*. Ульяновск, 1995. С. 4—16.
14. *Мукина О.Г.* Феномен синестезии в русской поэзии XIX—XX веков // *Поволжский педагогический поиск*, 2016. no 4 (18). С. 93—95.
15. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.
16. *Пузырев А.В.* Опыты целно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности // *Сб. статей*. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2002.
17. *Пузырев А.В.* О системном подходе в лингвистике: учебное пособие для студентов филологических специальностей. М.: ВНИИГеосистем, 2014.
18. *Рогожникова Т.М.* Взаимосвязь ассоциативного мира слова и текста // *Проблемы семантики: психолингвистические исследования*. Тверь: ТверГУ, 1991. С. 45—53.
19. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2006.
20. *Румянцева И.М.* Психология речи и лингвопедагогическая психология. М., 2004.
21. *Русский ассоциативный словарь (РАС-1)* / под. ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой. М., 1994.
22. *Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский* / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004. Режим доступа: <https://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html> (Дата обращения: 20.10.2018).
23. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М.: Логос, 1998.
24. *Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. М., 1996.
25. *Фесенко Т.А.* Ментальный лексикон: проблемы структуры и репрезентации // *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2005. no 3. С. 102—109.

26. Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М.: МГУ, 1981.
27. Шаховский В.И. Экология эмотивного языка: теоретические и практические аспекты // Экология языка и коммуникативная практика, 2013. no 1. С. 233—245.
28. Шувалова И.Е. Семантика русских местоимений. Курск: КГУ, 2007.
29. Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты // Материалы XVIII Международной научной конференции. Орехово-Зуево: ГГТУ, 16—18 мая 2018 г.

УДК: 81:159.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-944-950

**XVIII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“LANGUAGE AND MIND: PSYCHOLOGICAL
AND LINGUISTICS ASPECTS”
Orekhovo-Zuyevo: GGTU, 16—18 May, 2018**

Elena A. Krasina¹, Anna A. Vasilyeva²

¹RUDN University

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

²MGIMO-University of RF Ministry of Foreign Affairs

76, Vernadskogo ave., Moscow, Russia, 119454

REFERENCES

1. Balykin, A.I. & Balykinf-Milushkina, T.V. (2016). The development of the creative potential of a coach through the correction of emotional-semantic dominants during brainstorming. *Innovative technologies in sports and physical education: Proceedings of the V Interregional Scientific and Practical Conference with international participation*. Moscow. pp. 42—48. (In Russ.).
2. Bendas, T.V. (2006). *Gender Psychology*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
3. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). Human language In *Selected Works on General Linguistics*. Vol. I—II. Moscow: AN SSSR. pp. 258—264 (In Russ.).
4. Vekshin, G.V. & Geychenko, S.A. (2017). *Fundamentals of stylistic semantics*. Moscow: MIREA. (In Russ.).
5. Vygotski, L.S. (1999). *Thinking and speaking*. Moscow: Labirint. (In Russ.).
6. Gagayev, A.A. & Gagayev, P.A. (2004). Philosophy and psychology of natural, technical and human sciences: cultural-typical and personal model of science (the logic of discovery). *Cosmo-psycho-logos of a unique person. Philosophy system*: in 3 parts. Part 2, 3. Saransk: Mordovia University. (In Russ.).
7. Herder, I.-G. (1959). *Selected Works*. Moscow—Leningrad: Goslitizdat. (In Russ.).
8. Humboldt, W. von. (1984). *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
9. Dmitryuk, N.V. (1998). *Kazakh-Russian associative dictionary*. Shymkent—Moscow. URL: <http://dmitryuk-nv.livejournal.com> (accessed: 20.10.2018). (In Russ.).
10. Zalevskaya, A.A. (1990). The word in the lexicon of man: psycholinguistic research. Voronezh. (In Russ.).
11. Kabardov, M.K. (2013). *Language abilities: psychology, psychophysiology, pedagogy*. Moscow: Smysl. (In Russ.).

12. Karaulov, Yu.N. (2000). Indicators of associative mentality in the associative-verbal network In *Language consciousness and the image of the world*. Moscow: IJa. RAN. (In Russ.).
13. Kirov, Eu.F. (1995). The sign and value theory. *Sb. scientific articles: Linguodidactic aspects of enhancing professional foreign language competence. Theory and practice*. Ulyanovsk. (In Russ.).
14. Mukina, O.G. (2016). The phenomenon of synesthesia in Russian poetry of the XIX—XX centuries, *Volga pedagogical search*, 4 (18), 93—95. (In Russ.).
15. Potebnya, A.A. (1993). Thought and language. Kiev: SINTO. (In Russ.).
16. Puzyrev, A.V. (2002). Experiments of whole-system approaches to language and non-linguistic reality. Penza: PGPU named after V.G. Belinsky. (In Russ.).
17. Puzyrev, A.V. (2014). On the system approach in linguistics: a manual for students of philological specialties. Moscow: VNIIGEOSYSTEM. (In Russ.).
18. Rogozhnikova, T.M. (1991). Interrelation of the associative world of words and text In *Problems of semantics: psycholinguistic studies*. Tver: TverSU. pp. 45—53. (In Russ.).
19. Rubinstein, S.L. (2006). Fundamentals of general psychology. St. Petersburg: Piter.
20. Rumyantseva, I.M. (2004). Psychology of speech and linguopedagogical psychology. M.
21. Russian Associative Dictionary (PAC-I) (1994). Yu.N. Karaulov, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov, N.V. Ufimtseva, G.A. Cherkasova (Eds.). Moscow. (In Russ.).
22. Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian (2004). N.V. Ufimtseva, G.A. Cherkasova, Yu.N. Karaulov, E.F. Tarasov (Eds.). URL: <https://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html> (accessed: 10/20/2018). (In Russ.).
23. Saussure, F. de. (1998). The course of general linguistics. Moscow: Logos. (In Russ.).
24. Ufimtseva, N.V. (1996). Russians: the experience of another self-knowledge In *Ethnocultural specificity of linguistic consciousness*. Moscow. (In Russ.).
25. Fesenko, T.A. (2005). Mental lexicon: problems of structure and representation. *Questions of cognitive linguistics*, 3, 102—109. (In Russ.).
26. Readings on general psychology In *Psychology of thinking*. (1981). Yu.B. Gippenreiter, V.V. Petukhov (Eds.). Moscow: MGU. (In Russ.).
27. Shakhovsky, V.I. (2013). Ecology of an emotive language: theoretical and practical aspects. *Ecology of language and communicative practice*, 1, 233—245. (In Russ.).
28. Shuvalov, I.E. (2007). Semantics of Russian pronouns. Kursk: KSU. (In Russ.).
29. Language and thinking: Psychological and linguistic aspects In *Materials of the XVIII International Scientific Conference, May 16—18, 2018*. Orekhovo-Zuyevo: GGTU. (In Russ.).

Для цитирования:

Красина Е.А., Васильева А.А. XVIII Международная научная конференция «Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты». Орехово-Зуево: ГГТУ, 16—18 мая 2018 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 4. С. 944—950. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-944-950.

For citation:

Krasina, Elena & Vasilyeva, Anna. (2018). XVIII International scientific conference “Language and mind: Psychological and linguistics aspects”. Orekhovo-Zuyevo: GGTU, 16—18 May, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 944—950. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-944-950.

Сведения об авторах:

Красина Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. *Сфера научных интересов*: теория текста и дискурса, лингвистическая прагматика, лингвосомиотика, синтаксис и семантика. *Контактная информация*: e-mail: elena_krassina@mail.ru

Васильева Анна Александровна — преподаватель кафедры русского языка МГИМО (У) МИД России. *Сфера научных интересов:* художественный текст, семантика и синтаксис русского языка. *Контактная информация: e-mail:* vasilyeva_aa_mgimo@mail.ru

Information about the authors:

Elena A. Krasina is Full Professor, the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. *Research interests:* text and discourse studies, linguopragmatics, linguosemiotics, syntax and semantics. *Contact information: e-mail:* elena_krassina@mail.ru

Anna A. Vasilyeva is a teacher of the Russian Language Department of the MGIMO (U) MID RF. *Research interests:* literary text studies, Russian syntax and semantics. *Contact information: e-mail:* vasilyeva_aa_mgimo@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК: 81'42

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-951-954

ИСКУССТВО ПОНИМАНИЯ

**Рецензия на учебное пособие: *Ненарокова М.Р.*
Основы лингвостилистического анализа текста:
учебное пособие. М.: РУДН, 2018. 186 с.**

Н.В. Налегач

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

Понимание — основа филологического знания, поэтому два пути, ведущих к нему, — анализ и интерпретация — оказываются в центре обучения на любой ступени освоения лингвистических и литературоведческих дисциплин. Многообразие аналитических моделей языковых и речевых единиц в их самодостаточности и во взаимодействии с другими элементами в пределах текстовых и сверхтекстовых единств как нельзя лучше отражает эту установку на освоение принципов и приемов анализа того или иного явления при освоении образовательных программ всех направлений в рамках стандартов УГС 450000 Языкознание и литературоведение. В связи с этим рецензируемое учебное пособие М.Р. Ненароковой «Основы лингвостилистического анализа текста» является актуальным и востребованным в современном вузовском образовательном процессе.

В соответствии с учебным планом направлений подготовки 45.03.02 «Лингвистика» и 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» и рабочей программой дисциплины пособие содержит курс лекций, типы заданий для самостоятельной работы студентов, избранные образцы их выполнения магистрантами, а также рекомендуемую учебную литературу. Одиннадцать лекций структурированы по четырем принципам. Во-первых, они представляют собой определение и пошаговый алгоритм лингвостилистического анализа текста в движении от простого к сложному, обусловленный уровневой структурой языка и его текстовых воплощений. Поэтому в лекциях с первой по четвертую характеризуются смыслообразующие возможности графики текста, авторской орфографии и пунктуации, фоники, мор-

фемной игры и т.д. Следует отметить, что по мере рассмотрения более сложных уровней организации текста автор пособия предлагает учитывать многоаспектность в работе с их единицами. Так, демонстрируя возможности анализа лексического уровня, М.Р. Ненарокова предлагает студентам рассмотреть слово с точки зрения многозначности, внутренней формы, стилевой окрашенности, принадлежности к основному или периферийному запасу, обратить внимание на повторяемость, позволяющую выделить ключевые слова, проанализировать «ономастическое пространство» текста и т.д.

Закономерно, что в третьей лекции автор пособия показывает сложившиеся в традиции фигуры речи и тропы, посредством которых осуществляется переход от словесного к образному языку выражения. Логикой восхождения от значения к смыслу продиктовано обращение в четвертой лекции к особенностям анализа текстовых единств посредством освоения таких явлений, как «структура текста», «система текста» и «композиция».

Во-вторых, лекции с пятой по седьмую призваны помочь студентам осознать такое явление, как мир, воплощенный в тексте, что уже непосредственно связано с аналитической работой по постижению смысла произведения, закрепленного в тексте. Этим обусловлено внимание автора пособия к пространственно-временной организации этой возникающей в любом произведении реальности, а также к образу человека, его месту в этом созданном словом мире, что ведет за собой разговор об авторе, герое и системе персонажей. Можно сказать, что в этих лекциях М.Р. Ненарокова органично объединяет лингвистический и литературоведческий ракурсы анализа, демонстрируя неразрывность текста и произведения и в то же время их несовпадение в объеме содержательности. На наш взгляд, такой комплексный подход позволяет студентам освоить объективные пути понимания смысла с опорой на анализ текста.

В-третьих, лекции с восьмой по десятую организованы с учетом жанрово-типологического подхода, поскольку жанрово-родовые формы особым образом структурируют содержание, отражая коллизию встречи авторской и сверхавторской, закрепленной в культурной традиции, смысловых интенций, что также продемонстрировано М.Р. Ненароковой в соотношении жанра и стиля как принципов выражения и завершения смысла.

В-четвертых, обнаружение проблематичности выражения авторской воли в тексте и в то же время ее наличие в ней логично подготавливает рассмотрение в одиннадцатой лекции сложнейшего явления столкновения значений и смыслов — интертекстуальности. Благодаря многоаспектному разговору о явлении межтекстовых взаимодействий автору пособия удастся продемонстрировать еще одного важного участника смыслостроения — читателя. Поскольку обнаружение авторской игры цитатами, аллюзиями, реминисценциями опирается в процессе восприятия на «тезаурус читателя», от которого целиком зависит, будет ли замечена это метатекстовая интенция автора, его выход к другим точкам зрения и специфика включения их в орбиту своей художественной реальности.

Весь иллюстративный материал подобран из произведений англоязычной литературы, что обусловлено его предназначенностью для студентов и магистрантов тех направлений филологического знания, которые ориентированы на изучение переводоведения и зарубежной филологии. Следует отметить скрупулезность автора пособия: каждый термин, каждое описываемое явление, каждый рассматриваемый элемент структуры текста сопровождается примером, что существенно облегчает усвоение теоретически насыщенного материала обучающимися.

Ориентация пособия на учебный процесс сказалась не только в строгой структурированности освещаемых тем, но и в языке изложения, отличающемся высокой степенью точности и ясности при обращении к понятийному аппарату. Обобщая накопленный в современной филологии большой опыт разных методик анализа текста и его уровней, предполагающий отличия в толковании понятий, автор пособия каждый раз делает акцент на бесспорном компоненте определения рассматриваемой категории или уровня, обходя стороной полемичные нюансы. Сжатый конспективный стиль изложения позволяет охватить богатый спектр нюансировок и возможных подходов к рассмотрению функционирования изучаемой единицы в тексте, а наличие ссылок на работы М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Тынянова и др. ученых дает возможность заинтересованным студентам более подробно ознакомиться с обозначенным в пособии тем или иным явлением.

Такая стратегия позволяет М.Р. Ненароковой успешно реализовать главную цель дисциплины — научить студентов основам лингвостилистического анализа текста, помочь им освоить его методику и самостоятельно выделить и рассмотреть все описанные и выявленные на данный момент элементы структуры текста. В этой связи закономерно нестандартное оформление в пособии резюмирующего заключения. Результативность представленной технологии продемонстрирована не в виде традиционного итогового суждения, а дана посредством примеров студенческих работ, в которых успешно применено освоенное ими на протяжении курса умение системно применять все обозначенные в пособии процедуры анализа для понимания переводимых произведений. Приведенные образцы разбора студентами стихотворений Ш. Смит и Дж. Китса, демонстрирующего познавательно ценный переход от значения к смыслу, безусловно, свидетельствуют о продуктивности представленной модели лингвостилистического анализа художественных текстов.

Таким образом, четыре принципа: восхождение от простого к сложному, соединение лингвистического и литературоведческого аспектов, обнаружение авторской и сверхавторской (жанровой) интенций, а также указание на межтекстовое взаимодействие, наиболее явно активизирующее читательское восприятие как инструмент смыслостроения, позволяют автору пособия обобщить и систематизировать выработанные в филологии разнообразные подходы к анализу текста и его элементов, представив продуктивную и легко осваиваемую в условиях современного учебного процесса модель понимания смысла переводимого с одного национального языка на другой произведения, что и позволяет достичь точности перевода.

УДК: 81'42

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-951-954

ART OF UNDERSTANDING
Review of the textbook: Nenarokova M.R. Basics
of linguistic stylistic text analysis: a tutorial.
Moscow: RUDN University, 2018. 186 p.

Natalia V. Nalegach

Kemerovo State University
6, Krasnaya str., Kemerovo, Russia, 50000

Сведения об авторе:

Налегач Наталья Валерьевна, д.ф.н., профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета.

Information about the author:

Natalia N. Nelegach is Full Professor, Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.